

Силия

ЛЕГЕНДА О ДЕМЕНТОРАХ

Силия

Легенда одементах — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2004. — 106с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Legend about dementors.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 12 лет.

© **Силия** ака **Юка**, fairyland@bk.ru, 2004.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2004.
Впервые опубликовано онлайн в 2004 году.

® Вёрстка. Ombro, 2004

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 00. Вступительное слово, предисловие, краткое содержания, оправдания или скорее все вместе.

Жизнь — это самое страшное, что может с нами случиться, и мы предлагаем вам окунуться в нее.

Что задумывалось как романтическая история, но незаметно для самого автора превратилась сначала в мистический рассказ, а затем и вовсе в предисловие к истории, рассказанной нам Роулинг. Я не пытаюсь заглянуть в будущее, но попробую раздвинуть перед вами занавесь прошлого. Если вы хотите погрузиться в светлый мир созданный Роулинг и вновь пережить приключения с Гарри, то я не стану вас обманывать и сразу признаюсь, **здесь ничего подобного вы не найдете**. Но если вы не прочь попить чаю с дементором, закрутить роман с будущим темным магом, узнать самую страшную тайну Седрика Гриффиндора, увидеть Хогвартс готической головоломкой и сплясать на балу с приведением, то милости просим сюда. Я проведу вас по мрачным коридорам совсем иной школы магии, и попытаюсь разгадать загадки госпожи Роулинг... По крайней мере, по-своему.

П.С. Изначально этот фанфик был написан на английском языке и переводить его было делом не из легких, поэтому отдельное и огромное спасибо Татьяне Арефьевой, отредактировавшей текст.

Глава 01. «Когда они смотрят»

Бойтесь смотреть в глаза, ведь в них можно увидеть свое отражение.

Эти глаза... Они были прекрасны и безумны... но в них не было ничего устрашающего, только печаль и неимоверная грусть... Мне невольно захотелось протянуть руку и прикоснуться к их владельцу, во всепоглощающем желании его утешать.

— Отойди от нее! — Голос отца вернул меня в реальность.

— Папа все в порядке, — попыталась успокоить его я, он ничего плохого мне не сделал.

— Титучи, просто подойди ко мне... — Мне это показалась или мой отец, никогда не ведущий страха, был испуган! Да, он был испуган! Всегда такой большой и сильный, сейчас он казался беспомощным и подавленным!

— Хорошо папа, — кивнула я, отбрасывая свои рыжие и непокорные космы с лица, но попытка подняться с пола ничего не дала, нога, которую я подвернула минуту назад, все еще ныла и не как не хотела подчиняться моей воле. Внезапно холодное прикосновение, подобное обжигающему ветру, обхватило мои руки и в одном порыве выпрямило над землей, пальцы все еще сжимали меня в локтях, пока я неуверенно искала почву под ногами, и это были пальцы дементора.

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась сокрытому в капюшоне лицу.

— Титучи, живо сюда! — голос отца сорвался на крик, — я кому сказал!

— Иду! — я неуверенно шагнула вперед, но, видимо, нога была повреждена сильнее, чем показалось вначале, и вместо движения получился неловкий взмах руками в воздухе и очередное падение... Но, когда поверхность каменистого пола была устрашающе близка, кто-то меня подхватил. Сначала я не осознала, что это было. Лишь поняв, что падения не произошло, вопреки ожиданиям и закону тяготения, я открыла глаза. Отец стоял в двух шагах от меня, держа в руках волшебную палочку, мой же таинственный знакомый медленно растворялся во мраке ближайшего коридора.

Целый день я избегала взглядов отца. Чувство вины постоянно напоминало о себе, стоило посмотреть на неожиданно седую прядь волос в его густой рыжей шевелюре, я готова была поспорить, что еще утром её не было.

Отец тоже избегал разговоров о том, что произошло, лишь вечером, сидя в лодке, он поднял эту тему.

— Титучи, ты знаешь, что я тебе доверяю, — ой, по этому родительскому тону я сразу поняла, что за этой сладкой ложкой меня вымажут в дегте, — и твое безрассудное поведение сегодня днем меня весьма огорчило.

— Но папа, я...

— Не перебивай! Я поддался твоим уговорам и впервые взял с собой на работу, в уверенности, что ты достаточно взрослый и ответственный человек. Азкабан — это не детская площадка, а дементоры — не демиурги из сказок! И что же я вижу? Стоило мне на минуту отвернуться, а ты уже пропала. Я поднял на уши весь волшебный персонал, что бы найти тебя, и в итоге нашел в запретном коридоре в обществе дементора! Нет, о чем ты думала? Любой дементор, даже под самым мощным заклинанием, остается дементором... А, следовательно, смертельно опасным созданием!!!

— Но он не сделал мне ничего плохого...

— Откуда ты знаешь, что он этого не хотел? Возможно, мой приход помешал ему.

— Ты пришел не сразу, а я долгое время плутала по коридорам... К тому же, после того, как подвернула ногу, я была абсолютно беспомощной. Так что у него была куча возможностей! Но, вместо этого, он просто сидел рядом, а затем и вовсе помог мне подняться...

Я видела в глазах отца иронию, он не отнёсся серьезно ни к одному моему слову.

* * *

После того случая прошло пять лет, но он не покидал моей памяти. Я не волшебник, как мои родители... Что же, такое случается и в лучших семьях... Я живу на острове недалеко от тюрьмы волшебного мира — Азкабан, мой отец управляет ей. Это сложная работа — держать в руках дементоров, но он единственный, кто смог бы с ней справиться. И хотя я не волшебник, я обитаю в городе волшебников и хожу по тем же улицам, что и они. Порой мне грустно, что в этом мире нет места для меня, я даже не могу посещать простую маггловскую школу из-за мамы... Она серьезно больна. И когда между приступами она находится в больнице, ей нужен уход... Так что нехватку учителей я возмещаю количеством прочитанных книг. Мне нравится читать все, но особенно магические учебники. Хотя я и знаю что-то, о чем они рассказывают, это никогда мне не пригодится. Вот и сейчас, возвращаясь из магазинчика Дукса, я несла целую стопку подобных изданий. Старик Дукс любил меня, ведь я была единственным человеком, способным выгуливать его четырехметрового тритона, за что он позволял мне пользоваться своим магазином в качестве личной библиотеки.

Дома вкусно пахло, мама хлопотала на кухне. Последнее время она все чаще уезжала и поэтому минуты, когда все же бывала дома, становились радостным событием. Я кинулась в комнату. «Только не утомляй ее!» — кинул мне в след отец, давая улыбку.

— Мама!

— Милая.

Она выглядела так же, как два месяца назад, перед очередным отъездом в больницу Святого Мунго. Мама вообще не изменялась, порой казалось, что она заключала союз со временем и безумием до наступления очередного приступа, но эти моменты были самыми счастливыми в нашей жизни.

На кухне все кипело и бурлило... Любимый мамин котелок, подаренный ей тетей Гертрудой на свадьбу, усиленно пытался цитировать Шекспира в такт клубам пара, но постоянно сбивался на какой-то из строчек. Со мной его хватало лишь на фразу из монолога Гамлета «быть или не быть»... и, как правило, это касалось качества моей стряпни. Даже наша ручная летучая мышь оживленно летала под потолком, гоняясь за губчатым ежиком, наследством дальних морей, живущим за мойкой. В раковине переливались всеми цветами радуги разговорчивые пузыри, обсуждающие очередные сплетни. Я сама обычно не пользовалась ими для мытья посуды, так как не люблю, когда меня отвлекают, к тому же избавиться от них очень сложно. С тех пор, как их стали делать на жижево — ведьминых болотах, они почти не лопаются самостоятельно и приходится изрядно побегать по дому с волшебной палочкой, чтобы окончательно избавиться от них.

На окне в умильной позе расплзающегося теста дремало старое полотенце, предоставив чашкам и тарелкам полную свободу действий... Мама всегда подозревала, что его сделали на половину из шерсти кота, поэтому оно так отчаянно боится воды и любит греть спинку.

— Обед будет готов через час, а ты тем временем могла бы заняться тем ужасом, в который превратился наш сад, — притворно строго пробурчала мама, высвобождаясь из моих объятий.

Всегда она так! — подумала я. С ее появлением в дом приходит жизнь, но мама делает все, чтобы превратить это в игру.

— Ладно! — согласно кивнула я, собирая раскиданные в пылу радости по полу книги, — Сейчас и займусь!

Сменив «приличную» одежду на привычный комбинезон, откопанный мной на маггловской распродаже, я направилась в сад... Большие и заброшенные владения кустарников и папоротника. Мы заключили договор, что не будем мешать его буйному росту, разве что время от времени корректировать. Поэтому моя маленькая грядка была единственным искусственно созданным местом.

Я с жалостью посмотрела на несчастные растения на этой грядке, а растения испуганно посмотрели на меня. Конечно, они не кинулись прочь, но, думаю, что если бы у них была такая возможность, они бы не преминули ей воспользоваться. Даже я не осуждала этого желания, ведь

в моих «заботливых» руках их «поголовье» резко сократилась. Даже смеющийся куст, заметив меня с лопатой, стал тихо подвывать.

— Да, это я! И не надо жаловаться, а то останетесь без воды и удобрений! — где-то я читала, что с растениями надо разговаривать.

Я уже полностью с головой ушла в работу, когда с улицы раздался этот звук, или точнее его полное отсутствие. Нет, мы, конечно, жили в провинции, но даже у нас никогда не было так тихо на улицах днем. Подобрал садовые ножницы и ведро, я пошла к дому. Задняя дверь легко открылась, но сама комната была пуста.

— Мама. — Нерешительно позвала я. Но ответа не последовало.

— Мама. — И опять тишина.

Смутное предчувствие беды охватило меня изнутри и, не желая отпустить, заставило обследовать весь дом. Но он был пуст...

А потом раздался протяжный крик, он исходил с улицы а следом за ним все звуки, потерянные пару минут назад, вернулись с удвоенной силой. Я сбежала с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки. Перед домом собралась толпа, оживленно что-то обсуждающая. Я попыталась протиснуться. Но этот шабаш распался с неохотой. Но все же постепенно стена разжалась, и мне открылась страшное зрелище. Это было наполовину растерзанное тело дементора.

Все вокруг было запачкано черной булькающей жидкостью, скорее всего, заменяющей им кровь, а его голова безвольно болталась на том, что осталось от шеи. Казалось, существо еще боролось за жизнь из последних сил и, пытаясь открыть глаза, старалось дотянуться до чего-то, что было рядом на земле. Но никто даже не пытался ему помочь, хотя, наверное, любой из этих волшебников мог облегчить его страдания. Но все лишь с отвращением морщились и наблюдали, как жизнь покидает его.

Я не могла быть частью этой толпы. Я просто сделала шаг вперед, даже не подозревая, что сделала выбор. Существо заметило меня, и потянулось навстречу. Кто-то из волшебников вытащил палочку, а какая-то пожилая ведьма попыталась затащить меня обратно.

— Оставьте! — предостерегающе подняла я руку, не надеясь, что кто-то меня послушает, но видно момент все же был невероятен, и никто не посмел мне возражать.

Я встала на колени перед умирающим дементором и приподняла его голову, все вокруг замерли так, будто наблюдали причудливый трюк с невиданным зверем в павильоне «Мерлина».

Создание, казалось, уже смирилось со своей участью, и лишь рука, почти скрытая в рукаве, продолжала шарить по мостовой... Было странно наблюдать за этим, как бы со стороны, холод так и душил меня, а я чувствовала, как то, что было живым еще минуту назад, умирало... Этот взгляд, полный отчаянья и боли... даже у людей я не видела более человеческого взгляда. Это была беззвучная мольба и оглушительный крик о помощи. Моя рука непроизвольно потянулась вслед за его рукой, в попытке помочь найти, что он искал. Но мне ничего не удалось нащупать, кроме маленького глиняного шарика, оторванного от детских бус. Да в общем-то было уже поздно...

В тот момент я даже и не задумывалась о том, как странно это выглядело со стороны, но не раз я просто повторила этот жест и закрыла его глаза.

Глава 02. «И демон проснется ото сна...»

Бойтесь своих желаний, ведь они могут исполняться.

Весь город еще долго не мог прийти в себя, взбудораженный событиями того дня. К нам даже прислали репортеры из «Ежедневного Пророка», с целью осветить данное происшествие. А папа купил боггарттовую сигнализацию и в тот же день установил ее дома.

«Хм, если она от дементоров, то это интересно» — думала я, наблюдая за его действиями.

«Кого может бояться дементор? Скорее уж, это боггарт испугается, при виде него!»

Перед сном отец попытался поговорить со мной. Он чувствовал себя виноватым в том, что я видела это, но никак не мог выразить свои переживания словами. Я же в свою очередь не могла объяснить ему то, что стало расти у меня внутри. Так, после получасовой беседы ни о чем, мы разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Перед сном я долго прокручивала в памяти все случившееся за день, пока дремота в конце не одолела меня.

Ночью я проснулась от какого-то шороха, это был даже не звук, скорее нечто, напоминающие шуршание крыльев. В детстве я часто просыпалась от этого легкого шелеста и всегда видела ее. В длинном белом халате из тафты она, подобно призраку, стояла у окна, и отстраненным взглядом смотрела на звезды.

Моя мама всегда была не такой, как все. Нереально-красивая, нереально-добрая, нереально-неземная.

Порой, в детстве мне нравилось воображать, что она прилетела к нам с каких-то далеких звезд, наподобие ангела, и, полюбив папу, решила остаться. По ночам же мама грустила по звездам и смотрела в окно, как будто рвалась к ним, а может видела то, что не дано нам, простым смертным...

— Мам? — я подтянулась на кровати, пытаюсь рассмотреть ее тонкий профиль в свете луны.

— Титучи? Ты еще не спишь?

— Нет, что-то не хочется, — пожалала я плечами.

— Это от волнения, — мама села на край кровати, и ее ласковые мягкие руки стали подтыкать одеяло. — Сегодня ты многое пережила и, наверное, страшно испугалась.

— Вовсе нет, — возразила я, все так же пытаюсь всмотреться в ее лицо.

Мамина ладонь остановилась в воздухе, как будто принимала решение, что ей делать дальше.

— Тебя не испугал тот дементор?

— Нет, ничуть, — я помотала головой в надежде, что мама увидит это в окружающей нас темноте. Мне так хотелось поделиться с кем-то, тем невероятным ощущением, возникшим от его глаз, что я готова была искать слушателя в любом. Ну а мама, самый близкий мне человек, должна была это понять, как никто другой. — Мне стало его жалко, у него были такие грустные глаза.

Я услышала тяжелый вздох, и материнские плечи обмякли, как будто внезапно стали слишком тяжелыми для нее, а может, ее крылья устали скрываться где-то там, за спиной.

— Наверное, это судьба, а может, какое-то проклятье, — я почти слышала слезы в голосе матери.

— Мама, о чем ты? — я обняла ее за руки, пытаюсь успокоить.

Так мы и сидели молча во мгле, пока она вновь не заговорила. Ее голос был спокойным и ровным, но в нем сквозили настойчивость полная нежности.

— Милая, думаю, ты уже достаточно взрослая для того, чтоб мы поговорили с тобой на сложную тему, которой я старалась избегать все эти годы, — она наклонилась ближе

ко мне. — Возможно, тебе покажется непонятным то, что я скажу, но ты просто запомни. Наверное, я никогда не была такой матерью, которую ты хотела иметь. Трудно осознавать, что твоя мама странная, если не сказать больше. Но поверь, у меня есть причины на это. В нашем мире существуют люди, у которых вместо души демон. Это не страшно, и бояться этого не стоит. Напротив, такой демон помогает им и ведет их сквозь года. Он силен, и делает своих владельцев такими же. И все хорошо, пока такой демон не встретит подобного себе. Два демона не могут сосуществовать, и их союз разрушителен. У тебя в душе живет демон, а значит ты, как и я, когда-нибудь встретишь существо, подобное себе, с демоном вместо сердца. Ты поймешь это, когда оно на тебя посмотрит. Когда они смотрят, все становится ясно. В их глазах ты видишь себя...

Мама вновь замолчала, казалась, ее мысли снова заблудились в глубинах сознания.

— Я кое-что дам тебе. Возможно, в будущем это станет твоей единственной защитой. Обещай, что будешь носить эту вещь с собой, что бы ни случилось!

Я не совсем понимала, о чем идет речь, но кивнула, чтобы сделать ей приятно. Помедлив еще секунду, мама сняла с руки браслет в форме змейки и одела на мое запястье, лишь на мгновение задержав свою руку, а потом ушла так же тихо, как и появлялась в моей комнате по ночам.

Что-то внутри меня подсказывало — она больше не вернется. От этой мысли мне стало страшно, и я попыталась зажечь свечу рядом с кроватью. Быть может, мрак комнаты так подавляюще действовал на меня. Но этого чертового изобретения, маггловских спичек, нигде не было. Я ощупала всю поверхность столика у кровати и ничего не нашла. Единственным, что попало под руку, был бесполезный сувенир, подаренный на десятилетие дядей Оливандером — волшебная палочка, которая мне так и не пригодилась. Она была такой изящной — сосна и русалочий плавник — что я не смогла ее отдать. Дядя сказал, что в ней сочетается созидаящая и разрушающая красота моря с бесконечными ветрами, гуляющими среди ветвей бескрайних лесов. После этого долгое время я не засыпала без того, чтобы попробовать воспользоваться палочкой в надежде на чудо. Но я росла, а оно так и не происходило. Поэтому, наверное, я единственная, кто точно знает, что волшебство существует и абсолютно не верит в чудеса.

Итак, палочка не поможет мне зажечь свечу, следовательно, надо идти вниз и надеяться, что в камине еще не погасли угли. Я попыталась нащупать тапочки, но, вспомнив, что они были сделаны из взбесившейся кожи крептора, передумала — кто знает, чего от них ожидать? Вот так в абсолютной темноте, босая и с палочкой под мышкой, я на ощупь спустилась по лестнице в гостиную. Камин действительно еще не потух, и я, как мотылек, поспешила на его огонь, тут же поплатившись за свою поспешность. Невидимая нить боггартовской сигнализации больно врезалась в ногу. Я в ужасе замерла, зная, что за этим последует появление моих страхов в тройном воплощении.

Последний уголек в камине потух, и сгущающаяся тьма подпитывала мой ужас. Ну, уж нет, для одного дня — это слишком!

— Илюмиус! — прокричал мой голос, а рука взмахнула волшебной палочкой.

* * *

Все произошло быстрее, чем я могла ожидать.

— Милая, ты ничего не хочешь мне рассказать? — спросил отец еще за завтраком.

— О чем? — не сразу поняла я.

Ложка безвольно повисла над тарелкой с овсянкой, утром у мамы случился приступ, и отец был вынужден отвезти ее в больницу.

— Вчера вечером не происходила ничего необычного?

— Когда? — смутно я уже догадывалась, о чем идет речь.

— Уф, — отец развернул свой стул ко мне, — сегодня я имел разговор с людьми из Министерства Магии, осуществляющими контроль над незаконным использованием волшебством во время летних каникул людьми не старше 18 лет. Более того,

по их предположениям колдовал не один человек, а целая группа подростков и источником безобразия был наш дом. Я, конечно, объяснил, что ты на это просто не способна, — отец постарался заглянуть в мои глаза. — Но все же, ты случайно не брала в руки волшебную палочку вчера вечером?

— Целая группа?

— Да. Может, вы с Милсент...

— Милсент уехала в Хогвартс еще неделю назад, — отрицательно покачала головой я.

— Это не ответ, дорогая. Поверь, я не буду ругать тебя. В конце концов, ты не могла предположить, что...

Отец замолчал, опустив голову.

— Договаривай. Я не могла предположить, что что-то получится? — кровь застучала в висках, вся та боль и обида за годы, которые я хотела быть похожей на родителей, рвались наружу.

— Я не это хотел сказать, в любом случае, выброс энергии был слишком сильным для одного человека. Ты не хочешь объяснить, что произошло прошлой ночью?

Хороший вопрос, знать бы на него ответ. Последнее, что я помнила, это заклинание «Илюмиус», а затем... Затем я проснулась в своей кровати.

— Ничего не произошло, вернее, мне так кажется, — неуверенно протянула я.

— В каком смысле, тебе так кажется?

— Ну, я спустилась вниз, чтобы зажечь свечу, а потом задела боггартговскую сигнализацию, испугалась и воспользовалась волшебной палочкой, — сбивчиво стала объяснять я. — Кажется, воспользовалась.

— Где это было? — отец внимательно всматривался в мое лицо, будто пытаюсь понять, говорю ли я правду.

— В гостиной.

— Идем, — он протянул мне руку.

Я послушно последовала за ним в гостиную. Все было, как обычно, кроме трех дыр, насквозь прожегших стену над камином.

— Ты знаешь, что это?

— Нет, — отрицательно покачала головой я. — А что?

— Это то, что осталось от трех боггартгов, входящих в комплект сигнализации, — немного погодя ответил отец.

* * *

В тот день в нашем доме было много народу. Я не знала никого из них, но все они, похоже, были озабочены именно моей персоной. Некоторые подходили и задавали вопросы. Как правило, я с трудом понимала их смысл. Другие держались вдалеке и только качали головой, глядя в мою сторону. А один молодой и нахальный юноша даже попытался измерить меня.

— Корнелий! Немедленно оставь девушку в покое! — окликнул его какой-то мужчина, оживленно разговаривающий с моим отцом.

Молодой человек хоть с неохотой, но подчинился. Правда, было уже поздно. Охваченная тревогой, я в смятении стояла посреди комнаты, в поисках утешения, совсем одинокая и несчастная. Но, никого здесь не волновали мои чувства. Я же выхватывала глазами из толпы абсолютно незнакомые лица, в надежде найти человека, способного защитить меня от этих странных вопросов и чужих людей, единственного, который мог огородить меня от моих страхов. Я почти закричала: «Папа». Но его уже не было в комнате, мне лишь удалось заметить, как за ним и тем, другим мужчиной захлопнулась дверь в сад. На мгновение я замерла, снова окруженная чуждыми мне лицами, голосами, и этого было достаточно, чтобы остановить свой выбор

на двери. Не раздумывая больше ни секунды, я скользнула во мрак сада в надежде отыскать отца раньше, чем очередной нахальный мальчишка подойдет ко мне с линейкой.

В саду было темно и тихо, лишь пара оживленных голосов около беседки нарушали тишину. Благо, мне не нужно было видеть дорожку, чтобы добраться до цветника. Беседка находилась всего в нескольких шагах, и я уже могла различить голоса отца и его собеседника. Слабые блики от искрящихся палочек освещали их лица. Не знаю, что остановила меня от того, чтобы сделать еще один шаг. Не то раздражение отца, не то убежденный тон его оппонента. Я осталась стоять в кустах у цветника в нерешительности — уйти или послушать, о чем они говорят. Конечно, мой отец не одобрил бы подобное, но внутренний голос подсказывал, что этот разговор касается меня куда более остальных его участников.

— Она должна поехать. Теперь нет сомнений в том, что она волшебница. И ты скорее подвергнешь ее опасности, если не научишь управлять своим даром.

— Ханна будет против этого, — в голосе отца слышалось все возрастающее несогласие.

— Ханна не всегда способна рассуждать адекватно, и ты это знаешь. Хогвартс на сегодня — лучшая альтернатива для твоей дочери. Ты и сам понимаешь, что остальные школы не примут ее в таком возрасте, — оживленно настаивал на своей позиции незнакомец

— Там она будет слишком близка к ответам, — продолжал возражать отец.

— Чтобы узнать ответы, ей надо знать, какие вопросы задавать. Не стоит упрямяться, обещаю, я прослежу за тем, чтобы она ничего не узнала.

— Альбус, ты уверен, что сможешь, это сделать? — в глазах отца застыла мольба.

— Конечно, Джи. Я думаю, тебе стоит найти дочь и рассказать о своем решении. Ее будут ждать в Хогвартсе на будущей неделе.

* * *

Я еду в Хогвартс! Я с детства слышала об этом месте так много, сначала из уст родителей, затем от друзей сверстников, что порой мне, казалось, будто я знаю замок, как свои пять пальцев. Но мне даже страшно было подумать, что я смогу хоть разок увидеть его своими глазами. Это как несбыточная мечта, на которую вы давно махнули рукой, а тут она начинает сбываться. Надо было собирать вещи, но какие? У меня никогда не было их особенно много, а форму и учебники отец обещал привезти туда. Ну да, конечно, пару любимых книг, подарок дяди Оливандера и музыкальную шкатулку.

Она стояла на моем ночном столике с пяти лет, в ней я хранила все самое дорогое и важное. Совсем небольшая, но достаточно просторная, чтобы вместить мое сердце. Здесь было все: и первая фотография, на которой я с родителями весело улыбаюсь, а в следующей момент уже заливаюсь слезами, испугавшись пчелы, и зеленый цвет радуги, который я поймала в волшебную колбу на седьмой день рождения, и мой набор карточек великих волшебников, и заколдованный махаон, смешно дергающий крылышками во сне, и невидимые камушки с берега моря исчезнувших пещер, и даже странный кусочек зеркала, который я нашла зимой (он напомнил мне одну маггловскую сказку, вычитанную в книге с их распродажи). Мне нравилось перебирать свои сокровища, я знала каждую вещицу и историю, связанную с ней. Последним предметом, нашедшим пристанище в моей шкатулке, стала маленькая глиняная бусинка, покрытая синей эмалью. Не знаю, почему я ее сохранила, возможно, дело было в том взгляде. Я никогда не думала, что дементоры и люди могут быть так похожи. У меня не было времени размышлять над этим, а сейчас мне, почему-то стало казаться, что все происшедшее не случайность. Что я знала дементора, погибшего около моего дома. Понимая, как глупо это звучит, я тогда промолчала. Все дементоры безлики, и сказать, что ты узнал кого-то из них, значит покривить душой. Но с каждым днем во мне силелась уверенность, что я держала на руках голову того самого дементора, что встретила в запретном коридоре Азкабана.

* * *

Обычно ученики прибывают в Хогвартс на поезде, но занятия начались неделю назад, поэтому в вагоне я была почти одна, если не считать молодой пары, собравшейся навестить родственников в Хогсмите. Хотя это было не важно, так как всю поездку я собиралась проспать. Мы прибыли в Лондон под утро и все оставшееся время провели на вокзале в ожидании экспресса. Когда же тот наконец подошел, отец не удержался и, отвернувшись от меня, вытер что-то, предательски скатившееся по его щеке. Прощание было недолгим, но тяжелым. Я впервые расставалась с ним на срок превышающий месяц. Сев в поезд, и усиленно стараясь не смотреть в окно на удаляющуюся фигуру отца, я занялась обустройством моего маленького саквояжа — к слову, это был весь мой багаж. Мне предстояла долгая дорога, и времени, чтобы вздремнуть в ожидании новых впечатлений, было предостаточно. Но волнение взяло свое, и вместо сна я стала рассматривать пейзажи. В голове теснилась куча разных вещей, так много, что одна мысль перебивала другую почти в унисон с третьей. За радостными хлопотами я почти забыла о разговоре, подслушанном в саду. Что есть в Хогвартсе такого, о чем я не должна знать? Хотя глупо думать об этом сейчас. Лучше этот вопрос я задам себе там, и я буду не я, если стены замка не дадут мне ответ!

Глава 03. «Лучшее место для знакомств»

Порой мы не видим явные плюсы, которые дает нам наше положение.

За окном смеркалось, когда поезд остановился. Однажды уже побывав в Хогсмите, мне не составило труда узнать платформу, на которую мы сошли. Я огляделась в поисках того, кто должен был меня встретить. Недалеко от солнечных часов, показывающих лунное время, стоял знакомый мне высокий человек с лучистыми глазами. Я сразу признала в нем незнакомца, который разговаривал с отцом в беседке. Не будучи до конца уверенной, я помахала ему, но мужчина уже заметил меня и заспешил в моем направлении.

— Меня зовут Альбус Дамблдор, — представился он, дружелюбно улыбаясь. — Я преподаю в Хогвартсе преобразования и буду твоим куратором.

— Очень приятно, — вежливо кивнула я.

На самом деле, я старалась вообще не говорить, а затаить дыхание и впитывать все происходящее.

Как бы, наверное, смеялась Милсент, услышь она мои откровения по поводу того, что ей было знакомо с одиннадцати лет. Но для меня все было новым и удивительным. Неправда, что вас нельзя удивить волшебством, даже если вы живете в мире волшебников — поверьте, это отнюдь не так.

Все то, что я увидела в течение следующего часа, стоило многих воспоминаний, которые я могла бы с легкостью вычеркнуть из своей жизни. Меня поражало все! Начиная от щупальца гигантского кальмара, который я чуть не пожалала в порыве дружеских эмоций, заканчивая огнями Хогвартса, которые заморозили меня, будто бабочку. Теперь я знала, к какому свету так давно стремилась.

Мой же сопровождающий лишь улыбался, наблюдая мою реакцию на происходящее, и благодушно держался в тени, позволяя мне в полной мере получить удовольствие от данного момента.

Кульминацией вечера стало посещение директора. Не стоит даже говорить о моем восторге по поводу тайного хода в его кабинет, где мне были разъяснены условия, согласно которым я должна была проходить обучение. А их было много. Начиная с того, что, будучи слишком взрослой, для сортировки шляпой, я не могла быть записана ни в один из колледжей. Компромиссом явилось решение разместить меня в учительском крыле, где была освобождена маленькая комнатка. Далее шли тесты, которые установили, что по уровню знаний я вполне соответствую своим сверстникам (спасибо книгам и мистеру Дуксу, снабжавшим меня ими все эти годы), но по части опыта я отстала невероятно сильно, на целых шесть лет. Поэтому было решено, что лекции я буду посещать с группой своих ровесников, а по вечерам стану отдельно заниматься с преподавателями, дабы наверстать все то, что было не доступно мне все эти годы.

Вот так, опьяненная эмоциями и предвкушением, в сопровождении теперь уже официально назначенного моим ангелом-хранителем преподавателя Преобразования, я пересекла множество пролетов великолепно-непредсказуемых лестниц, чтобы оказаться в учительском крыле. Пожелав мне спокойной ночи и вручив расписания занятий на неделю, Альбус Дамблдор удалился. Хм, наверно стоило лучше рассмотреть свою комнату? Хотя нет, хватит впечатлений на сегодня, сейчас лучше просто уснуть.

Все мое существо было наполнено одним сплошным волнением. Я впервые войду в кабинет, и это будут мои первые занятия в обществе магов и волшебников, подобных мне. Как странно называть себя волшебником, я уже почти смирилась с тем, что никогда им не буду... Они знают намного больше меня, по отношению к ним я практически маггл. Вдруг я не смогу быть похожа на них? Никогда не смогу быть такой, как они? Я всю жизнь ни на кого не была похожа, но, в отличие от многих, мечтала стать серенькой мышкой, нежели летать белой вороной. Только бы никто не обратил на меня внимания! Пожалуйста, будьте заняты своими делами, умоляю!

— Вы собираетесь войти или предпочитаете прослушать лекцию здесь? — спросил насмешливый мужской голос сзади.

— Я... она почему-то не открывается.

Какая глупая ложь! Аж самой тошно стало.

— Странно. Может, я смогу вам помочь?

— Буду признательна.

Ну вот, теперь он откроет дверь, а я буду выглядеть еще большей дурой. И как назло преподаватель идет по коридору, какой позор!

— В чем дело? — спросила миловидная женщина с горой книг в руках и в мантии преподавателя.

— Похоже, дверь заела, — ответил все тот же голос сзади.

— Быть такого не может! Том, а ну-ка, помогите мне, — с этими словами она требовательно развернулась к двери.

— Как скажете, профессор, — чья-то рука мягко, но настойчиво отстранила меня от прохода.

Затем молодой человек сам подошел к двери и дернул за ручку. Я была готова провалиться сквозь землю, но к моему удивлению, его усилия не увенчались успехом.

— Профессор, кажется действительно заело.

— Хм, готова поспорить, это глупая проделка очередного полтергейста, ладно я до них еще доберусь! Думаю, Том, не мне вам объяснять, что делать. Вы сможете определить, что с дверью, и решить эту проблему?

Все еще не совсем понимая, что происходит, я с интересом наблюдала со стороны за событиями, причиной которых стала. Молодой человек, кажется, был готов к этому указанию преподавателя и заранее достал волшебную палочку. Сама же учительница отстранено стояла у стены, и казалась, что на самом деле происшествия ее ни чуточки не волновало. Она скорее с интересом, чем с тревогой, наблюдала за действиями своего ученика. После нескольких манипуляций проверки двери на самые мелкие пакости (лишь те, на которые мог быть способен полтергейст), что-то щелкнуло, и двери с грохотом распахнулись.

— Прекрасно, Том, — улыбнулась профессор, проходя внутрь. — Думаю, теперь мы сможем начать урок.

Растерявшись, я застыла в дверях, все так же не вполне уверенная в реальности происходящего.

— В чем загвоздка на сей раз? Дверь открыта, — снова заметил этот голос.

— А она и не была заперта.

— Знаю. Может все же войдем? Чем дольше будете стоять, тем труднее будет сделать этот шаг.

Я обернулась, ища поддержку в этом мягком тембре. Мне понравилась то, что я увидела. Он был очень приятным на вид, даже красивым, а главное — в его лице и глазах не было ничего близкого к насмешке или злорадству, он и вправду искренне хотел помочь.

— Спасибо за дверь, — шепнула я и, почти зажмурившись, шагнула в неизвестность класса.

— Итак, надеюсь что, никто не забыл меня за лето, но, поскольку среди нас есть новенькая, я представлюсь еще раз, — улыбнулась женщина с книгами, которую я верно причислила к «отряду» преподавателей.

— Меня зовут Арабелла Фигг, но я предпочитаю, чтобы мои ученики звали меня мисс Фигг. В этом году, как впрочем, и в прошлых, я веду Защиту от Темных Сил. А эта юная леди, — она указала на меня (боже, а я так мечтала обойтись без публичного представления), — Титучи

Маргус, будет учиться вместе с вашим курсом.

В классе повисла почти ощущаемая тишина, и я почувствовала на себе оценивающие взгляды. «Главное, не краснеть», — почти на ощупь пробираясь в поисках свободного места, повторяла я.

— Хм, надеюсь, вы вдоволь налюбовались красотами кабинета и видом из окна, так как в этом семестре нам предстоит сложная работа, — вновь заговорила мисс Фигг — С сегодняшнего дня

мы серьезно займемся понятием воли в ее сугубо магическом значении. И на будущее — эти уроки будут одними из самых важных в вашей жизни, даже в том счастливом случае, если вам и вовсе не придется столкнуться с тем, о чем будет рассказано.

Наконец отыскав место, я постаралась тихо на нем устроиться, не отрывая любопытного взгляда от преподавательницы.

— Мы много раз обсуждали с вами всякую нечисть и те миллионы способов, что существуют для борьбы с ней. Но, конечно, вы все должны понимать, что немаловажным фактором в этой борьбе является ваша воля. Это как с боггартом — вы можете победить его лишь при помощи воли. То есть, вы заставляете себя не бояться и, следовательно, ловите боггарта в ловушку его же собственным замешательством. Но победить свой страх — не самое сложное волевое решение в вашей волшебной практике.

С этими словами профессор внимательно обвела класс глазами. В какой-то миг в ее руке появились две потилопки, настолько маленькие, что скорее напоминали мышек, чем взрослых потилоп. Мисс Фигг положила зверюшек на стол — друг против друга. Еще секунда, и одно из этих милых созданий, будто подчиняясь чьему-то приказу, напало на другое.

— Намного сложнее противиться чужой воле, — беря драчуна за хвост и кладя на все так же вытянутую ладонь, суммировала преподаватель.

* * *

Как вы думаете: где проводят большую часть своего свободного времени ученики? Правильно, в библиотеке. Для меня эта территория оставалась еще неизведанной. Просто за две с лишним недели, что я находилась в Хогвартсе, меня хватало лишь на то, чтобы не опаздывать на уроки. Да и это было бы весьма затруднительно без живого путеводителя, подаренного мне Дамблдором. Правда, данная вещица некогда принадлежала какому-то моряку, успевшему его изрядно испортить. Порой, этот желтый папирус с постоянно меняющимися координатами забывал, что он давно уже не в море и требовал пиастр за работу или бартер в виде рома. С утра же он окрестил кабинет Зельеварения «пиратским логовом», а мисс Фигг подругой попугая. За что в итоге получил наказание в виде складыванья в самолетик и сбрасыванья с самого верхнего лестничного проема... Представляете, он до смерти (насколько это выражение применимо к неодушевленной вещи) боится высоты!

Неожиданно во второй половине дня у меня появилось часовое окно и, решив воспользоваться вынужденной или тактической послушностью и дипломатичностью путеводителя, я отправилась обследовать библиотеку. Найти ее оказалось не сложным делом. Выяснилось, что массивные двери в хранилище знаний располагались недалеко от кабинета ЗОТС. Но вот то, что произошло дальше, после открытия этих дверей, мне было даже сложно представить.

— Я, конечно, не настаиваю, но может, меня все же вернут на место? — спросила я, складывая руки на груди. Было довольно странно взирать на мир, находясь в положении вверх тормашками. Впрочем, оглядевшись, я поняла, что не одна такая, около дюжины учеников находилось в подвешенном состоянии на потолке библиотеки, каким-то невероятным образом цепляясь своими мантиями за воздух.

— Простите, но это принципиально? — спросил парень, сидящий на стопке книг сбоку. Кажется, все происходящие его безумно веселило.

— Заткнись, Майлз, — процедила сквозь зубы темноволосая девушка в мантии Рейвенкло, носящаяся от одного толстого фолианта к другому. — Если не можешь предложить ничего дельного, так хоть не мешай!

— Прости, Пин, но это выглядит весьма забавно, — парень развел руками, при этом неловко балансируя на книгах.

— Да, тебе это кажется забавным? — раздражено поинтересовался другой темноволосый юноша, находящейся слева от меня. Хотя думаю, ему было хуже, чем мне, так как, обладая достаточно длинными волосами, он не позаботился о том, чтобы перетянуть их чем-либо, и теперь безуспешно пытался скинуть одну из прядей загадочным образом падающую на глаза.

— Прости Эван, но да! Это весьма забавно.

— Я рад, — парень откинул волосы с глаз, — что тебя это так развлекает, кстати, у тебя паук на правой ноге.

— Где? — Майлз подтянул штанину, и книжная стопка, не выдержав такого беспокойного ерзанья на себе, рухнула прямо под ним.

— Всегда срабатывает, — весело подмигнуло мне веснушчатое лицо справа. — Меня зовут Бродерик Зонк. А ты, по-моему, новенькая?

— Угу, — промычала я. «Кажется, от положения вниз головой меня мутит, надо запомнить на будущее».

— Привет, я — Лукас, — сказал кто-то сзади. — Кстати, не могла бы ты чуть сдвинуть свой хвостик, а то у меня аллергия на клубнику, а твои волосы ей так и благоухают.

— Лонгботтом, лучше назови мне хоть что-то, на что у тебя нет аллергии, — язвительно заметила девушка рядом.

— Перестань, Агата, ты и сама в прошлом году чихала, стоило тебе только увидеть волшебные бобы, — возразила ее соседка с вздернутым носиком.

— А тебя, Помфри, и вовсе не спрашивают, — рявкнула девушка в ответ.

— Девочки, не ссорьтесь, — замахал руками Зонк, что выглядела весьма комично, учитывая положение, в котором мы находились. — Еще неизвестно, сколько нам тут висеть.

— На твоём месте я бы не делала таких резких движений, — чуть приподняв изящные очки, заметила девушка, названная Майлзом Пин. — Я вот тут наткнулась на то, что данное заклинание неустойчиво к подобным выкрутасам.

— А на то, как снять нас отсюда, ты не наткнулась, Цецилия? — с видом настоящей задиры поинтересовалась Агата.

— Нет, моя дорогая, зато я знаю пару чудных заклинаний, позволяющих мне насладиться тишиной, — отрезала девушка, вновь скрываясь в завалах книг.

— Хм, мне чрезвычайно неудобно просить, но никто не мог бы почесать мою ногу, — жалобно поинтересовался Лукас. — Она уже полчаса чешется, а я не могу достать до нее в таком положении.

— Попросить ты можешь, но ведь ты не надеешься, что кто-то это сделает?

— Заткнись, Агата, — почти хором прошипели Бродерик и Эван.

— Я попытаюсь, — отозвалась соседка Агаты.

— Спасибо, Тилис, — по лицу Лукаса расплылась благодарная улыбка.

— Кхе, — откашлялась я, — простите, но вы и вправду висите здесь полчаса?

Эта фраза из всего диалога запала мне в память наиболее ярко.

— Кто как, — пожал плечами, насколько это вообще было возможно в таком положении, Эван.

— Да я, например, здесь уже час и двадцать минут, — подмигнула мне Тилисия. — Ты уж прости, это наш с Цециль неудачный эксперимент привел к таким результатам.

— Переживу, — натянуто улыбнулась я. «Убить мало того, кто утверждает, что уютная аура библиотеки сближает» — подумала я, еще раз окидывая взглядом нашу милую компанию.

— Интересно, что вы собирались сделать на самом деле? Ловушку для тихомолов? — спросил молодой человек, висевший ближе всего к окну и молчавший до этого.

— Нет, — задумчиво протянула Тилис, — но идея хорошая!

— Вы уж извините, но никто не видел моих очков? — спросил Майлз, вылезая из-под горы книг. — Все же вам сверху виднее.

— Он что, издевается? — раздраженно поинтересовалась Агата.

— Нет, боюсь, он на полном серьезе, — возразил Эван, приподнимая прядь, упрямо продолжающая лезть в глаза.

— Кажется, я видел, как что-то поблескивало у второй секции, — включился в беседу Бродерик.

— Спасибо, — кивнул Майлз, близоруко озираясь в поисках второй секции.

— Ну как, вы созрели к возвращению с потолка на землю? — торжествующе улыбаясь, спросила Цецилия, появляясь в проходе между стеллажами.

— Я, в общем-то, и на него не просился, — заметил Эван.

— Зато, если кто-нибудь когда-нибудь спросит тебя: «Рознер, бывал ли ты на небесах?», ты с гордостью ответишь, что да! — парировала Пини, открывая огромную серую книгу, под тяжестью которой ее худенькие плечи ходили ходуном.

— Давай, помогу, — предложил Майлз, водружая очки на прежнее место.

— Спасибо, — кивнула девушка, передавая книгу в его руки, — подставка мне и впрямь не помешает.

Я невольно улыбнулась про себя, глядя на слегка озадаченное лицо юноши.

— Итак... Ду Сиел Пур Ла Терре, — продекларировала она, создавая в воздухе мягкую спираль своей волшебной палочкой.

Затем последовал легкий толчок, и я почувствовала, как мое тело вновь обретает правильную траекторию. А уже через секунду, я вновь могла нащупать почву под ногами.

— Удачная посадка? — гордо поинтересовалась Цециль.

— Удачный полет, — процедила Агата, бросая на нее ядовитый взгляд.

— Относись к этому философски, — предложила Тилисия, одергивая мантию. — Еще сегодня утром ты и надеяться не могла на то, чтобы провести час в обществе молодых людей вне стен кабинетов.

Лицо девушки пошло красными пятнами, а рот так и остался полуоткрытым в ожидании какого-либо гневного излияния хозяйки, но, видимо, ее запас подобных слов на сегодняшний день иссяк. Так ничего и не ответив, Агата вылетела из библиотеки, самозабвенно хлопнув дверью.

Глава 04. «Там, где хранятся секреты...»

Нескромные вопросы всегда влекут за собой нескромные ответы.

Итак, я проснулась за час до рассвета, что мне обычно несвойственно. Причиной тому было странное ощущение: будто что-то вылетело из моей памяти. В Хогвартсе я живу уже четыре недели и каждый день представляет из себя одну сплошную вереницу уроков и дополнительных занятий, лишь изредка мне удается посидеть в библиотеке в компании Пини и Помфри, да и тогда, по большей части, мы занимаемся или обсуждаем пройденное. Хотя мне все это нравится. Наконец-то вокруг мир, о котором были все мои мечты. Только вот, почему же меня не покидает чувство, что я о чем-то забыла?

Подтянувшись на руках и сев в кровати, я попыталась понять, откуда взялась эта навязчивая идея, но никак не могла сосредоточиться. И насвистыванье Стафом какой-то вульгарной песенки в углу отнюдь не помогало мне в этом.

Стаф был моей ручной летучей мышью и единственным домашним питомцем с десяти лет, когда это африканское чудо привезла моя тетя Марго из очередной дипломатической поездки по поводу внедрения вуду в постоянную ведьминскую практику. За эти годы я даже обучила его приносить почту. Хм, кто потом скажет, что я не со странностями? Но меня устраивает мой почтальон. Я и сама пишу письма по большей части ночами, точно зная, что к утру мое послание будет у адресата, а следующей ночью Стаф принесет и ответ на него. Правда, мне кажется, что по переезду в Хогвартс Стаф связался с дурной компанией. Он все чаще возвращался под утро в каком-то раскачивающемся полете, стал вести себя в высшей степени нахально, и то и дело пытался нашкодить.

— Стаф, прекрати, — угрожающе шикнула я.

Но, похоже, мой тон не особенно напугал летучую мышь, напротив, он лишь высунул свою нахальную мордочку из-под потолка и показал мне что-то, напоминающее язык.

— Ах, ты так!

Я схватила первое, что попала мне под руку, и швырнула в его сторону, но, конечно же, промахнулась и сбила шкатулку, стоящую на полке.

— Ой! — в одной туфле по еще не согревшемуся каменному полу я подбежала к своей сокровищнице.

По счастливой случайности она осталась цела и невредима, мой второй туфель лишь рассыпал ее содержимое. Под потолком послышался утробный хохот. «Ну, ты мне еще попадешься», — фыркнула я, грозя кулаком обнаглевшему Стафу. Затем, опустившись на пол, стала осторожно собирать назад весь свой клад. Вдруг под рукой скользнуло что-то маленькое и гладкое. Это была бусинка, покрытая голубой лазурью. «А я совсем о ней забыла», — подумалось мне.

Внезапный порыв заставил еще раз взглянуться в это крохотное и изящное творения из глины. «Где-то у меня был кожаный шнурок, надо ее повесить и носить», — решила я, зажимая малютку в кулаке и направляясь к сундуку, чтобы одеться.

Уже застегивая мантию, я поняла, что меня так мучило последние дни, а может — подарок дементора напомнил мне об этом. За всеми новыми впечатлениями из памяти вылетели воспоминания про ту ночь перед отъездом и разговор в саду. Данные события, как и странная беседа с мамой про демона, волновало меня ничуть не меньше, чем тогда... Как же я могла забыть об этом? Что же, подытожим: мне надо найти ответы, и я знаю, у кого попросить помощи. Вот так — настроившись решительно, я встряхнула своими рыжими кудрями и, завязав на шею шнурок с синей бусинкой, вышла из комнаты.

* * *

Утром в большом зале было, как всегда, шумно. А что вы хотите? Столько детей и подростков в одном месте, да ни один бутерброд не заставит их замолчать!

— Титучи, сюда, — помахала мне Цецилия из-за стола Рейвенкло.

На самом деле, разделение учеников на колледжи не было таким уж строгим, за время завтрака многие успевали обойти все столы и обсудить новости с половиной школы. Вот и сейчас за столом Рейвенкло виднелась рыжая голова Зонка, учившегося в Гриффиндоре, и Тилисии из Хаффлапафа, в то время, как Эван из Слитерина уже возвращался к столу своего колледжа.

— Садись, я заняла тебе место, — победоносно заявила Цециль, отодвигая тарелку.

— Спасибо, — кивнула я, плюхаясь рядом с Пини, неуклюже задевая под локоть Тилис. — Прости, не хотела, — услышались мои робкие извинения.

— А? — Тил подняла на меня абсолютно невидящей взор и что-то пробубнила себе под нос.

— Неужто этот зверюга Коркус опять испытывал свои заклинания на Помфри? — спросила я, поворачиваясь к Пин. — Вид у нее такой, как будто ее все еще не расколдовали.

— Хе, — хмыкнула Цециль, переводя взгляд на все так же поглощенную своими мыслями подругу, — боюсь профессор заклинаний тут не при чем. Перед тобой ярко выраженные симптомы переходного возраста, а именно, любовной лихорадки. — Попилия, и кто на сей раз?

Но Тил проигнорировала даже то, что ее окликнули по второму имени, которое она терпеть не могла.

— И часто такое происходит? — шутливо поинтересовалась я.

— Да с кем как, — пожалла плечами Цециль, — болезнь прогрессирует, еще года два назад пары возникали лишь в преддверии дня святого Валентина, ну а сейчас... Да что говорить, глянь на Тилис, у нее все на лице написано.

И вправду картина была яркой.

— А ты?

— А что я? — испуганно переспросила Пини.

— У тебя еще не появилось симптомов?

— Нет, но я принимаю лекарство.

— В смысле?

— Маскируюсь от вируса — все уверены, что я безумно влюблена, но, на самом деле, это мой способ уединиться, когда в гостиной начинаются бурные охи и вздохи по очередному парню.

— И кто твоя маскировка?

— Тот, с кем мои отношения безнадежно невозможны.

— Расшифруй для магглы, — попросила я, продвигая к себе яичницу.

— Капитан команды по квиддичу, уже третий год побеждающей в турнире, один из лучших учеников, опасный, красивый и непреступный.

— Сдаюсь.

— Она про Эвана, — нахально влез Бродерик, садясь между нами.

— Ты дождешься, что я тебе в молоко подмешаю жабыю тину, — раздраженно заметила Пин.

— Ну, это обратимый процесс, — парировал Зонк. — Несчастный, неужто ты всерьез надеешься, что хоть одна девушка тебя поцелует, даже если лягушачья личина лучше твоей нынешней? — отрезала Цециль.

— Ладно, мне нужна ваша помощь, — пропустив мимо ушей замечания Пин, заявил Бродерик. — Я тут вчера перестарался и теперь...

— Перестарался? Да ты чуть не разнес кабинет на уроке Зельеварения, — пробурчала Цециль, вырывая свою тарелку из руки Зонка.

— Но я должен был узнать, что будет, если крольцу траву смешать со слюной каймана, чешуей дракона и перхотью орка!

— Взрывоопасная смесь, — невольно заметила я.

— Ну так! — по лицу Броди пробежала довольная улыбка. — Я так и знал.

— Как сказал один неглупый маггл «и все же она вертится», — подытожила Пини. — Так в чем тебе нужна помощь?

— В наказание меня послали отработать пару часов в архиве, — набивая рот и тарелку, отвоеванную у Цециль, продолжал Бродерик. — Работа плевая... пару... пару... бумажек разобрать, — наконец прожевав содержимое своего рта, продолжил он, — вот я и подумал, может кто-то из моих друзей поможет.

— Я не смогу, — покачала головой Цецилия, — у меня куча работы в библиотеке, мистер Нутц отсутствует, а я, как его помощник, за все там отвечаю.

— Какая же ты зануда, Пини, — разочарованно прошамкал Броди. — А ты, Титучи, тоже занята? — спросил Бродерик, смотря на меня взглядом доверчивого щенка... И почему так трудно сопротивляться, когда парни смотрят таким взглядом?

— Ладно, помогу, — кивнула я.

— Здорово, — просиял Зонк. — Ну, девочки, я побежал. Мне тут еще надо кое-что подготовить для урока заклинаний.

— Готова поспорить, это очередные разрывные перья, — вздохнул Цециль, глядя ему вслед. — Если бы он не был таким шалопаем, то я сказала бы, что он даже мил.

— Пини, родная, я тебя тут кое о чем попросить хочу, — решила я воспользоваться временным затишьем вокруг нас. — Ты ведь помогала составлять библиотечный каталог, значит, неплохо знаешь книги библиотеки?

— Неплохо? — хмыкнула Цециль, — да я их знаю почти также хорошо, как наш библиотекарь.

— В таком случае ты не могла бы найти для меня одну книгу? Эта книга, в которой говорится о некоем демоне.

— Демоне? Ну, по демонологии книг предостаточно, — пожала плечами девушка.

— Нет, я не о простом демоне, Цециль, а о том, что заменяет человеку душу.

— Ух ты, — Пини чуть не подавилась соком, — эка тебя занесло, я о подобном никогда и не слышала. — Цециль задумчиво оглядела стол. — Разве что только в запретном отделе... Но я поищу!

— Пини, ты просто чудо, — я обняла ее за плечи, переполненная чувством благодарности.

— Да ладно тебе, — рассмеялась она.

— А о чем вы без меня тут болтаете? — обижено проворчала Тилис, очнувшись от своего наваждения.

— С добрым утром, — саркастично усмехнулась Цецилия. — Боюсь, что болтать будем уже потом, первая пара через десять минут, а идти до кабинета астрономии все двадцать.

* * *

— Нам сюда! — победоносно заявил Бродерик после двухчасового блуждания по коридорам.

— Наконец-то, — измучено улыбнулась я, останавливаясь у маленькой дубовой двери.

Броди достал небольшой почерневший от времени ключ, и ржавый замок жалостливо заскрипел.

— Я думала, такие запоры в Хогвартсе под магической защитой, — немного разочарованно пробормотала я, следя за тем, как с трудом, но все же поддается ручка.

— Так и есть, — кивнул Броди, — но на время приведения документации в порядок защиту сняли.

Наконец замок сдался, и дверь на удивления легко скользнула во тьму.

— Только после вас, — улыбаясь до ушей, отошел в сторону мой спутник.

Терпеть не могу темноту, но еще больше — признаваться в своей слабости.

— Илюминус, — прошептала я, доставая волшебную палочку, и шагнула внутрь.

Зрелище, представшее передо мной, поистине поражало воображение. За маленькой дубовой дверью под лестницей скрывался огромный лабиринт стеллажей под невероятным сводчатым потолком, покрытым замысловатой лепниной, наверняка нетронутой с момента построения замка.

— Ух ты! — не смогла удержать восклицание восторга и удивления я.

— Да, это потрясает, — согласился Броди, проходя внутрь следом. — Итак, приступим?

— Хм, работы определенно больше, чем ты говорил, — заметила я, еще раз обводя взглядом огромное пространство перед собой.

— Не волнуйся, нам нужно всего лишь разобрать коробки с 1900 по 1920 год, — ободряюще кивнул Зонк, сбегая по ступенькам маленькой лестницы, ведущей вглубь подвального помещения.

Мне оставалось лишь молча последовать за ним. Дух сырости и плесени, казалось, заменял сам воздух этого места, а приглушенное свечение наших палочек терялось во мраке подвала.

— Что здесь может храниться? — недоумевала я, заворачивая за очередной угол в поисках табличек с нужными датами на полках.

— Документы о приеме, журналы, отчеты по успеваемости, результаты С.О.В. и всякая другая учительская чушь, — послышался в отдалении голос Бродерика.

— Кажется, нашла коробку за 1918, — крикнула я, чихая от удушливого запаха пыли. — Только ничего не видно, ты случайно не захватил с собой что-то наподобие твоих обжигающих огоньков, которыми ты пытался поджечь мантию Мистера Коркуса?

— Нет, — разочарованно протянул Бродерик откуда-то справа, — но я могу за ними сбегать, ты не против? Я мигом.

— Не против, все равно работать в этой крошечной мгле невозможно.

На самом деле, меня вовсе не вдохновляла перспектива остаться одной в сумрачном подвале, но альтернативы не было.

— Ты только не задерживайся, хорошо? — робко добавила я.

Ответа не последовало, лишь отчетливый скрип двери. Теперь я все же осталась одна на десятки километров, в архиве, напоминающем скорее старинный лабиринт полный темных закоулков, всего с одной-единственной зажженной волшебной палочкой... воодушевляет, нечего сказать. «Ладно, лучше об этом не думать», — я открыла коробку в поисках того, что могло бы меня отвлечь. Зонк был прав, там находилась куча всего, но ничего, действительно стоящего внимания. Хм, журнал по успеваемости — Гриффиндор: Мари Кловье и Джи Маргус. Ой, это папа. Ну да, в 1918 году он был на последнем курсе. Так, а где папки с успехами Рейвенкло? Интересно, мама была такой же занудной отличницей, как отец? Смешинки, рождавшиеся в этот момент в моей голове, отогнали даже страх перед темнотой. Но она продолжала сгущаться, и если бы я подняла голову, то поняла бы, что тьма концентрируется вокруг того места, где сидела я, будто крылом птицы накрывая мою фигурку, склонившуюся над старыми документами. Внезапно я почувствовала чье-то безмолвное присутствие. Такое странное ощущение, будто сзади кто-то есть, но нету сил обернуться, так как вы уже почти осязаете чье-то движение за спиной. В архиве было тихо, и я старалась даже не дышать, чтобы не нарушить эту тишину. Все мое тело свело судорогой, а я боялась шелохнуться в ожидании чего-либо, способного развеять мои галлюцинации. Но вместо пробуждения ото сна последовал легкий скрип прогнивших ступеней.

— Броди, это ты? — не выдержала я. Но ответа не последовало.

Кто-то шел в моем направлении, его шаги гулким эхом разносились по всему подвалу. Еще секунда раздумий и я окончательно поняла, что у меня нет желания узнать, кто этот загадочный

гость. Тихо поднявшись, я закинула коробку под нижнюю полку и, стараясь не визжать от холода, обжегшего ноги (чтобы не шуметь, туфли, само собой, пришлось снять), двинулась по направлению к выходу.

Стремясь ступать как можно тише, на цыпочках пробираясь по темному лабиринту, я пыталась уловить хоть один шорох, чтобы догадаться, где находится второй ночной посетитель архива, но ничего, кроме моего неожиданно громкого сердца, слышно не было. К тому же, чем дальше я удалялась по стеллажному коридору, тем больше мне хотелось обернуться. Неотступное ощущение чужого взгляда на моем затылке не покидало меня. А впереди был самый сложный отрезок пути — открытая площадка перед лестницей. Единственная возможность преодолеть ее не замеченной — это положится на тьму. Загасив волшебную палочку, я сделала робкий шаг вперед.

Мрак... нет ничего страшней, чем его необъятный и холодный вакуум. Может, именно поэтому он меня так и пугает, потому что не имеет границ. Я закрыла глаза, все равно они мало чем могли быть полезны мне в настоящий момент. Мои попытки держать в голове картинку данного места и расположения лестницы в нем окончились неудачей. Так что каждый раз, спотыкаясь, я прикрывала рукой рот, чтобы даже легкий всхлип от рассеченной коленки не привлек внимания незнакомца. Найдя стену, я медленно, на ощупь продвигалась в направлении лестницы, по крайней мере мне так казалось. Я уже почти вдыхала теплый и сухой воздух коридора, когда услышала это шипение. Мне очень не хотелось открывать глаза, но, почти супротив своей воле, я все же посмотрела во тьму.

Чернота... И ничего, кроме нее, вокруг меня не было, но источник шипения все так же оставался где-то рядом, возможно чуть выше моей головы. С одной из полок погруженного в потемки подвала на меня взирали два желтых, ярко горящих глаза. Любопытно, если я закрою веки и посчитаю пару секунд про себя, они исчезнут?

* * *

Не знаю, каким чудом я преодолела последнюю ступеньку. Из полу раскрытой двери архива слышалась возня, но я не хотела искушать судьбу и проверять, вправду ли испугалась кошки. Я просто захлопнула дверь, подперев ее старой доской, служившей когда-то засовом. Щеку больно жгло, кажется, она меня сильно поцарапала. Оказавшись в пустом коридоре, я попыталась отдышаться, но эта пустота не принесла успокоения.

«Лучше поскорей найти кого-нибудь», — решила я, спеша к одной из лестниц. Причудливые блики свеч безмолвной тенью следовали за каждым моим шагом, а осознания чужого присутствия отнюдь не исчезло, когда коридор позади начал оживать. Свечи гасли одна за другой, а беспощадная тьма гналась по пятам.

Бежать было бесполезно, свет быстрее меня. Еще секунда, и я оказалась в полной мгле. Чем быстрее я бежала, тем сильнее был всепоглощающий страх. Пару раз я спотыкалась о неровно уложенные камни, пол здесь не был покрыт деревом, как на верхних этажах. По ноге струилась кровь, разодранная щека горела, а ступни ужасно замерзли. Но сейчас у меня не было времени на жалость к себе. Какой-то проем, дверь и очередное падение, но на этот раз вместо жесткого пола я наткнулась на нечто мягкое. Страшно было вообразить, чем это могло оказаться в мрачном подземелье. Моя рука в нерешительности попыталась ощупать поверхность, на которой на данный момент я, в прямом смысле слова, восседала. Сначала пальцы скользнули по какой-то материи, далее шло нечто теплое и рельефное.

— Прошу прощения, но еще одно движения ваших пальцев в том же направлении выколет мне глаза, — сердитый голос, раздавшийся рядом, был мне знаком.

От такого неожиданного заявления я аж подскочила, чем вызвала еще большее неудовольствие сбитого мной человека.

— Если можно, потише! Не забывайте, что в данный момент вы все еще сидите на моей грудной клетке. Кстати, если это не сложно, не могли бы вы с нее встать?

— Да, — еще больше смущаясь, кивнула я, будто мой собеседник был способен разглядеть этот жест.

— Мне знаком ваш голос, — робко заметила я, отходя к стене.

— Мне ваш тоже, вы — новая ученица, что не могла открыть дверь, — заметил он, судя по тому, что его голос звучал с другой высоты, уже поднявшись.

— Да, — впервые я была благодарна темноте, иначе бы он увидел, как я краснею. — А вы Том?

— Верно, — в его голосе послышалась усмешка. Что вы здесь делаете в такое время, Титучи?

— Я была в архиве, а потом...

Нет, рассказывать о том, что произошло потом, не стоит. Достаточно случая с дверью, из которого он помог мне выкрутиться, к тому же, мне польстило, что он запомнил мое имя, не хотелось бы портить впечатление о себе паранойндальными рассказами.

— Я очень рада, что хоть кого-то встретила... я...

— Вы плохо ориентируетесь в темноте, — его улыбка была практически осязаемой.

— И это тоже, — я попыталась придать своему голосу безразличный тон. — Вы не проводите меня?

Просить об этом было неудобно, но все лучше, чем снова остаться здесь одной.

— Не могу отказать такой вежливой леди.

Нет, он определенно опять улыбается.

— И куда вы держите путь?

Хороший вопрос, в архив сегодня я точно не вернусь.

— Учительское крыло.

— Ладно, тогда вперед. Вашу руку.

Я неуверенно протянула холодную ладонь.

— Какие ледяные, у вас такие всегда? Или их еще не поздно отогреть?

Легко задавать провокационные вопросы девушке, которую ведешь по коридорам, скрытым во мгле.

* * *

Мы молчали почти всю дорогу, я полностью доверилась ему в выборе пути, покорно следуя следом. Казалось, что гигантский крот здорово потрудились над созданием подземелий Хогвартса. Директору стоило бы подумать о выпуске подробной карты этой части школы.

— За поворотом будет лестница, — уверенно заявил Том.

И он был прав. Я почувствовала, как неуверенность и замешательство исчезают — наконец что-то знакомое в этих туннелях. Вокруг было все также темно, но это не мешало мне нащупать ступеньки. Напротив, я почти летела по ним. На сей раз, Том с трудом поспевал за мной. Я уже достигла лестничной площадки, как вдруг ступени под ногами задрожали. Лестница медленно поползла в сторону. Не ожидая такого поворота, я неловко балансировала на грани. Еще секунда, и я бы полетела в сумрачную пропасть. Но крепкая рука вовремя подхватила меня.

— Спасибо, — вцепившись изо всех сил в перила, прошептала я.

— Не за что, — пожал плечами Том.

Я же испуганно зажмурилась, не желая смотреть в бездну мрака, от которой меня отделял всего один шаг.

— Ты в порядке? — обеспокоено поинтересовался мой спутник.

— Кажется..., — кивнула я. — Ненавижу темноту.

— Держись, — его рука коснулась моей. — А то ненароком сломаешь перила.

Я обхватила предложенную ладонь, следуя за легким движением, которым он притянул меня к себе.

— Знаешь, почему люди боятся тьмы? — его голос щекотал мое ухо. — Потому что нет ничего страшнее неизвестности. Мы боимся самих себя в темноте.

— Открой глаза и посмотри, — интимный шепот Тома коснулся меня, будто изнутри.

Не вполне уверено, я послушалась его. Где-то внизу спала все та же чернота, а лестница продолжала медленное движение над бездной.

— Не бойся, я тебя держу, — его руки крепко обняли меня и страх действительно отступил.

Потребовалась какое-то время, чтобы я осмелилась поднять глаза. Теперь я не боялась тьмы, да ее там и не было. Все вокруг было озарено мягким тусклым светом, подобным тысяче светлячков, и в этом слабом мерцании отражения картин, живущих своей жизнью, как сны, проплывающие мимо нас. Казалось, все заморожено чьим-то заклинанием — даже сам воздух в этот момент стал реален.

Что это за огни? Звезды? Нет, не они — мы ведь в помещении... Этот тусклый свет свечей по стенам и чье-то присутствие на расстоянии вздоха, волновало. В этот миг мне было дозволено все, и я, в своем великодушии, могу позволить многое другим. А лестница все неслась вверх — поглощенная бесконечностью момента...

Легкий толчок заставил меня очнуться от грез.

— Кажется, мы прибыли, — улыбнулся Том.

Только сейчас я осознала, что все это время находилась очень близко к нему... слишком близко... Прилив стыда и гнева, накрыла меня. «Как просто, оказывается, заговорить мне зубы!»

Я почти в припрыжку отскочила от своего провожатого на безопасное, на мой взгляд, расстояние. На мгновение в его глазах застыло изумленное выражение, а потом он рассмеялся. Причем, это была вовсе не циничная насмешка, а задорный и искренний смех. Подобным обычно смеются дети. Сейчас он выглядел как хулиганистый мальчишка — ну разве можно на такого сердиться? Я и сама чуть не рассмеялась, но все же, из последних сил приняв серьезный вид, заявила:

— Мама меня предупреждала, что ребята могут быть очень изобретательны ради достижения своих целей.

— А, тогда понятно, почему ты бродишь по ночам в гордом одиночестве, — все так же улыбаясь, заявил он, направляясь вглубь коридора. — Обещаю больше не покушаться на твою невинную душу. Если, конечно, ты сама этого не захочешь.

Последнюю часть фразы он произнес очень тихо, но у меня хороший слух. Еще пара поворотов в пустынных коридорах, и я уже без труда узнавала дорогу, ведущую к преподавательскому крылу.

— Спасибо, что проводил, дальше я и сама дойду, — развернувшись перед Томом, решительно заявила я.

— Как хочешь, — он лишь пожал плечами. — Надеюсь, когда-нибудь ты расскажешь мне, от кого убегала и кто тебя так оцарапал, — сказал Том, легким движением касаясь моего лица.

Я постаралась отстраниться от его руки.

— Кошка.

— В Хогвартсе порой слишком много кошек, — понимающе кивнул он. Кажется, в этих словах был подтекст, но я не уловила его смысла.

— Еще раз спасибо.

— Не за что. На вот, — с этими словами Том достал из кармана свечу и зажег ее.

Я изумленно приняла подарок из его рук.

— Если у тебя была свеча, почему ты не воспользовался ей в подземелье? — недоумевала я.

— Ну, тогда тебе бы не понадобилась опора моей руки, не так ли?

Я кивнула и почти бегом кинулась за угол, так как смех просто душил меня. «Первым делом завтра надо будет расспросить Пини о нем», — подумала я, засыпая в своей теплой постели.

Глава 05. «Приглашение к игре...»

*Лучшая игра та, где ты сам
устанавливаешь правила*

Мне не удалось поговорить с Циль до завтрака, а в столовой пришлось долго выяснять отношения с Зонком, который очень обиделся за то, что я бросила его одного в архиве. Конечно, минут через десять бурных объяснений мы померились, хотя он так и не выведаль истинной причины, по которой я покинула его вчера. А вот разговор с Пин пришлось отложить на урок травологии, так как она не завтракала, а сразу, схватив толстую тетрадку, помчалась в библиотеку, буркнув что-то типа «нам надо поговорить». В остальном, завтрак прошел как обычно, к концу трапезы все, как всегда, ждали сов. Я же не ждала никого, точно зная, что моя почта приходит ночью. Поэтому появление огромного количества сов и множество свертков и конвертов, летящих в руки своих адресатов, вызвало у меня лишь опасения, как бы один из них не угодил в молоко Лукаса. Мне вовсе не хотелось в очередной раз чистить мантию. И вот над головой раздалось характерное хлопанье и весь зал наполнился возбужденными голосами. Я же с опаской отодвинула бокал Лангботама от себя, но мою мантию это не спасло, какая-то не очень меткая сова умудрилась уронить чей-то сверток прямо в мою чашку. Будучи вся в клюквенном соке, я извлекла конверт, собираясь задать хорошую трепку владельцу данной совы. Но как это было ни удивительно, на конверте стояло мое имя. Кто-то послал мне сообщение почтовой совой? Я могла по пальцам пересчитать знакомых, способных это сделать. Сгорая от любопытства, я вскрыла конверт. Там лежал небольшой лощеный листок бумаги, к моему разочарованию, абсолютно пустой. Станный способ пошутить, — подумала я, автоматически засовывая листок в карман.

* * *

С Пини мы встретились по дороге в теплицу.

— Привет, — задохнувшись, на ходу кивнула она, подбегая ко мне с тетрадкой на перевес.

— Что это за тетрадь? — Спросила я, пользуясь последней возможностью поговорить до появления учителя.

— Библиотечный каталог, — пожала плечами девушка, скидывая его на стол, — вообще я о нем с тобой и хочу поговорить.

— Ты что нашла ту книгу, — вкрадчиво поинтересовалась я.

— И да, и нет, — отрицательно покачала головой Циль.

— Как это?

— Вчера ты меня так заинтриговала, что я сразу после уроков полезла изучать записи и нашла то, что ты ищешь. Но это оказалась не просто книга, она находится в разделе запрещенной и подлежащей уничтожению литературы.

— Запрещенной? — Это заявления потрясло меня.

— Да, но я не выдержала и залезла туда, прочитать мне само собой в ней ничего не удалось, она защищена песочным заклетьем и осыпается если ее возьмет не посвященный. Поэтому я решила ее спрятать и посмотреть позже. Пока библиотекарь не видел, я перенесла её в запретный отдел и сунула под стопку кричащих книг.

— Можно мне на нее глянуть?

— В том-то и дело, что нельзя, — казалось, Пин готова расплакаться, — когда я утром пришла в библиотеку, то дверь в запретный отдел была распахнута настежь. Хотя, я точно помню, что все запирала, а мистер Нутц наложил на нее пару заклятий. Я сразу схватила каталог и проверила, что пропало, но все было на месте, кроме той книги. Представляешь мое состояние? Я без спросу взяла зачарованную книгу, а теперь она еще и пропала, — всхлипнула Пини.

— Циль, мне очень жаль, — я чувствовала себя виноватой за происшедшее, — тебе очень влетело от мистера Нутца?

— Нет, — глаза Пини моментально высохли, — и это самое удивительное, когда я ему все рассказала, он ответил, что такой книги никогда не было в библиотеке и даже показал мне те записи, по которым я ее вчера нашла... ее там и вправду нет.

— Как странно, похоже, вчера в Хогвартсе творилось много загадочных вещей.

— Ты о чем?

Но я так и не успела ответить, потому как мы достигли теплицы.

Прежде чем я все же смогла расспросить и рассказать подруге о Томе и ночи в архиве, нам пришлось выслушать длинную лекцию, милого приземистого, но очень говорливого профессора Кренберри, который со своими большими усами, вечно смеющимися глазами, одетый в перепачканную землей мантию был скорее похож на престарелого садовника чем на одного из сильнейших волшебников своего курса.

«Сегодня мы займемся безлапыми кустами семейства, ходящих трав. Это весьма полезное растение еще не раз пригодится вам в будущем, когда вы будете ослаблены по той или иной причине. Это прелестное лекарство не только вернет вам силы, но и даст возможность увидеть то, что невидимо. Именно таким свойством обладает его сок, хотя его эффект недолговременен. А теперь возьмите маленькие грабли, что лежат возле ваших горшков и займитесь подпиткой корней», — напутствовала нас профессор, идя между рядов, — «не забывайте что лучшим удобрением для них является летучие толченые мыши. А, главное, будьте осторожны, все растения этого вида плотоядны, не подносите свои руки и другие части тела ближе, чем на три сантиметра к его цветам».

Плотоядное... Уже неделю за ним ухаживаю и не заметила, — подумала я рассматривая горшочек перед собой — хрупкий стебель с большим красным цветком и ничего больше. Затем тоскливым взглядом я осмотрела остальные горшки и ящики, полные земли, вокруг меня. Все это напоминало поле битвы после сражения или массовое самоубийство.

Помпфри и Пини, чьи рабочие места были рядом, могли похвастаться своими волшебными цветниками, в то время как на моей делянке можно было ставить надгробные плиты и проводить панихиду по безвременно канувшим в лету травам.

— Так что еще случилась вчера? Спросила шепотом Пини, отрывая меня от грустных мыслей, стоило лишь профессор отойти на приличное расстояние.

Подтолкнув свой горшок с опасным, но пока смирным растением в сторону подруги и прихватив для видимости активной деятельности грабли, я почти скороговоркой стала пересказывать все то, что случилась со мной прошлым вечером.

Цициль была так поглощена моим рассказом, что лишь изредка увлечено кивала, а когда я закончила, расплылась в улыбке.

— С тобой всегда так? Я в Хогвартсе 6 лет и со мной ничего подобного не происходило. Я от скуки даже с мышами в спальне подружилась.

— Забавно, когда я находилась в архиве то готова была отдать все чтобы оказаться в спальне, даже за кампанию с мышами, — возразила я.

— По-моему, ты преувеличиваешь, знаешь, как говорят «у страха глаза велики», а тут еще темнота, да и, по твоим описаниям, архив не то место, которое располагает к пребыванию в одиночестве.

Я лишь пожала плечами, не пытаясь ничего доказать. В общем-то, я и не рассчитывала, что мне кто-то поверит.

— О чем вы девочки? — С любопытством поинтересовалась Тилис, вставая ближе.

— Да-да мне это тоже весьма интересно, — раздался голос профессора Кренберри, подходящего к нам.

Стараясь не смотреть в его сторону, я схватила грабли и ожесточенно заработала ими.

— Не отвлекаться девочки, — прикрикнул он шутливым тоном, благо, профессор не был из тех учителей, которые любят наказывать учеников в назидание другим.

Но, к сожалению, молчание не является женской добродетелью, поэтому, пристыженные, мы еще добросовестно продолжали удобрять корни на протяжении пяти минут... Но не больше...

— А что насчет Тома, — первой не выдержала я, обращаясь к Пини как можно тише.

— Не знаю, Том — это распространенное имя, но, судя потому, что он занимается с нами ЗОТС, ты, скорее всего, имела в виду Риддла.

— Риддла? Это его фамилия?

— Ага, он префект Слитерина, на последнем году обучения. Но больше ничего не могу тебе сказать. Я с ним не знакома, а сам он парень тихий, я бы сказала, умный, учитывая книги, что он берет в библиотеке, и странный.

— Странный?

— Ну в общем да, тут год назад всякая чертовщина творилась, кое-кто из учеников даже погиб. Говорят, Том очень помог в нахождении виновного. Но есть в нем что-то такое... С одной стороны, я никогда не видела его в шумной толпе, в общем, не похож он на душу компании, а с другой, кажется, что все ребята с его курса относятся к нему как-то по особому, с каким-то подчеркнутым уважением.

— Циль а ты, оказывается, очень наблюдательна, — улыбнулась я, — но, по-моему, теперь преувеличиваешь ты, про историю с пауком я читала в «Оракуле», как и о бедной девочке, что погибла. Но ведь с этим уже разобрались, иначе на вряд ли бы здесь продолжались занятия. А то, что к нему относятся с уважением так это только плюс в моих глазах. Надо уметь себя так поставить.

— Ой, кажется, ты уже пропала, милая моя, — почти засмеялась Пини, — я узнаю твои симптомы.

Я хотела ей что-то возразить, но внезапный вскрик Помффри, отвлек меня. Я обернулась почти столкнувшись своими глазами с удивленным взглядом Тилис указывающей рукой на дверь теплицы.

Посмотрев туда, куда указывала подруга, я лишь успела рассмотреть быстро удаляющееся в сторону леса безлапое растение. И мне даже не понадобилось осматривать горшки, чтобы понять, кому оно принадлежало.

— Этого просто быть не может, — удивлению профессора Кремберри не было предела. Это же не возможно, у этого куста, единственного из этого подвида, нет ног, оно не может двигаться...

— Уверена оно их в тайне отращивала всю неделю что бы сбежать, — пробурчала я себе под нос.

* * *

— Ну как ты идешь? — Поймали меня ребята спешащий на очередной урок после травоведенья.

— Куда? Переспросила я.

— Как куда? В голосе Лукаса звучало разочарование, — сегодня будет первая в этом году тренировка по квиддичу. Команда Слитерина против Гриффиндора. Это же почти первый матч!

— Я плохо разбираюсь в игре, пожала плечами я.

— Ты меня пугаешь, наиграно щупая мой лоб, проговорил Зонк, ты маг или маггл?

Скорее второе, хотела сказать я, но промолчала.

— Хотя бы поболей за Майлза, — присоединилась к общему хору Тилис, — он ведь капитан команды Гриффиндора.

— Ну если за Майлза.., — надо же хоть раз пропустить урок, а то ведь в жизни и не узнаю, как это, к тому же мне не мешает разрядка после происшествия в теплице, — ладно, пошли, — согласилась я.

* * *

На большем поле позади замка собралось много народу, и здесь были далеко не только участники команд и сбежавшие с уроков ученики. На самодельных трибунах можно было наткнуться и на пару учителей. Профессор по прорицанию виновато отвел взгляд, когда мы проходили мимо, именно на его уроке я должна была быть сейчас. Помахав Майлзу, мы направились к уже и без того переполненным трибунам.

— Пошли наверх, там лучше видно, — предложил Зонк, потянув меня за руку.

Я, старательно пытаюсь никого не задеть, последовала за ним. Стоило мне только занять свое место, впихнувшись между Бродериком и парнем из Слитерина, как начался импровизированный матч. И хотя сражение шло просто ради интереса, страсти разгорелись нешуточные. Не только в воздухе, но и на земле. Парня, сидевшего с права, звали Метью, и вскоре между ним и Зонком возникло противостояние, единственным пострадавшим в котором была я. Стояло какой-либо из команд получить очко, как Бродерик и Метью устраивали перепалку, перекидываясь бобами Берти Боттс

Но вскоре я и сама втянулась в созерцание игры, отложив на потом очищение своих волос от сладких комочков. Ребята из Слитерина играли жестко, я бы даже сказала, чересчур. Гриффиндорцы же вели политику забивания мечей, но были слабы в защите. В итоге победу одержали первые, особенно в этом им помогла колоссальных размеров сушеная вобла на метле, так и норовившая подсечь всех и каждого. Этот великанских размеров парень из Слитерина уложил на больничную койку половину команды соперников, чем вызывал осуждение зрителей на трибуне... но, к сожалению, победителей не судят.

После игры мы спустились на поле что бы поддержать Майлза.

— Вы играли хорошо, очень даже, — сбивчиво тараторил Лукас.

— Мне тоже понравилась, — затрясла взъерошенными светлыми волосами Тилис.

— Защита была слабовата, — развел руками Майлз, он укладывал мячи.

— Мы бы выиграли, даже если бы у вас была первоклассная защита, — хмыкнул Эван, подходя ближе в компании своих сокурсников.

— У вас просто слабая команда, — нахально заявил кто-то из компании, окружавшей его.

— Вот именно, — хмыкнул Рознер под общее улюлюканье, направленное в сторону остатков команды Гриффиндора.

— Ладно, пошли ребята, подождем, когда они научатся отличать бладжер от кваффла, — бросил в нашу сторону капитан команды Слитерина.

— Глумления удел слабых, — опрометчиво лягнула я им в след

— Да? — Эван обернулся, — и кто из этих защитников Гриффиндора, — тоном полным издевки продолжал он, — готов это доказать?

Желающий было не много, не один из ребят не был готов выступить вперед.

— Я могу! — спустя секунду постыдной паузы, заявил Майлз.

— Одного мало, — хмыкнул Эван, должно быть как минимум двое, один в нападение и один в защите.

— Хорошо, вторым буду я, — почти самостоятельно заявил мой голос.

— Не пойдет, ты девчонка, а девчонки не играют в квиддич, — высокомерно проблеяла муми — вобла рядом с Эваном.

— Ну во-первых не девчонка, а девушка. — Парировала я, — А во-вторых, «иди сюда, родная», — было скомандовано мной метле в руках мумии. Пораздумав пару мгновений, метла

бодренько вырвалась из лап громилы и устремилась в мои руки. Тот от неожиданности настолько опешил, что даже не успел ее схватить, прежде чем она достигла меня.

— У кого-то еще остались сомнения? — Поинтересовалась я, обедев взглядом удивленную кампанию.

— Ну ладно, сами напросились, — вскипел великан, — двое на двое? До первых трех попаданий, никакого снитча, только кваффл, бладжер и ваши выбитые зубы.

— Идет, — кивнула я, оседывая метлу, чем еще больше поразила честную кампанию.

— Титучи, так нельзя, — робко заметила стоящая рядом Тилис.

— Чего нельзя? — Не поняла я.

— Девушкам нельзя так сидеть на метле, надо садиться, как на стул с боку, а не пропускать ее между ног...

— Вот еще, мне так будет не удобно отбивать кваффлы.

— А ты собираешься встать в защиту? — Кажется, окружающих эта новость поразила больше всего.

— Ну, да, подтвердила я, — Майлз лучший нападающий, поменяйся мы местами и победа будет за Слитерином.

— Ты сошла с ума, — лишь развела руками Тилис.

— И так вы готовы? — Поинтересовался Эван, взмывая в воздух.

— Да, — кивнули мы с Майлзом, поднимаясь вслед за ним и все еще не совсем привыкшей к одолженной ему метле мумией.

Игра началась. Я и не знала, что это может быть так здорово. Громилу нельзя было назвать прозорливым противником, его бладжер всегда имел четкую траекторию, и его легко было отбить. Более того, мне удалось пару раз парировать удар прямо по верху его головы с таким свистом, что он умильно вжимал от испуга свою кочерыжку в плечи, что, в общем, не очень было заметно с земли, так как его голова итак имела размеры приближенные к его мозгу...

Мне удавалось наблюдать за борьбой Майлза и Эвана лишь краем глаза, и то, когда бладжеры оказывались в опасной близости от члена моей команды. Но, судя по крикам с земли, я, приблизительно знала счет. 2:0 и мы пока лидируем. Внезапно в конец обнаглевшая мумия сделала очень хороший прицельный удар, я лишь в самый последний момент сумела перехватить бладжер и пустить его обратно, при этом, не совсем рассчитав, я сбила с метлы и самого отправителя. Но вот этого мне только не хватало, пришлось отправить метлу в крутое пике и на полном ходу подхватить оседающую тушу. Как это борова с высушенным лицом только метла выдерживает? Опустив его на землю я вновь взмыла в воздух чтобы предупредить не в меру заигравшихся ребят о травме, но не нашла их на прежней высоте. Я удивлено оглядывалась посторонним, но никого так и не увидела.

— Над тобой, — донесся снизу крик Тилис.

И вправду, задрав голову вверх, я увидела ребят еще четырьмя метрами выше. Между ними шел какой-то спор, при чем каждый обеими руками обхватил метлу соседа, а со стороны странное зрелище напоминало что-то типа детской игры: перетяни метлу. И, судя по синему от напряжения лицу Майлза, он явно проигрывал. Еще секунда и он стал бы сползать вниз. «Эй, посторонись!» — крикнула я, направляя своего скакуна, в смысле, метлу, на таран. От неожиданности ребята разжали руки. И, как говорилось в одной не глупой маггловской книге под названием «физика», сила действия равна противодействию, так что обоими ребятами будто из пушек выстрелили. Я была голова к этому эффекту и кинулась наперерез Майлзу, второй раз, за сегодняшней день, ловя живую подачу.

— Ты как? — Поинтересовалась я, бережно опуская шокированного Майлза.

— Норма, — заверил меня он, пытаясь отдышаться, — скажи, ты знала что так будет, не так ли?

— Да, — как можно мягче улыбнулась я, прости, что не смогла тебя предупредить заранее.

— Как вы, — суетилась запыхавшаяся Тилис, следом за ней в нашу сторону летела еще добрая половина зрителей, а зевак, надо сказать, было немало.

— Прежде чем здесь начнется полный аврал, объясните, что там случилось? — Указывая на место событий над нашими головами, поинтересовалась я.

— Майлз победил Эвана в сухую, без команды, не считая девчонки на глазах у всех своих болельщиков и партнеров по игре, — наслаждаясь каждым словом продекламировал Зонк, такого еще не бывало. Да что там, он опростоволосился на всю школу. И когда понял, что завтра об этом будет известно всем, взбесился. Если бы не ты, он точно бы скинул Майлза с метлы.

* * *

Вечером, за ужином, я чувствовала на себе сотни любопытных взглядов. Наверное, всем уже было известно про историю с кустом. Профессор Кремберри был уверен, что я вывела какой-то гибрид и даже решил выставить мне высший бал по этой теме. А я сама готова была сквозь землю провалиться, стоило только вспомнить как два колледжа гонялись по всей приусадебной территории Хогвартса, пытаюсь поймать мой кустарник. Или причиной стала все быстрее расползающейся по школе слух, о том, что я абсолютно фривольно сижу на метле, играю нападающим в команде по квиддитчу, и вышибла с метлы самого грозного игрока последнего сезона. Причем, не угмонившись на этом, добила капитана команды Слетерлина. Наверное, аномалии, подобной мне, Хогвартс еще не видывал.

Поэтому сразу после ужина, несмотря на множество попыток побеседовать и даже пригласить меня на свидание, у меня неожиданно объявилось масса поклонников, я прошмыгнула к выходу и опрометью бросилась в свою комнату. Моим единственным желанием на данный момент было скрыться от чужих глаз как можно быстрее. Закрыв за собой дверь, я облегченно вздохнула. В комнате царил страшный беспорядок, налицо были все вчерашние эксперименты. Один несчастный камин хранил на себе отпечатки трех заклинаний. Найдя мужества признаться себе, что этот беспорядок просто неприличен, я принялась за уборку. Начать решила с разбросанной по всему полу одежды.

Первое, что попалась мне на глаза, была та самая чистая бумажка, что прислали мне утром, я уже почти готова была швырнуть ее в огонь, как вдруг заметила что теперь она отнюдь не была пустой. На листке каллиграфическим почерком было выведено:

«Уважаемый читатель данного письма, сим мы уведомляем вас, что вы приглашены на мероприятие нашего клуба, являющего собой инициацию в его ряды. Вы пройдете испытания большей игры, выигравшим в которой является власть и могущество. Вас, как и остальных новичков, будут ожидать у кромки запретного леса в первую пятницу следующего месяца после десяти вечера»

И подпись «Мастер игры»

Загадочно и интригующе, надо сходить. Хотя, возможно, это очередная задумка Зонка, если это так, то это самое странное приглашения на вечеринку которое я видела, - подумала я, кладя письмо в маленькую плетеную корзинку на сундук у кровати. Там я хранила всю свою корреспонденцию. Её, кстати, за последнюю неделю, я не получала ни разу, похоже, Стаф окончательно отбилась от рук. Шатается по ночам со своими дружками, и совершенно забыл о своих прямых обязанностях. Надо бы пойти и поискать его завтра. Интересно, где в Хогвартсе обитают летучие мыши?

Глава 06. «Все о первых поцелуях...»

Ошибки — это не роскошь, роскошь не помнить о них.

Я уже почти не боялась появляться в шумных кампаниях, кажется? все уже забыли о всех моих странностях. И шушуканье за спиной стало медленно становиться тише, а затем и вовсе угасло. Теперь весь Хогвартс шумел в ожидание праздника. Кто-то пустил слух, что на тайной вечеринке, устраиваемой ребятами с разных факультетов, будет выступать группа «Безумные некроманты». Место проведения вечеринки должны будут сообщить за три часа до оной. Затем, старшеклассники из разных колледжей по строго разработанному маршруту встретятся там. Но скрыть подобное мероприятие было сложно, и самым сложным было заставить не говорить об этом. Все коридоры были наполнены слухами и обсуждениями нарядов, ребят и всякой подобной чуши. Я же с головой ушла в занятия, моё расписание становилось сложнее день ото дня, и порой я могла очнуться посреди лестницы, не осознавая, где нахожусь и куда мне идти теперь. Все, что я планировал на Хеллоуин — это сон... как можно больше сна.

— Ты просто обязана пойти, — заявила мне Тилис, падая на мое синее покрывало.

— Помфри права, — кивнула Цециль, садясь рядом.

— Девочки, я безумно устала, к тому же мне нечего одеть, — отрицательно покачала головой я, опускаясь на подоконник.

— Ну, конечно, отговорка старая, как мир. Только не забывай, ты разговариваешь не с безмозглой Агатой, нас на оскудевший гардероб не купишь. — Фыркнула Тилисия.

— Ладно, у меня есть аргумент, который заставит тебя изменить свое решение, — расплываясь в улыбке, заявила Пини, — как насчет Тома, он тоже будет там!?

— Тома? — Я рассеяно посмотрела на стекло, с той ночи на лестнице мы с ним больше не виделись, вернее я, конечно, видела его на лекции по ЗОТС и в столовой, но он ни разу даже не посмотрел в мою сторону, и я решила также игнорировать его в ответ.

— Ага, какой еще Том... — Передразнила меня Цециль, я видела какими глазами ты провожаешь его в коридорах, удивительно, как еще гобелены не загорелись от твоего взгляда.

— Том Ридделла? А почему я не в курсе, — обижено взвизгнула Помфри, выпрямляясь.

— Потому что Циль все выдумывает, — пожалала плечами я, — просто он единственный парень в Хогвартсе, кроме Зонка, Майлза, Лукаса, которых я и вовсе за братьев считаю, с кем я говорила больше одного раза.

— И сколько раз вы беседовали? — В глазах Помфри заблестели любопытные огоньки.

— Два...

— Ууу, — разочаровано протянула она.

— Я о том же, — кивнула я.

— Ну и что? Это не чего не значит, — возразила Пини. Ну-ка, попробуй описать мне его.

— Что за глупость!?

— Нет, ты попробуй.

— Ну, высокий, по крайней мере, с моей высоты так кажется, темные волосы, теплый взгляд, ямочка, когда улыбается такая забавная в уголке рта. А еще у него потрясающие, уверенные руки, — щеки невольно стали краснеть, — я не о том...

— Все не продолжай, Цециль права, ты влюбилась. — Хмыкнула Тилис. — Все, что я могу сказать о Томе, это то, что он обыкновенный, как сотни ребят Хогвартса.

— Влюбилась... вот еще, — пробормотала я, наблюдая, как тяжелые осенние капли начинают барабанить по подоконнику.

Говорят, что дождь располагает к размышлениям. Вт и я рассчитывала, что монотонное стуканье капель натолкнет меня на идею. Уже несколько недель я думала, как бы снова побывать в архиве. Ведь не зря кто-то устроил целый спектакль с преследованием, чтобы выгнать меня оттуда, следовательно, там есть что-то, что не должно было быть найденным мной. Только вот дверь архива снова запечатали, после случая с взломом в библиотеке, и пройти туда, не потревожив сложные заклятия, я не могла.

* * *

После урока ЗОТС, на котором Том, как всегда, абсолютно не обращал на меня внимания, (хм, можно подумать, он мне интересен) я получила новое расписание от Мисс Фигг. Там была целая куча новых предметов. Первый из них должен был начаться всего через три минуты, а кабинет находился в противоположном конце школы. Даже со своим путеводителем, я, конечно же, опоздала. Я уже мысленно готовила извинения, увидев человека в черной мантии, учителя, перед кабинетом. Но каково же было мое удивление, когда я поняла, что это все та же Мисс Фигг. Уму не постижимо, как она добралась сюда раньше меня. Казалось, она даже не запыхалась, в то время, как я дышала, подобно паровозу. Разве только ее волосы были собраны в длинный высокий хвост, а не в привычный пучок сзади

— Мисс Фигг?

— Да? Она подняла голову от справочника волшебных снадобий и близоруко сморщила носик, совсем как это делали Майлз и Пини.

— Не знала, что вы преподаете еще и зельеварение, все также удивленно взирая на нее, пробормотала я.

— Как понять еще? Что-то, юная леди, я вас не узнаю, подождите секунду, порывшись в кармане профессор с облегчения извлекла из него очки и водрузила их на нос, Ну вот так то лучше, хотя нет все равно не узнаю, вы что, новенькая?

— Не совсем, я уже больше трех недель слушаю ваш курс по ЗОТС, удивлено отступив от двери, ответила я.

— А, понятно, по лицу Мисс Фигг расплылась улыбка, ты ученица Арабеллы. Не пугайся, это ошибка всех новичков. Я ее сестра, Истель, Истель Фигг, чтобы ученики не путались, я разрешаю обращаться ко мне просто Мадам Истель. Странно, что ты впервые на моем уроке, ты перевелась из другой школы? Хотя, и тогда ты хоть раз должна была попасть на мои занятия в течение трех недель.

— Я учусь по усложненной программе, четкого расписания пока нет, — виновато потупилась я.

— Так ты, стало быть, Титучи. Ну — ну, меня предупреждали, что ты будешь заниматься дополнительно по вечерам. Что же посмотрим, на что ты способна. — Она распахнула передо мной дверь аудитории, больше напоминающей кухню какого-то чудаковатого повара. Все ученики уже колдовали у своих котелков, а по стенам тянулись огромные стеллажи, наполненные банками, склянками, корнями, травами и сушеными частями тел, принадлежащих тварям, о коих мне и вовсе знать не хотелось.

— Вот тебе задание для начала, сказала Мадам Истель, вырывая лист из книги у себя в руках, я скоро вернусь и проверю, что у тебя получилось. Все ингредиенты, как и свободное место, ты найдешь в классе. Если что-то не найдешь, посоветуйся с медвежьей головой, она точно знает, где это искать, — протараторила она, легонько подталкивая меня к входу.

* * *

И что мне с этим делать? Спросила я себя, осматривая маленькую жаровню, в которой горел огонь, и котел рядом с рецептом в миллю длиной. Я часто читала книги по алхимии и зельеварению, но всегда относилась к ним, как и к литературе по кулинарии, то есть скептически. На первый взгляд, все просто и вкусно, а на второй не осуществимо... Ладно начнем с ингредиентов. «Горчица и корень пачули» — желтую травку и кусок старой древесины я уже видела на одной

из полок, а вот с «Шелк.тута»... я и знакома не была... Интересно, что имела ввиду Мадам Истель, говоря про медвежью голову?

Ладно, начнем с того, что я знаю. Взяв лесенку сбоку от двери и стараясь как можно меньше мешать остальным ученикам, я стала собирать ингредиенты. Скоро на моем столе лежали три отвоеванных трофея, один из которых чуть не стоил мне шеи...

Кто же мог знать, что драконьи глаза продолжают моргать, уже будучи в банке?

Но «Шелка. Тута» я так и не нашла, как и медвежью голову.

— Это безнадежно, — процедила сквозь зубы я, облокачиваясь на очередную полку.

— Безнадежность — это плохая переменная, предлагаю сменить ее на безысходность, — заявил густой голос предо мной.

— Вы так думаете? — насторожено переспросила я, раздвигая банки и склянки в поиске окна или дырки, откуда звучал бас, но вместо этого, все, на что я наткнулась была... медвежья голова... Потребовалась минута чтобы сообразить, что страшный оскал на его морде это улыбка.

— Прекрасно, наконец- то мне снова освободили обзор. — Довольно проурчала голова медведя, — Я бы сказал, что это дало возможностью мне вдохнуть полной грудью, если бы у меня была грудная клетка, — пошутил он и сам же засмеялся утробным смехом, демонстрируя все свои острые клыки.

— Прости, кажется, я тебя напугал? — Спросил он, внимательно рассматривая меня, — Просто я так давно вишу на этой стене... а после того, как пара противных первогодок закрыли меня склянками, я и вовсе оторван от жизни. Кончилась тем, что одна нахальная крыса чуть не сгрызла мне нос, — затрещала голова, вращая глазами бусинками.

— Ааа, — выдавила я, из себя, все еще борясь с желанием убежать как можно дальше. — Вам не больно?

— В первый раз мне задают такой вопрос, но я рад, обо мне давно стали думать, как о предмете. Нет, мне уже давно не больно, — покачало существо всем тем, чем являлась, я привык, а ты, небось, никогда не видела живую голову без туловища?

— Нет, никогда.

— Ну, так нас в Хогвартсе целых три, — довольный возможностью поделиться своими познаниями прорычал медведь. — Я, лиса в кабинете директора и крокодил, кажется, в одной из гостиных... я точно у него не узнавал, а он и не распространялся.

— Кто? — Еще с трудом вникая в суть разговора, спросила я.

— Крокодил, понятное дело. — Прошамкал медведь, рассматривая листок у меня в руке. — А это что?

— Ой, я совсем и забыла, зачем сюда залезла, это мое задание.

— Так, посмотрим... ну что же, обычное «бородавчатое зелье», ничего особенного. Ты все нашла?

— Нет, вот это, я не нашла. «Поверить не могу, что разговариваю с чучелом медведя», — вертелось у меня в голове.

— Ага, это просто не правильное сокращение. — Мой новый знакомый понимающе пошевелил ушами, — Поэтому ты не то и искала, посмотри в большой черной банке на нижний полке слева.

Он оказался прав, там действительно оказалась черная банка с коконами тутового шелкопряда. Поблагодарив голову и пообещав, что еще вернусь на пару минут поболтать, я направилась к своему столу.

Казалось, будто это продолжается вечность. То, что кипело в моем котле, одним словом можно было охарактеризовать как адское варево, которое к тому же имело весьма терпкий и резкий аромат.

— Ну как, получается? — Прорычало сверху.

Я подняла глаза и увидела, что теперь медвежья голова переместилась на полку поближе и внимательно следила за моими действиями.

— Я и не знала, что ты можешь двигаться.

— Только по этой стене, — вздохнуло чучело.

— Скажи, а у этой гадости должен быть такой запах? И вообще для чего она? Сводить бородавки?

— Да, запах тот еще, но зато нет ничего лучше для того, что бы потерять плотность.

— В каком смысле? — Поинтересовалась я.

— Да в прямом, при помощи этого зелья можно стать живым приведением. — Медвежья улыбка стала еще шире, я на всякий случай сделала шаг назад, все же такое зрелище было не для слабонервных.

— И даже сквозь стены можно проходить? — Заинтересовано спросила я.

— Можно. — Уверенно фыркнула голова.

— Правда? — У меня сразу созрел план, — а ты не мог бы одолжить мне пустую колбочку?

* * *

Вечером, вернувшись после занятий, я и не заметила, как уснула в кресле перед горящим камином, в маленькой преподавательской гостиной. Вокруг валялись разбросанные мной учебники, учителя редко бывали здесь, а мне это место приглянулось для выполнения уроков. «Надо прибраться, прежде чем идти спать», — решила я, потягиваясь. Свечи уже давно потухли, и вокруг царил сумрак, поэтому я не сразу заметила, что не одна. На стуле, чуть позади меня, сидел человек и усиленно записывал что-то в тетрадь. Наверно кто-то из учителей решил поработать здесь, подумала я и тихо, чтобы не создавать лишнего шума, стала сгребать свои книги.

— Вы не волнуйтесь, я вам не помешаю, мне нужно только пару минут.

— А? Кажется, он был слишком увлечен и не заметил моего присутствия, зато теперь, когда силуэт подал голос, я его узнала.

— Том?

— Да, Титучи?

— Что ты здесь делаешь?

— Я нашел, что это место намного уединенней гостиной Слетерина, надеюсь, ты не имеешь ничего против? — Объяснил он, как само собой разумеющиеся, и принялся писать дальше.

Казалось, его абсолютно не смущала возможность появления в любую минуту кого-то из преподавателей, и возможное снятие баллов за нахождение на закрытой для учеников территории. Мое же присутствие он и вовсе не замечал.

В то время как смятение наподобие волн распространяется по комнате, исходя от меня. Не в силах унять волнения, я усиленно зашуршала бумагами у меня в руках, пытаюсь создать вид бурной деятельности. Как хорошо, что в комнате было темно. Так, стою здесь еще минуты две, чтобы мой уход не показался ему поспешным, поворачиваясь к нему спиной, подумала я, почти ощущая его взгляд.

— Ты очень занята? Неожиданно спросил Том.

— Да, очень! — Вздрогнув, бессовестно солгала я.

— Тебе помочь? — Его голос стал значительно ближе...

— Нет, справлюсь сама, — как же трудно было бороться с искушением обернуться.

— Может, все же посмотришь на меня? Или я тебя чем-то обидел?

— Обидел? Чем? В конце концов, мы и разговаривали только два раза, разве это к чему-то обязывает? Например, здороваться...

— Так вот в чем дело! — он почти смеялся.

— Да, в этом, — резко развернулась я, практически утыкаясь носом в его плечо. От него веяло свежим полевым ветром... я выдохнула воздух, краснея как рак.

— Мне просто не хотелось смущать тебя, ведь мы почти не знакомы...

— Да, ты прав! Я отстранилась и уверенными шагами направилась к двери.

— Подожди, мне надо тебе кое-что сказать, — остановил он меня пред самой дверью

— Что же?

— Я солгал тебе, я здесь вовсе не из-за желания побыть одному. Я хотел увидеть тебя. Его глаз не было видно, но они смотрели на меня очень внимательно.

— Не верю, — покачала головой я, борясь с желанием убежать, но вместо этого набралась сил и просто прошла мимо него стараясь изобразить на лице полное безразличие.

На самом деле где-то внутри меня шла борьба и поиск причины, чтобы остаться.

— Что это? — Спросила я проходя, мимо журнального столика, где лежала тетрадь Тома

— Это мой дневник, — ответил Том, — я хотел бы сохранить часть себя на его страницах.

Моя рука не вольно потянулась к тетради, но Том перехватывая ее своей ладонью. Это было приятное и теплое прикосновение.

— Дневник, вот уж не знала, что ты сентиментален, — я постаралась придать своему тону как можно больше колкости.

— Отнюдь, излишние чувства ведут к боли, скажи, ты боишься боли?

На мгновение я задумалась над этим вопросом, конечно, я боялась боли, как и любой человек, но никак не готова была признаться в этом, тем более ему.

— Нет, — это было самое тихое нет в моей жизни, наверное, его не услышали бы даже мыши, но он услышал. Я еще раз заглянула в его глаза в поисках чего-то, за что можно было бы зацепиться, но там все также царил холод и полумрак. Мне стало не по себе от этих глаз, в них было легче заблудиться, чем в коридорах Азкабана. И в тоже время их таинственность так и тянула меня стать первым исследователем тех мест.

— Не похоже, чтобы ты была уверена, — это звучало хуже насмешки, но позволило переключить мне мое внимание с его глаз на губы, нет, определено, он и не подозревает, какой гнев может вызвать у женщины.

— Да, я уверена.

— Ну что же, тогда я тебе покажу то, что ты скоро узнаешь. Интересно, смогу ли я еще вырвать свою руку из его ладони...

Он взял свечу, которая стояла на столе. Это был почти огарок, но его отблески и причудливые тени сделали свое дело. Я уже не была уверена в том, что это не сон. Том тоже выглядел нереально во всем этом антураже, как и его нежные прикосновения и любопытство, с которым он рассматривал мою руку.

— У тебя красивые руки, — сказал он, помедлив секунду, затем посмотрел на меня вновь из-под полуопущенных век и прикоснулся губами к кончикам моих пальцев. Волна удушливого стыда пронеслась по всему моему телу.

— Твоя мама, кажется, предупреждала, что все мужчины коварны? — будто прочитав мои мысли, спросил Том.

— Я предпочитаю делать свои ошибки, а не учиться на чужих. — охрипшим от волнения голосом ответила я.

— Тогда тебе должно понравится это... с этими словами он поднес свечу к моей руке.

Я почувствовала, как горячие капли одна за одной падают на мою кожу, это было обжигающе болезненное ощущение. От неожиданности я почти вскрикнула, но, поймав на себе пристальный взгляд Тома, из последних сил подавила крик.

— Зачем? — Я обижено смотрела в его темные глаза, которые почти прожигали меня своим любопытством

— Это больно, — сказал Том, ставя свечу на стол, неожиданно оказавшийся между нами. Но именно это ощущение заставляет почувствовать все клеточки и нервные окончания своей руки, даже те, о которых ты никогда и представления не имела. Руку саднила, но я не могла даже потерять обожженное место, так как она все еще была в его власти.

Внезапный приступ злости охватил меня, мне надоели эти игры, я перестаю доверять своим чувствам и не знаю чего ожидать от каждого поворота этой школы.

— Я хочу свою руку обратно!

— Правда? — он почти смеялся, ты невероятна, еще минуту назад я почти подобрал ключ к твоей комнате, а уже сейчас он бесполезен, ведь ты выпрыгнула в окно. Я еще раз, оценивающе посмотрела в него.

— Это комплимент? — Робость снова начала овладевать мной.

— Да, — кивнул он, — но мне жаль что мы закончили не подбравшись к самому интересному.

— К чему же?

— К огню...

— А что можно еще ближе? — Рука все также предательски саднила.

— Можно на много ближе, усмехнулся он, кладя свою ладонь в пламя свечи на столе, я почти инстинктивно схватила его за руку в попытке вытащить ее из огня, но Том будто бы этого и ждал потянув мою ладонь за собой. Легкий ожег мгновения назад показался мне комариным укусом по сравнению с новой волной боли, на этот раз я поняла, что не смогу подавить крик и он почти вырвался наружу, но чьи-то настойчивые губы подхватили его даже не дав увидеть свет.

Рука... Кажется, она болела? Не знаю, я уже не думала о ней...

* * *

На следующий день я проснулась в новом мире, не знаю, кто из нас изменился за ночь, я или весь мир.

Глава 07. «Летучие мыши, Хеллоуин на чердаке и все что под крышей...»

Событий не бывает слишком много, это нас порой слишком мало для них.

Утро выдалось пасмурным, но, несмотря на плохую погоду, жители Хогвартса находилась в радостном возбуждении. Накануне Хеллоуина настроение у всех было приподнятым, особенно у старшекурсников. Именно, предвкушение праздника и сделало уроки невыносимо длинными этим днем. Отсидев последнюю лекцию, я обречено направилась на дополнительные занятия, которых сегодня было вдвое больше — наверно, в честь все того же праздника. Когда я наконец добрилась до главного зала, ужин уже закончился и все колледжи потихоньку потянулись к дверям, чтобы продолжить веселье в своих гостиных.

— Будь готова через час, — шепнула мне на ухо Пини, проходя мимо.

Я кивнула в знак согласия, с сожалением наблюдая, как со стола стали исчезают недоеденные блюда.

* * *

Путь на нижний чердак, где проводилась вечеринка старшекурсников, лежал за волшебными доспехами, вверх по крутой лестнице. Небольшая мансарда, куда вели ступеньки, уже была переполнена. Играла абсолютно сумасшедшая музыка (сколько же времени заняла работа над заклатьем звуконепроницаемости?), а скелеты в белых фартучках, шамкая челюстями, разносили всем желающим воду с глазными яблоками (наверняка, дела рук Зонка). В праздничной кутерьме мне удалось заметить пару своих знакомых, отплясывающих напротив импровизированной сцены или поглощенных увлекательной беседой. Покрутившись, то тут, то там, я пришла к заключению, что, видимо, не создана для вечеринок. По крайней мере, на этой мне было скучно, хотя все остальные самозабвенно веселились. Поэтому, найдя в этой сутолоке и шуме, маленький свободный уголок, я не преминула туда спрятаться. Здесь, под балкой чердачного помещения, можно было оставаться одной, в то же время, оставаться частью праздника.

Постояв так минут десять и осознав, что веселья на сегодня с меня хватит, я уже собралась тихо уйти, когда моя рука коснулась холодной глади, ощутив, как по твердой поверхности пошла мягкие волны от прикосновения. Это было окно. Старое витражное стекло, словно мутное озеро, разносило круги по своей поверхности. Чувствуя, что наткнулась на нечто потрясающее, я присела на корточки в попытке рассмотреть его лучше. Потребовалась пара минут, пока глаза не привыкли к неровному свету, и я смогла разглядеть в витраже танцующие пары. Танцоры, призрачная дымка вокруг них и весь необычный антураж места за стеклом, а также то, что данная стена была наружной, навели меня на мысль об иллюзорности всего происходящего за витражом. Нечто вроде музыкальной шкатулки, созданной кем-то из волшебников или учеников, и забытая на чердак за ненадобностью. Что бы это ни было, оно было прекрасно — вплоть до легкого ветерка блуждающего по тусклому свету свечей в бальном зале. Мне хотелось рассмотреть этот артефакт ближе, но пыльное стекло не позволяло. Достав из кармана носовой платок, я попыталась стереть грязь, но вместо того, чтобы пройти по твердой поверхности, рука скользнула внутрь, увлекая меня за собой. Сама не знаю, как оказалась за витражом, но теперь я определенно стояла по ту сторону. Призрачный свет, струившийся по стенам этого нереально прекрасного места, сразу заморозил меня. Вокруг кружились пары под музыку, слышную только им. А по стенам, увитым плющом, тянулись доспехи и канделябры, пританцовывающие под иллюзорный ритм. У колонн в центре зала столпилась публика, предпочитающая беседу танцам. Дамы в шикарных бальных платьях, заставляющих меня устыдиться своей скромной темной мантии, шептались с кавалерами в нарядах, красноречиво говорящих о том, что бал — костюмированный. Мои же ощущения были сродни сну: очень уж фантастичным казалось это место. Конечно, я знала, что в Хогвартсе живут привидения, но за время моего пребывания здесь я с ними не сталкивалась, а уж тем более, не мечтала попасть к ним в гости, на празднованье

Хеллоуина. Какое-то время я предпочитала не афишировать своего присутствия, но на меня и так никто не обращал внимания. В их мире привидением оказалась я, и это было действительно здорово. Внезапно меня привлекли громкие голоса. Юная и изящная девушка, с виду еще более легкая и прозрачная, чем все остальные, яростно протестовала в то время, как не менее юный и симпатичный (насколько можно было судить по чертам лица привидения) человек упорно вопрошал ее о чем-то. Наконец девушка вскинула голову и, промчавшись прямо сквозь несчастного отвергнутого, скрылась из виду. Юноша, не ожидав такого поворота событий, стал медленно сползать и растекаться по полу главной залы. Никогда ранее не наблюдавшая подобной картины, я подбежала к нему, бессильно разводя руками. Откуда мне знать, что делают с привидение, расползающимся как кисель?

— Не надо, — только и сумела умоляюще вскрикнуть я, но было уже поздно. Маленькая серая лужица просочилась сквозь пол.

Похоже, в мире привидений, как и у людей — неразделенная любовь приводит к ужасным последствиям.

— Простите, — раздалось рядом, — вы кого-то ищете?

Развернувшись к говорящему, я увидела беззаботно улыбающуюся лицо, которое могло принадлежать человеку лет двадцати, конечно, если бы не принадлежало приведению, со светлыми и чистыми глазами.

— Вы это мне?

— Разрешите представиться. Весепи, — изящно, на старинный манер поклонилось привидение.

— Очень приятно, Титучи.

— Красивое имя для прекрасной и доброй леди. Так кого вы искали?

— Похоже вас, — неуверенно моргнула я.

— Ну, в таком случае, вы меня уже нашли, — губы моего нового знакомого растянулись в улыбке.

Я же с трудом подавила смешок: «Здесь творятся невероятные вещи и со мной впервые заигрывает привидение».

— Скажите, а вы танцуете?

— Не знаю, — честно ответила я.

— Тогда попробуем выяснить это, — протянул он руку. — Если вы не заметили, здесь бал, а следовательно, вам положено танцевать.

— Не хочу отдавить вам ноги, — тихо проворкотала я, пряча лицо.

— Мои руки не позволят вам дотянуться до моих ног, — шутливым тоном ответил Весепи. — К тому же, их нельзя отдавить уже около двухсот лет.

— Ну что же, — я вложила свою ладонь в его, ощущая холодное прикосновение.

— Знаете, я не хочу вас обидеть, но ваша рука слишком плотная для привидения, — краснея, промямлил он.

— Вас это смущает? — хихикнула я, видя его замешательство.

— Ничуть.

Было так необычно искать опору в том, кто по сути своей не имел плотности.

— Не волнуйтесь, она достаточно крепка, чтобы на нее опереться, — улыбнулся Весепи, перехватив мой взгляд на своей кисти.

Он оказался прав. Рука Весепи была вполне материальной, равно как и вторая, коснувшаяся моей талии. Я неловко шагнула вперед и постаралась следовать за своим прекрасно танцующим партнером, но получалось у меня не очень. К тому же, мне казалось, что остальные пары наблюдают за этими нестройными движениями, а отсутствие музыки, которую, похоже, слышали

все, кроме меня, и вовсе ставило в тупик. Чувствуя себя неловко, я отвела взгляд от своего нового знакомого.

— Если вам так трудно смотреть на меня, может, стоит закрыть глаза? А главное, тогда и другие исчезнут, — предложил Весепи, уверенно ведя меня по залу. — Не волнуйся, я не позволю вам упасть.

Да, в этом было истинное спасение. Закрыв глаза, я полностью положила на партнера и просто следовала за его легкими движениями, чувствуя лишь прохладный ветерок от пронсящихся мимо пар.

— Ну вот, а говорили, что не знаете, — довольно хмыкнуло танцующее со мной привидение. — Как насчет того, чтобы продолжить танец на втором этаже?

— Почему бы и нет, — благодушно согласилась я, слишком поздно вспоминая, что не видела здесь лестницы на второй этаж.

Следующим ощущением было то, что мои ноги отрываются от земли.

— Только не уроните меня, пожалуйста, — с трудом выдавила я, открыв глаза и видя, как порхаю теперь под потолком.

— Не волнуйтесь, это не сложнее, чем летать на метле, — заверил меня Весепи.

— Да, но с метлой я знакома дольше, чем с вами.

— Мне нравится ваше чувство юмора, — ответил он, продолжая подниматься к другим танцующим в воздухе парам.

— Правда? А это было оно?

«Определенно нет» — подумала я, стараясь на мгновение забыть, что под ногами не осталось ничего твердого.

— Вы останетесь на церемонию? — будто и не слыша последнее замечание, продолжало привидение.

— На какую церемонию? — спросила я, наблюдая за пролетевшим мимо тыквенным Джеком.

— На церемонию прощания, разумеется.

— Нет, а что это за церемония?

— Вы и вправду весьма странное создание или не иначе, забыли, что сегодня Хеллоуин! Как всегда, у одного из нас появится возможность покинуть это место и направиться туда, где нам и полагается быть.

— Полагается быть? — с трудом улавливая смысл, переспросила я.

— Ну, витраж... Пойдемте, — не найдя слов, пожал плечами он и, обхватив мои плечи, увлек за собой вниз, к окну, через которое я прошла, в то время, как мне оставалось только удивляться законам гравитации, вопреки которым мы не расшиблись в лепешку.

— Видите эти трещины? — спросил он, подводя меня к наборному стеклу.

Понадобилось сильно присмотреться, чтобы увидеть тонкую паутину бороздок, о которых он говорил.

— Гладкая поверхность — это наша жизнь, а трещины — это боль, несчастье, горе, все то зло, что причинили мы и причинили нам. Если этих трещин слишком много, душа успевает просочиться сквозь них прежде, чем приходит время отправиться туда, где ей самое место после смерти. Так и появляются привидения. Странно, дорогая, что вы этого не знали.

— Я вообще очень странная особа, — улыбнулась я.

Вдруг в зале зазвучали фанфары, и привидения как по сигналу стали исчезать сквозь стены.

— Мне пора, не хочу пропустить церемонию, — извинился Весепи. — Кстати, для привидения вы слишком хороши... Боюсь, что вы все же человек, — с этими словами он скрылся вслед за остальными.

«Порой я этого тоже боюсь» — пронеслось у меня в голове.

Зал опустел, кроме меня никого не осталось. Оглядевшись в поисках двери, я не заметила ничего, даже близко напоминающего ее. А правда, зачем привидениям двери? Я уже решила воспользоваться волшебной палочкой, как моего слуха коснулось тихое урчание. Обернувшись, я увидела чью-то тень у последнего канделябра.

* * *

Кошка смотрела прямо на меня, не отводя глаз, через весь зал. Потом, так же неожиданно, как пришла, она развернулась и стала удаляться в темном проеме, ранее сокрытом от моих глаз.

Можете мне не верить, но я узнала ее. Пусть говорят, что ночью все кошки серы, по-моему, это утверждение требует проверки.

«Вряд ли мое отсутствие кто-то заметил», — решила я, стараясь ступать как можно тише, в попытке не спугнуть своего проводника. Но похоже, что кошка была заинтересована в моем присутствии ничуть не меньше чем я в ее. Так мы и шли по коридорам, а тени вокруг нас сгущались. Удивительно: я осознала, что больше не боюсь того, чего не вижу. Это преимущество безумцев — не бояться, и мне это начинает нравиться. Внезапно мой провожатый остановился возле небольшой ниши и, пару раз мяукнув, исчез. Просто растворился в ночном воздухе, струящемся из открытых окон. Подойдя ближе я обнаружила узкий проем между двумя задремавшими портретами.

«Очередная прогулка по ночному замку. Кажется, я становлюсь завсегдатаем таких мест», — усмехнулась я, ступая в темноту.

Не то, что бы раньше я не падала, но это было одним из самых неприятных падений в моей жизни. Уже второй раз за день я теряла ту надежность, на которую рассчитывала с детства — опору под ногами. Еще один потайной ход, и на мне живого места не останется.

— Аyyy!

«Ко всему, я заработала пару очередных синяков», — скривилась я, поднимаясь и пытаюсь найти волшебную палочку, чтобы осветить комнатку, в которую попала.

— Иллюмос, — палочка вспыхнула, освещая каменный мешок и лестницу позади меня.

Сколько тайных переходов может быть, по сути, не в таком уж и большом замке? Стало быть, вверх.

* * *

На этот раз это был чердак. В смысле, самый настоящий и самый верхний чердак Хогвартса. За стеклянным куском потолка у входа светили звезды, а пара проржавевших перчаток резалась в карты у стены. «Что ж, вечеринка, скорее всего уже, кончилась, а раз я сюда попала, почему бы не устроить себе экскурсию?» — рассудила я, прикрывая за собой скрипучую дверь.

Путешествие и впрямь оказалось весьма увлекательным. Здесь хранилось множество вещей, начиная от старых флагов колледжей и заканчивая противотроллевой катапульты, которая томилась в разобранном состоянии у стены и была прикрыта какой-то старой тряпкой, напоминающей мантию великана. Я чувствовала себя ребенком, попавшим в мир чудес. Старые настеленные по полу доски были заколдованы музыкальным заклинанием и, вместо противного скрипа, издавали весьма мелодичные звуки. «Возможно, если хорошенько поискать, здесь можно найти и живого дракона», — подумала я, рассматривая огромный скелет рептилии. Отступив на пару шагов назад, чтобы в полной мере насладиться этим зрелищем, я чуть было не поскользнулась, наступив на крупный непонятный фрукт. Обернувшись, я искала глазами место, откуда он мог упасть, но ответ находился над моей головой. Весь потолок чердака был сплошным висячим садом. Множество веток теснилось среди балок, уходя своими корнями либо в трещины в стене, либо в пол. У меня аж дыхание перехватило, так, прекрасна была эта причуда природы или какого-то не в меру романтического волшебника, решившего устроить сад под крышей. Некоторые насаждения были мне знакомы, другие же — абсолютно неизвестны. По-видимому, лишившись солнца, эти растения слегка потеряли ориентацию, поэтому кое-какие из деревьев только начинали цвести, другие уже опали, а третьи — плодоносили. Пара таких веток согнулась

под тяжестью вытянутых, сиреневых фруктов так, что их можно было достать, протянув руку. Перезрелые плоды со стуком падали на пол, стоило лишь коснуться их.

Я уже собиралась покинуть эту часть чердака, когда увидела, как только что упавший плод исчез буквально из-под моих ног. Оглядевшись в поисках объяснений, я ровным счетом ничего не заметила. Кто бы ни был любителем экзотических фруктов, он двигался быстрее моих глаз. Привстав на цыпочки, я потянулась за еще одним плодом, он подался также легко, как и предыдущий.

— Итак, значит, любим с полу? — бросила я вопрос в тишину. — Тогда лови!

Стоило фрукту коснуться половиц, как из затемненного угла появилось тень размером с ладонь. Шатаясь на неверных крыльях, оно подползло к моим ногам.

— Попался, — улыбнулась я, ловя в руки летучую мышь. — Значит, вот где вы обитаете. Можно было догадаться, почему Стафа стало так шатать. Не мудрено от такого количества перезрелых фруктов. А ну-ка пошли, — сказала я, увлекая бьющегося под моими пальцами малыша в сторону угла, из которого он выполз.

— Стаф, — позвала я, вглядываясь в темноту, — на твоём месте я бы вылезла сама, иначе будет хуже!

Но летучая мышь не спешила с чистосердечным раскаяньем, зато вокруг меня началось движение. Тысячи крылышек зашуршали подобно невидимому парчовому платью невесты, и множество заинтересованных глазок уставилось на меня. Комочек, в моей руке сперва ожесточенно воевавший за свободу и даже пару раз пытавшийся меня укусить, понял, что это бесполезно, и перестал трепыхаться, лишь для порядка обиженно посвистывая.

— Что же, давайте знакомиться, — кивнула я остальным. — Для начала — жест доброй воли. Лети к своим, — улыбнулась я, разглядывая маленькое чудо на своей ладони.

С видом победителем, малютка расправил грудь и с чувством собственного достоинства полетел по направлению к стае. Крылья снова зашуршали, освобождая место для собрата.

— Стаф, я не собираюсь стоять здесь вечно, — грозно прикрикнула я, вновь поворачиваясь к морю светящихся огоньков.

Послышались недовольные свисты, а секунду спустя огромная серая мышь кубарем вылетела со стены и упала к моим ногам.

— Говорила же, лучше иди сам, — расправляя мягкий шарик, сказала я. Но Стаф не собирался сдаваться и, обиженно взвизгнув, впился мне в руку.

— Ну негодник, ты меня разозлил, — вскрикнув, процедила я. — Джордоне Дормир!

Удивлено моргнув голубыми глазами, моя мышь сделала пару неуверенных движений и благодушно захрапела на весь чердак.

— Так-то вот, — довольно хмыкнула я.

Поблагодарив частную компанию, я уже собиралась покинуть это место, когда от стены отделился один из ее обитателей и, с трудом перебирая крыльями, подлетел ко мне с ношей наперевес.

— Спасибо, — кивнула я, ловя объемный сверток, перетянутый желтой лентой.

На коричневой оберточной бумаге было выведено мое имя.

— Еще одна посылка, которую ты мне не принес, — шикнула я на спящего питомца.

— Ладно, Стаф просыпайся, — произнесла я, наводя на него волшебную палочку.

Недовольно зевнув, мое наказание открыло глаза, но решив, что сейчас со мной лучше не спорить, просто заняло свое место на моем плече. Приняв это в качестве извинений, я присела на сундук в углу и нетерпеливо стала разворачивать плотную бумагу, освобождая от ее оков старинный кожаный переплет. В моих руках оказалась книга, которая буквально засветилась, вырываясь из свертка наружу. Что-то подсказывало мне, передо мной именно то сочинение, пропавшее из библиотеки.

Я бережно взяла книгу в руки и аккуратно, стараясь не повредить ветхих страниц, пролистала ее. Но Пини была права, буквы не давали себя прочесть и осыпались словно песок — раньше, чем удавалось уловить их смысл. Я огорченно захлопнула фолиант.

— И почему мне так не везет?! — в сердцах я ударила рукой по деревянной крышке. Стаф, видя мое раздражение, испуганно зашуршал крыльями, как и его приятели.

— Да нет, не волнуйтесь, это я не вам, — попытка успокоить напуганных летучих мышей ни к чему не привела... стоп... Стаф меня не боится, даже когда я этого хочу и действительно зла на него. Кто же их так напугал?

Медленно, насколько это было возможно, я повернула голову. Но позади ничего не было — все тот же чердак, погруженный в тишину и полный теней. Правда, обычные тени не двигаются...

Я и не заметила, как оказалась на ногах, только вот отступать мне было некуда. Тем временем клочок тьмы, бесшумно отделившись от притаившегося в углах мрака, ползла прямо на меня. Сделав пару шагов назад и упершись в стену, я просто стояла и заморожено смотрела перед собой. А тень все приближалась и росла на глазах. Из этого, почти гипнотического состояния меня вывело мяуканье. Моя черная помощница появилась рядом так же внезапно, как исчезла. Не ожидая приглашения на наше маленькое рандеву, кошка со всего разбегу прыгнула, вцепившись в то место, где у тени, если бы она была человеком, должна находиться голова. Ожесточено отбиваясь, чернота взвизгнула утробным голосом и, скинув кошку, унеслась прочь. Еще не совсем прейдя в себя и пытаясь передвигаться на ватных ногах, я подошла к своей спасительнице.

— Ты знаешь, я уже почти полюбила всех представителей семейства кошачьих, — мне даже показалось, что кошка понял мои слова и ласково заурчал.

Она уж точно не сомневалась в собственной значимости, даже когда чихала, при этом выплюнув изо рта маленький черный лоскуток.

— Твой трофей? — улыбнувшись, спросила я.

Ничего не ответив, что вполне естественно, кошка засеменила по полу к двери, лишь на секунду остановившись у выхода, чтобы мяукнуть — дескать «следуй за мной».

Когда я добралась до своей комнаты, часы пробили два ночи. Однако... Так поздно я еще никогда и нигде не задерживалась. Устало потянувшись, я упала на кровать, но тревожная мысль заставила меня вновь подняться с нее. У меня есть преследователь, и он всегда появляется там, где я могу найти хоть что-то, связанное с некой тайной, почти выданной мне матерью. В ее словах, показавшихся мне тогда безумными, что-то есть — сомневаться теперь не приходится. И похоже, что ответы на все эти вопросы мне сможет дать книга, лежащая на краю кровати, а следовательно, не мешало бы ее спрятать и как можно надежнее.

Глава 08. «Игра»

Потери главная особенность взрослой жизни.

Урок волшебной тайнописи проходил в кабинете под самой крышей северной башни. Порой на занятиях казалось, что можно услышать, как птицы задевают крыльями ее кровлю. Это был один из немногих любимых учениками уроков. И хотя вел его сам директор, он умел четко провести грань между своими административными и учительскими обязанностями.

Как правило, все его лекции были очень интересны и познавательны, но сегодня учащиеся ожидали занятий с особым нетерпением: в связи с обещанным сюрпризом в честь завершения изучения рунного алфавита. Аудитория тихонько гудела, в нетерпении взирая на дверь. Когда же на пороге наконец появился профессор Диппет с огромной коробкой в руках, многие по вскакивали со своих мест, чтобы разглядеть, что в ней.

— Не стоит, — едва окинул нас взглядом директор. — Я сам вам покажу то, что принес на сегодняшний урок.

С этими словами он вывалил содержимое коробки на стол.

— Тема урока — заколдованные книги, — провозгласил он, довольный эффектом вызванным разноцветными, диковинными переплетами. Слегка выдержав паузу и дав нам волю налюбоваться мерцающей аурой, загадочным сиянием, витающей над книгами, он заговорил вновь. — Мы уже обсуждали книги, умеющие сигнализировать о незаконном проникновении в их тайны, ну например, «кричащие». Но по-настоящему мудрый волшебник не будет так усложнять себе жизнь. Подумайте, как такой фолиант может оглушить вас прежде, чем вы произнесете контр заклинание. Есть и другие способы защиты, например, зашифровать содержание книги так, чтобы никто, кроме посвященных не мог проникнуть в ее смысл. Порой для этого находили весьма изящные решения. И вот одно из них, — в его руке появилась книга, переплет которой был свит в затейливый узор из тонких полосок металлов разного цвета. — Это книга представляет собой музыкальную криптограмму, вот послушайте, — раскрыв книгу, предложил профессор.

Сначала ничего не происходило, перед нами были просто белые листы. Но затем со страниц начали срываться яркие мерцающие искры, а за ними — звуки. Причудливая мелодия, таящаяся где-то внутри книги, разносилась по кабинету, вновь возвращаясь в глубины переплета. Ноты почти зримо летали среди учеников, дразня своей доступностью и все же не даваясь в протянутые к ним руки. Окружающая атмосфера рождалось ощущение, досягаемости слов таящихся в музыке, но, как только начинал вслушаться, их смысл вновь ускользал от тебя.

— Ну, как? — профессор закрыл книгу. — Воистину прекрасно и просто. Такие книги расшифровать можно, лишь обладая определенным ключом, и ни одно заклинание здесь не поможет. Тут следует поработать головой, а не волшебной палочкой. Поймите магическую последовательность, и лишь тогда смысл фраз, зашифрованный в нотах, станет доступен и вам. Хотя порой мне кажется, что по самому характеру мелодии можно многое определить.

Ученики, еще не совсем пришедшие в себя, безмолвно взирали на преподавателя.

— Но это не все, — продолжал профессор Диппет. — Есть еще и так называемые «песочные книги».

Стоило учителю произнести эти слова, как я обратилась в слух.

— Они выглядят примерно так, — продолжил он, беря в руку одну из книг в кожаном переплете и открывая ее посередине.

Как только толстый том был раскрыт полностью, буквы из текста с его страниц стал осыпаться.

— Как видите, название «песочная» дано не случайно.

— Можно ли обойти это заклятье? — поинтересовалась девушка в мантии Хаффлпафа.

— Существует много очень сложных и запутанных способов, чтобы снять защиту, поставленную на книгу магом, но лишь один из них универсален — ведьмина печать. Но вам это не пригодится. Такие приемы защиты больше не используются, а почти все книги, которые были ими зашифрованы, переписаны или устарели.

* * *

— Профессор, подождите, — я догнала его в коридоре. — Вы так и не рассказали, что такое ведьмина печать.

— Дитя мое, вы хотите подробнее узнать о ведьминой печати? — по лицу мистера Диппета пробежала улыбка, но он все же остановился. — Что ж, похвальное рвение к знаниям. Ведьмина печать — это древний волшебный рецепт, мало кем используемый ныне.

— Почему если она так универсальна?

— Дело в том, что в руках мага должна быть печать, созданная им самим, а создать ее сложно. Я бы сказал, почти невозможно.

— А как ее создают? — я даже не пыталась скрыть своего волнения.

— Хм, в ее основе лежит «священный круг пяти» — своеобразная пентаграмма. Каждый волшебник должен добровольно принести в этот круг часть своей сильной стороны, причем, вовсе не обязательно, чтоб все они собрались в одном месте в этот момент. Важно, чтобы это была действительно их сильная сторона. Далее все не сложно: стандартное преображающее зелье и заклинание, о котором говорится в вашем учебнике по древним языкам.

— Все так просто, — улыбнулась я.

— Это только кажется, — со снисхождением посмотрел на меня профессор Диппет. — На самом деле, если бы я хоть на миг верил, что вы или кто-то из моих учеников будете способны на такое, то никогда бы не рассказала сути рецепта.

* * *

Вернувшись в свою комнату, я достала все учебники, которые так или иначе могли помочь мне в расшифровке книги, найденной на чердаке. Но заняться изысканиями мне так и не удалось. Стаф, ведущий себя как примерный почтальон после того, что произошло на чердаке, забился в оконное стекло с очередными письмами, которые незамедлительно высыпал передо мной. Три конверта — от тети Маргозы, папы и какого-то неизвестного — лежали на полу. Внезапно письмо без обратного адреса вспыхнуло, и в секунду было полностью охвачено зеленым пламенем. Схватив первое, что попало под руку, я попыталась его затушить, но огонь, приблизившись к моей руке, не обжег своим дыханием, напротив, пламя было абсолютно холодным, позволяющим развернуть конверт. Внутри него была карточка с всего одной строчкой:

«Вас ожидают в Запретном Лесу. Не опаздывайте. Вы с легкостью сможете найти дорогу».

Стоило мне прочесть ее, как письмо рассыпалось, превратившись в пепел.

Потребовалось какое-то время, чтобы осознать, как быстро пронеслись дни. Сегодня была первая пятница этого месяца, а следовательно, время идти в гости по тому странному приглашению. На мгновение я задумалась. Не то, чтобы мне не хотелось пойти, но все же... Запретный лес ночью — место не безопасное. Нет, определенно, такая безумная идея могла прийти в голову только Зонку!

* * *

Закутавшись в плащ, я шла по еще влажной после дождя траве. Письмо не обмануло, дорогу действительно невозможно было не найти. По краям тропинки то тут, то там мелькали призрачные огоньки путеводного заклинания, которые исчезали, стоило лишь пройти мимо. Тихие шорохи леса и таинственное свечение делало атмосферу еще более загадочной, а извилистая

тропинка петляя, уводила все дальше в чащу. «Интересно куда я направляюсь?» — крутилась у меня в голове, тем временем как ноги преодолевали очередную корягу.

— Титучи, подожди, — окликнул меня Майлз.

— Привет, — я прищурилась, чтобы по лучше рассмотреть его возбужденное и счастливое лицо.

— Тебе тоже пришло приглашение?

— Да. — «вот бы мне половину его энтузиазма».

— Это здорово, — радостно подхватил Майлз. — Все мечтают попасть в это общество.

— А что за общество?

— Тайное братство... Говорят, оно существует с самого основания Хогвартса, и туда попадают только лучшие, а отбор ведется очень строгий.

— Есть, чем гордиться, — фыркнула я.

Наш путь закончился на опушке. Деревья, окружающие это место, свели свои кроны, создав крышу оберегающею тайное собрание, проходящее под ней. По траве стелился легкий туман идущий с болот, а застывшие в воздухе сферы из света и костер освещали фигуры собравшихся. На поляне стояли люди в темных плащах с капюшонами, почти полностью скрывающими лица. Каждый из них четко занимал свое место, создавая рисунку причудливой шестеренки. Завидев нас, одна из фигур покинула схему, выходя на встречу.

— Вы собираетесь пройти обряд? — поинтересовался он.

Я не видела его лица, но изо всех сил старалась узнать голос.

— Да, — кивнул Майлз

— Тогда вам надо переодеться, — заметил приветствовавший, поручая Майлза заботам еще одного человека в черном.

— А вы? — теперь капюшон повернулся ко мне.

— Не знаю, я понятие не имею, о чем идет речь, и почему получила приглашение.

— Вы здесь потому, что ваши успехи как волшебника произвели впечатление, мы все здесь по этой причине плюс для того, чтобы проверить себя.

— Проверить?

— Каждый из нас проходит испытания, если кто-то из членов круга решит, что этого не достаточно, он может бросить вызов, и тогда человек, получивший его, пройдет еще одно испытание.

«Что за глупость?» — подумала я, осматривая всю группу вместе с Майлзом, увлеченным как ребенок. «Очередное мальчишество, никакой логики. Готова поспорить, что я здесь — единственная девушка...»

— Ты готова? — спросил Майлз, подходя ко мне.

— Прости, но нет, — шепнула я ему. — У меня нет желания играть на — слабо.

— Брось, Титучи. Только представь, как сильно отказ повлияет на твою популярность в школе.

— Разве это как-то изменит твое мнение обо мне? Или мои отношения с Пини, Тилис, Лукасом и Бродериком?

— Нет, конечно, — покачал головой Майлз.

— Ну, а остальные могут думать все, что угодно.

Я, конечно, кривила душой, произнося эти слова, был еще один человек, чье мнение меня волновало.

— Если ты не против, я просто посмотрю.

— Ладно, — пожал плечам он.

— Все готовы? — спросил встретивший нас молодой человек. — Мы начинаем.

* * *

На поляне творилась странное действие, наблюдать за которым было бесспорно интересно, как за чем-то таинственным и запретным. Я стояла в стороне. Достаточно далеко, чтобы почти ничего не слышать, но все видеть. А передо мной разворачивался спектакль без реплик. Когда настало время испытания, я невольно занервничала, видя, как Майлз выходит в центр круга. Внезапно он согнулся пополам, его лицо перекосила гримаса боли. В непроизвольном порыве я ринулась к нему, но чья-то рука больно сжала мое запястье.

— Тебе нельзя, — я услышала шепот, оглянулась и встретила глазами с Метью.

— Что ты здесь делаешь? — шепнула я в ответ.

— Ту же глупость, что и ты. Наблюдаю за этим ужасом.

— Ты один из них?

— Я бы так не сказал, хотя здесь много людей, которые попали в круг по незнанию, — Мэт отпустил мою руку. — Ты правильно поступила, что не согласилась на инициацию.

— Что они делают с Майлзом? — перебила его я.

— Ничего из того, к чему он не был бы готов, — пожал плечами Метью. — Это первая ступень — Терзатимус — проверка болью.

— Что за бессмыслица, зачем? — не понимала я, наблюдая за страданиями друга.

— Это еще что, — Мэт хмыкнул. — Ты не представляешь, что здесь можно увидеть.

Казалось, беззвучный вопль Майлза длился целую вечность, но всему наступает предел, видно, подошел конец и этому. Хранители, как назвал их Метью, убрали волшебные палочки, помогая подняться вновь вступившему. Я облегченно вздохнула и уже собиралась попросить проводить меня до замка, так как волшебные огоньки исчезли из виду, когда группа на поляне неожиданно засуетилась. Я не видела лиц остальных под капюшонами, но Майлз выглядел крайне удивленным и, как мне показалось, напуганным.

— Что происходит? — спросила я, повернувшись к Мету.

— То, чего не должно было быть, — в глазах моего собеседника промелькнула жалость. — Его вызвали на поединок.

— Поединок?

— Право Магистра — назначить поединок между новичком и Не Вступивший в Круг. Если победит новичок, то сразу станет Магистром, а если Не Вступивший в Круг, то он автоматически перейдет в разряд Хранителей. Но таких боев почти никогда не назначают.

— Почему?

— Магистры не хотят рисковать. Ведь если тот, кого они ставят на дуэль, проиграет, то Магистр лишается всего. К тому же, нужно иметь согласие Не Вступившего, а те тоже не хотят сражаться в поединке с таким исходом.

— С каким — таким? — комок повис в горле, когда я задавала этот вопрос.

— Со смертельным.

— Но ведь Майлз может отказаться. Разве не так? — попыталась успокоить себя я.

— Нет, он вступил в Братство, значит не имеет выбора, как впрочем, и надежды.

От этих слов у меня закружилась голова, все происходящее превращалось в кошмар наяву. Мэт обхватил мои плечи, почувствовав, что у меня начинается истерика.

— Послушай, Не Вступивший в Круг — это хорошо натренированный маг, знающий три ступени, как свои пять пальцев. У Майлза нет шанса, и ты ничего не сможешь с этим поделать.

— А учителя? Мы можем позвать кого-то из них, — судорожно хватая воздух, предложила я.

— Все кончится раньше, чем ты найдешь дорогу из леса. Да и кто тебе поверит? А когда они придут сюда, здесь уже никого не будет.

— Но ведь если с Майлзом что-то случится, все узнают. Его исчезновение не может остаться незамеченным.

Мэт молчал. Тем временем, вокруг противника, вышедшего навстречу Майлзу, стал образовываться новый круг.

— За два года, что я знаю о Братстве, погибло десять учеников и никто ничего так и не узнал, — почти неслышно, одними губами, произнес в конце концов Мэт. — Я не знаю, кто им покровительствует, но для них нет ничего невозможного.

— Такого просто не может быть, — продолжала не соглашаться я.

Но крик за спиной прервал всю последовательность мыслей в моей голове. Это был вопль отчаянья, пробиравший до костей. Я с трудом узнала голос и с еще большим усилием заставила себя повернуться. Майлз застыл в круге, держа в руках волшебную палочку, которой так и не успел воспользоваться, а рядом спокойно и недвижимо возвышались еще двенадцать фигур.

— Нет, — прошептала я пересохшими губами. Беспомощный ужас толкнул меня вперед.

— Что ты делаешь? — зашипел на меня Метью, стараясь удержать.

— Я нужна ему.

— Сумасшедшая, он уже мертв, а теперь они и тебя убьют, — кричал мне вслед его голос.

Но я уже была в круге — как раз вовремя, чтобы подхватить оседающее и неожиданно легкое тело Майлза. Мой взгляд встретился с его глазами, такими пустыми, что мне стало страшно. А вокруг царил тишина.

— Почему? — срывающимся на крик голосом спросила я стоящую рядом фигуру. — Почему?

Но никто не ответил мне, я же приблизилась, в попытке рассмотреть лицо убийцы. Но в тот момент, когда моя рука почти коснулась капюшона, по всему телу пронеслась волна боли. Это было ужасающее ощущение. Мне казалось, что вся я разваливаюсь на мелкие кусочки, в то время как мою голову сжали невидимые обручи, норовящие раздавить ее. Не знаю почему, но в мозгу стали всплывать образы, тем временем как сама я почти падала без чувств. Перед глазами стояла свеча, ее неровное пламя и мягкий вкрадчивый голос Тома. Именно тогда я осознала, что могу управлять этой болью. Мои ноги уже не подкашивались, а рука обрела твердость. Еще секунда, и я дотянулась до злосчастного капюшона.

— Ты?!

Глава 09. «Пьеса для шепота...»

Не прощать — это привилегия сильных.

Я не знала, что мне делать. Первым порывом было найти кого-нибудь из учителей и все рассказать, но Метью был прав, никто бы не поверил. Меня сводило с ума собственное бессилие. Голова раскалывалась от мыслей о Майлзе, а разум отказывался признавать, что его больше нет. Я брела в полутумане по коридорам Хогвартса. Не знаю, как бы я выбралась из леса, если бы не Метью. Он вывел меня оттуда в полубморочном состоянии. Но и сейчас мне не было легче. Не в силах больше передвигать ногами я села на пол и попыталась поплакать, но мои глаза будто пересохли и слезы отчаянно сопротивлялись моей воле. И не надо! Я не буду плакать, слезы помогают забыть а я не хочу забывать! Я буду бороться!

Все случилось так, как и предсказал Метью. Майлз исчез, как будто его никогда и не было. А жизнь продолжалась, просто без него. Ученикам сказали, что родители перевели Майлза в другую школу и лишь десяток человек знали, что случилось с ним на самом деле. Когда профессор Диппет делал официальное объявление и назначал нового капитана команды Гриффиндора, мне так и хотелось встать и крикнуть, что это неправильно, но я промолчала, как и все остальные. Это слишком легкий путь, есть другой, сложный, но чтобы идти по нему нужно быть сильной.

* * *

— Можете убрать свои волшебные палочки, — голос мисс Фиг разносился по всем уголкам класса, — поверьте они нам не пригодятся! — Она встала перед своим столом и, совсем как это делали ученики между занятиями, села на его край.

— Сегодня мы займемся самым сложным, чем вы когда-либо занимались и, возможно, самым интересным, — ее голос опустился до заговорческого шепота. — Мы будем творить волшебство по средством своей воли! Тут не будет никаких заклинаний, зелий, волшебных палочек и всего такого, только вы и ваш внутренний потенциал.

Класс наполнился шелестом голосов.

— Не стоит пугаться, я не порошу вас разжигать огонь в камине взглядом, хотя и не считаю это невозможным. Просто мы подошли к такому периоду, когда я уже не смогу открыть для вас ничего нового во внешней защите, так что мы перейдем к тому, что сокрыто внутри нас, то есть к самому мощному источнику.

— А разве профессор Диппет одобрил это? — робко заикнулся кто-то на первой парте.

— Хм, дайте-ка подумать, — на мгновения глаза Мисс Фигг стали темными, как будто радужки и зрачка в них никогда не существовало. — Помнится мне, профессор Диппет не очень-то одобрял занятие с лекантропом, особенно подробный осмотр его зубов. Но пока у вас преподаватель я, — ледяной шепот превратился в уверенное эхо, — мне абсолютно начихать на то, что одобряет или нет профессор Диппет. Намек всем ясен?

В аудитории стаяла гробовая тишина.

— Я рада, — широко улыбнулась она, — а теперь мы все не отставая друг от друга более чем на два шага идем на крышу северной башни, чтобы дослушать данную лекцию.

Не довольный ропот стих под пристальным взглядом Мисс Фигг и мы ровной шеренгой потянулись к двери. Наверное, было забавно наблюдать со стороны за нашей маленькой гусиной стаей, марширующей по замку, а путь к башне был не близкий. Но самым трудным оказалось не дойти туда, а вскарабкаться по старой покосившейся лестнице. Зато от зрелища, ожидавшего нас наверху, невольно перехватывало дыхание. Зелень, неподражаемая и чистая, тянулась до самого горизонта, переходя в огромное синее небо, полное перистых облаков.

— Итак, продолжаем, — встав лицом к нам заговорила Мисс Фигг. — Чтобы суметь сопротивляться чужой воле, вам нужно научиться сопротивляться себе. Подойдите к краю крыши, только не слишком близко, и посмотрите вниз.

Мы послушно сгрудились у края, созерцая зеленую траву где-то далеко внизу, тем временем, как профессор продолжала рассказывать. Но внезапно все изменилось. Толчок, совсем легкий, как дуновение ветра, и земля, стремительно летящая на меня, было следующим, что я увидела. Нет, я не хочу умирать! Если бы я могла затормозить падение... Сильная волна воздуха ударила в лицо, в ушах шумело, а порывы ветра рвали волосы. Что-то мощное с силой стало выталкивать меня назад, подобно невидимой руке.

Все кончилось в какие-то считанные доли секунды, или мне просто так показалось. Лишь очутившись на земле, я поняла всю полноту смысла слов о подкашивающихся ногах. Не в силах стоять, я рухнула на траву, пока меня не окружила целая толпа взволнованных учеников. Затем Мисс Фигг своим властным тоном заставила всех отойти от меня и помогла подняться.

* * *

Я сидела на кровати в лазарете и ждала, когда меня отпустят. После долгого осмотра, медсестра сказала, что скоро я смогу пойти к себе, но это было до того, как учителя в лице Дамблдора и Мисс Фигг под предводительством директора удалились в коридор о чем-то переговорить. Я сгорала от любопытства и желания знать, о чем они там беседуют, в конечном счете мой дар к левитации был таким же секретом и неожиданностью для меня, как и для них. Поэтому, стараясь как можно меньше шуметь, я пробралась к двери медпункта и прислушалась к возбужденному шепоту за ней.

— Это не допустимо! — взволнованно настаивал директор. — Вы понимаете, что такой дар встречался только у трех волшебников за всю историю, и те не смогли избежать механизма! Откуда, вы мне скажите, откуда у этого ребенка подобные способности? Нет, определенно, ее нахождение в Хогвартсе должно быть пересмотрено!

— Мы не можем ее отослать, — заговорила мисс Фигг безапелляционным тоном, — она понятия не имеет, с чем столкнулась, а вы хотите ее вытолкнуть из единственного места, где ей могут помочь!

— Или навредить, — внезапно присоединился к разговору Дамблдор.

— Альбус, и вы туда же! — обиженно фыркнула профессор ЗОТС, — о чем же вы думали раньше, когда привезли ее сюда?!

— Я думал в первую очередь о ее благе, и о том, что смогу ее защитить. Но она уже слишком взрослая и способна причинить себе намного больший вред, чем любое окружение, а защитить ее от самой себя я не в состоянии. — Профессор Дипет прав, но механизм здесь ни причем, — меня больше волнует те эмоции, что живут в ней.

— Вы тоже хотите опустить руки? Возможно, она единственный ответ на тайну, хранимую здесь веками... Вы снова умываете руки, не оставляя ей шанса на то, чтобы выжить, что же, пожалуйста, только без меня... — С этими словами мисс Фигг направилась к двери, за которой скрывалась я. Поэтому в попытке как можно скорее достичь своей кровати я и не услышала слов, сказанных очень тихо одним из тех, кто остался за дверью.

— А вы не задумывались, кем она станет, если выживет...

Я успела забраться в постель как раз вовремя, чтобы не вызвать подозрений у влетевшей в комнату учительницы.

— Как ты? — Обеспокоено спросила она, подходя ближе.

— Все в порядке! — ответила я борясь с чувством смятения.

— То, что произошло сегодня, наверное, вызвало у тебя много вопросов? — стараясь не смотреть мне в лицо, продолжила Мисс Фигг, садясь рядом.

Хотелось бы мне сказать, что эти вопросы не покидают меня с самого приезда и что для меня не ново чье-то преследование, просто на этот раз меня пытались убить, но молчание сейчас было единственным оружием против тайн этого замка.

— Я не могу тебе объяснить то, что происходит, — вздохнула она, — но хочу попытаться. Ты знаешь, я живу в Хогсмиде, там находится наш фамильный дом. Приходи ко мне в это воскресенье, и мы поговорим. Только никому не говори, что идешь ко мне! — с опаской смотря на дверь, предупредила Мисс Фигг.

* * *

Мне было плохо, похоже, я не такая сильная, как думала, билось у меня в висках. Мимо большого окна в коридоре пролетела тысяча снежинок первого в этом году снега, но это зрелище не приносило облегчения. Вот уже пару дней меня не покидало то, что я подслушала. Все они, взрослые люди, волшебники говорили обо мне, как о бомбе с часовым механизмом, разве что не разбегались при моем имени. Кто же я такая? Слезы невольно заструились по щекам, когда взгляд упал на браслет в виде змейки. Я так и не снимала его с того вечера. Отец старался избегать в письмах вопросов о маме, а она сама мне не писала, и с каждым днем меня волновало это все сильнее. Порой мне казалось, что я осталась одна, даже Пини избегала встреч после того, что случилось на уроке ЗОТС. А Том... Мысль о нем обожгла память. Зачем нам только ее дали?! Куда проще было бы помнить только секунду, а потом забывать... Вечерело, надо было вернуться в совою комнату, прежде чем я попадусь на глаза кому-то из старших. Подхватив свой маленький огарок несгораемой свечки, некогда подаренной мне в этих коридорах, я направилась в сторону преподавательского крыла. Погруженная в свои мысли, я и не заметила тень, выростую у меня на пути.

— Смотрите-ка, кто у нас так поздно гуляет! — усмехнулся Эван, загораживая проход...

— Мне надо пройти! — Я раздраженно попыталась убрать его руку.

— Уже поздно, — в глазах Эвана сверкнуло что-то недоброе, — я не думаю, что это одобряется правилами школы.

— С каких пор тебя стали волновать правила?!

— Праведный гнев, — по его губам скользнула улыбка, — тебе идет...

— Клянусь, мне сейчас не до тебя и твоих диалогов, просто дай пройти! — Ярость, с которой я это произнесла, казалось, лишь подпитала любопытный огонь глазах собеседника. Будто это был интересный эксперимент, в котором он не прочь принять свое участие. Что же, игра так игра, в этом мире всех так и тянет попытать удачу в партии со мною.

— Я тебя не отвлекаю? — защекотал мое плечо голос Эвана... его дыхание, теплое дыхание, пахло смородиной.

— Нет, — я вытянула руку, слегка отстранясь, — но лучше держи дистанцию.

— Зачем? Мы здесь одни, а ты сегодня очень красива... думаю никто меня не осудит, — он вновь приблизился все дальше отесняя меня от двери, теперь нас разделяло только пламя свечи.

— Тебе не кажется, что тут есть кое что лишнее? — его тихий голос и взгляд, полный скрытых намеков, оказывали на меня странное влияние. В конце концов, я была просто женщиной. И мне льстило внимание с его стороны, даже этот неприкрытый интерес вызывал волну смущения и тайного желания сыграть данный гамбит.

— Что? — Мне казалось, будто я прыгаю в омут, в голове так и звучал крик о помощи.

— Твоя свеча, — ответил он, наклоняясь ближе, чтобы затушить огонь.

— Не стоит! — Я перехватила этот жест на пол пути к свету, — поверь мне, свеча никогда не может быть лишней, — с этими словами я отпустила его вдох. Он молча смотрел на меня, это было похоже на заклинание змей и теперь факир я.

— Дай мне свою руку, — настойчиво почти приказал мой голос. В его глазах был уже не интерес, в них застыло выражения уважения и я наслаждалась этим моментом.

У него были ухоженные и красивые руки, скорее женские, чем мужские. Казалось, они были в раздумьях, кого первого послать на мой суд, пока одна не скользнула ближе и уже совсем уверенно опустилась в мою протянутую ладонь.

Я медленно сжала ее, пытаюсь не смотреть Эвану в глаза.

— Скажи, ты боишься боли?

— Нет, он старался придать голосу презрительную интонацию, но я почувствовала в нем страх, но не простой, а скорее любопытный... Его манил мой свет... Это игра мастера.

Гримаса боли лишь на мгновения исказила его лицо, когда капли воска упали на кожу.

— Зачем это?

— А ты подумай... — с этими словами я с силой оттолкнула его от двери и, будучи еще в замешательстве, он неловко отскочил в сторону.

— Ах да! Чуть не забыл, зачем пришел сюда... Я хотел тебе рассказать о Майлзе, помнишь такого?

— Что ты хотел рассказать? — моя рука застыла на дверной ручке.

— Майлз, эта милая гордость Гриффиндора, где он теперь? Хотя, думаю, ты знаешь где... — Он угрожающе приблизился ко мне. — Надо сказать, ты потрясла меня, тогда, когда сдернула капюшон с Агаты, а ее ты просто напугала. Еще никто не справлялся с Терзатио так, как ты. Я даже рад, что тогда не убил тебя.

— Что?

— А ты думала, кто был тем Магистром, что уговорил Агату войти в круг? — Эван злорадно улыбнулся, — Агата глупа, но она прилежная ученица. У Майлза не было шансов. Ты тоже должна была погибнуть там, тебя спасло лишь чудо. Впервые сталкиваюсь с подобной тебе. Я даже готов забыть обо всем, ведь мы можем начать все заново, — Эван шагнул ближе.

— Возможно, — я задумчиво коснулась двери, вновь прикрывая ее, только объясни, почему?

— Ну, это даже не вопрос, — довольная ухмылка пробежала по его губам, — никто не смеет покушаться на честь Слизерина, а тем более мою.

— Матч... — я почувствовала, как задыхаюсь от ярости, это все из-за него.

— Мне определено нравится твоя пронизательность! Ну так как, может сменим тему, — он сделал еще один шаг ко мне.

— Да мы сменим тему, — мой голос был ровным, в то время, как нас с Эваном разделял всего лишь один шаг. — Я тебя уничтожу.

— Не будь так уверена в этом, — его рука легким движением пробежалась по моей спине, — но попытайся... это будет даже забавно!

— О да, — приподнявшись на цыпочки, я коснулась губами его щеки, — это будет забавно! — похоже, я начинаю понимать принцип игры, мелькнуло у меня в голове.

— Но не для тебя! — дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась, оставляя за собой все мое прошлое.

* * *

Все мое существо переполняла холодная убежденность. Я шла по коридору в точности зная, что никто и ничто не сможет меня остановить. И даже когда у меня на пути выросла пара амбалов в форме команды Слизерина, я спокойно протиснулась между ними со словами:

— Разойдитесь мальчики.

* * *

— Том, мне надо с тобой поговорить, — уверено заявила я, подсаживаясь рядом с ним за стол Слизерина.

— И разговор, как я полагаю, будет очень серьезный, — давя усмешку, поинтересовался он.

— Правильно полагаешь.

— Что же, тогда я думаю, нам нужно сменить обстановку, — в его взгляде появилась едкая насмешка, — как тебе крыша северной башни, подойдет? Если ты, конечно, не боишься головокружения.

— А почему бы и нет, — борясь между желанием убить его или поцеловать, кивнула я, — знаешь, мне больше не страшна высота, на днях я выяснила, что умею левитировать.

— Может тогда после завтрака? Все же хотелось бы закончить трапезу.

— Да на здоровье! — благодушно пожала плечами я и с чувством полного достоинства, бросив взгляд на слегка притихших и оторвавшихся от своей еды учеников, вернулась за стол Рейвенкло.

На крыше было холодно, ветер играл в волосах, и его дрожь стала передаваться мне. Том нерешительно коснулся моих плеч, он не спрашивал, холодно ли мне, просто почувствовал это.

— Как ты? — В его голосе звучало не скрываемое волнение.

— Не знаю, — честно призналась я.

— Что-то случилось?

— Много чего, — кивнула я, все так же стоя к нему спиной, — у меня погиб друг.

— Я помню. Прости, не знаю как...

— Нет, стой! — мои пальцы коснулись его ладоней, — со мной случилось еще кое что. Со мной случился ты. Я не могу понять тебя. То ты не замечаешь меня, а уже на следующий день заставляешь думать о тебе каждую секунду, то откровенно презрительно насмехаешься, а затем спасаешь жизнь. Почему?

— Я не понимаю о чем ты.

— Врешь! — крикнула я, сбрасывая руки Тома с плеч в порыве ярости. — Я не дура, тогда со свечкой в гостиной, ты все уже знал. Это была твоя попытка подготовить меня. А потом, с чего бы Метью помогать мне? Я ведь его почти и не знаю, зато ты ему знаком, вы ведь лучшие друзья, не так ли!

— Ты и меня почти не знаешь, да и кто может поручиться, что все всё знают друг о друге, ответил он отводя глаза.

— Это не ответ! Ладно, я не буду тебя спрашивать больше ни о чем, только один вопрос, и ты никогда не услышишь от меня вопросительных интонаций. Просто скажи, почему ты не остановил Эвана, ведь ты был там, теперь я точно знаю, что был.

— У меня не было на это прав, — Том говорил все тем же спокойным голосом, но камень, на который он опирался, подозрительно затрещал.

— О чем ты? Он убил человека!

Неожиданно он посмотрел прямо на меня. В его глазах был вызов. И что-то еще... Трещина, из которой сквозила пустота.

— Нет... — я испуганно отступила. — Ты ведь не хочешь сказать что тоже...

Том не ответил, просто подошел ко мне вплотную. Он ничего не говорил, просто молча коснулся моего лица так, как будто пытался запомнить что-то, что раньше ускользало от его глаз, а я была не в силах шелохнуться под его нежным прикосновением.

— Знаешь, — наконец заговорил он, — я способен на убийство. Более того, я способен убить, ради тебя.

— Не говори так! — умоляюще возразила я.

— Хорошо, я не буду так говорить.

Он молча смотрел на меня исподлобья, а мне казалась, что я почти слышу его мысли.

— Ты собираешься бросить вызов?

— Да.

— Это самоубийство, и ради чего? Эван не ответит на него, а Агата всего лишь исполнитель.

— Она знала, что делает...

— Агата сильнее тебя, ты не сможешь! — отрицательно покачал головой Том.

— Я не смогу, но мы сможем!

— Нет! — в его голосе звучал холод метала.

— Я сделаю это все равно! Так или иначе! С тобой или без тебя!

Продолжать этот разговор не имело смысла, я просто пошла к люку, ведущему на крутую лестницу.

— Подожди, ты не понимаешь, с чем собираешься столкнуться! — остановил он меня, преграждая путь. — Есть такой старый прием, — улыбнулся он. — Надо смотреть только в глаза.

— Не понимаю.

— Все очень просто, это как игра с дьяволом в душу. — Он легким касанием повернул мое лицо к себе, надо заглянуть как можно глубже, — почти прошептал он. В центре зрачка я почти чувствовала, как его взгляд начинал раздевать меня изнутри. Это было подобно легким мазкам художника, не наносящего, а удаляющего краску слой за слоем, и я уж почти не существовала, просто стала частью панно в руках творца, а он все также уверенно разбирал головоломку, на мгновение я испугалась, и Том почувствовал это. Он нащупал мою руку и уверенно сжал ее

— Это всего лишь я, я не причиню тебе вреда, — слова почти потонули в неожиданно огромных глазах Тома, зато теплота его рук, как путеводная нить, за которую я невольно уцепилась.

— Я здесь, — его руки обхватили мои еще сильнее, — это всего лишь иллюзия, дай мне рассеять ее.

Зачем ему мое согласие? Это была почти пустота, я и так в его власти. Снова эти прикосновения, такие мягкие и бережные, я больше никогда не буду бояться этих глаз. На мгновение я поняла, что это не вся правда, что здесь присутствует элемент силы, просто я не та, к кому он хотел её применять. И снова мгновения отстраненного наслаждения взглядом, жаждущим знать о тебе все. Эти любопытные мазки, стирающие последний слой и его нетерпения увидеть, что там, под твоей кожей. Он почти срывал с меня остатки жизненной пыли. Это было одно уверенное и резкое движение. И, как вспышка, обжигающие прикосновения по кровоточащей и так приятно ноющей душе. Это были раны его нетерпения, тот рубеж, что он стер в последний миг, но тот взгляд и то странное ощущение покоя от его ласковых поцелуев стоило секунд боли и отчаянья. А затем был стыд, жаркий стыд, ведь он увидел меня обнаженной! Такой обнаженной, какой не видел еще никто, и его руки, глядящие мое лицо.

— Не плачь...ты прекрасна! — шептал он мне на ухо, — я никогда не видел никого, совершеннее тебя!

— Это просто слова! — я пыталась спрятаться в его руках, сжигаемая чувством отчаянья изнутри.

— Это мои слова! Разве ты мне не веришь? — этот ледяной вопрос обжег сильнее, чем его взгляд.

— Если бы я не верила тебе, то меня бы здесь не было! — уверенность моего голоса поразила даже меня. Неужели, я подпустила кого-то так близко?

— Я знаю, — успокаивая меня поцелуем, ответил он. Теперь ты видела, что тебе предстоит, но, черт меня возьми, если ты не пройдешь через это.

Глава 10. «Чай с дементором...»

*Не стоит отказываться от прошлого,
так как оно никогда не откажется от вас.*

Я уже однажды была в Хогсмиде, но это было очень давно, когда я навещала одну из моих тетешек путешественниц. На этот раз я увидела это место совсем иными глазами. Приземистые домики и уютные садики теперь не казались мне милыми убежищами сказочных гномов. Да и сами эти существа больше не казались сказочными, когда я столкнулась с ними наяву, а не в «Белоснежке». Странно, но все же жизнь, близкая к маггловской, хоть и в мире волшебников, очень сильно повлияла на мое представление о мире. По дороге к самой окраине я остановилась у только что открывшегося кафе, снискавшего популярность у учеников и преподавателей Хогвартса, где купила упаковку поющих пирожных и радужных безе, все же неудобно было идти в гости с пустыми руками.

Дверная ручка недовольно хмыкнула, скривив свою морду чертика, когда я воспользовалась ее носом, как дверным молотком, чем он, в общем-то, и являлся. Через пару секунд, после моего стука, дверь распахнулась. Наверное, все учителя выглядят иначе в домашней обстановке, но Мисс Фигг была и вовсе другой, более человеческой что ли. Оказывается, у нее были густые темные волосы, а под мантией скрывалась очень хрупкая и изящная фигура.

— Заходи, — скомандовала она, улыбаясь и пропуская меня в просторный холл у себя за спиной.

Старый дом, построенный много лет назад, явно часто перестраивался, и теперь с трудом можно было понять, в каком стиле задумывалось его оформление. Здесь было все: и барочные амурчики на краю перил, и готические окна с арками под покровительством этнетики стран, о которых я даже не подозревала. У меня было ощущение, что я попала в некий причудливый музей, по совместительству являющийся чьим-то домом.

— Тебе нравится? — спросила Мисс Фигг, с любопытством наблюдая за мной.

— У вас очень необычно.

— Это дом потомственных волшебников, не один год засорялся разного рода магией и вещами, — улыбнулась она, — в нем живет сама история. Но об этом как-нибудь потом.

* * *

Чай мы пили в крошечной и очень уютной, по сравнению с холлом, гостиной. На столе стоял забавный то и дело меняющий цвет сервиз, а чугунный чайничек на ножках так и норовил налить тебе чаю, злорадно при этом ухмыляясь. Общаться с Мисс Фигг оказалась невероятно весело и легко. Но во время нашей непринужденной беседы, меня неотступно преследовало желание спросить, за чем все же она позвала меня сюда.

— Какая прелесть, — улыбнулась профессор, дотронувшись до маленькой бусинки на моей шее, — откуда она?

— Это? — Я невольно охватила свое незатейливое украшение пальцами, — это подарок... от дементора.

— От дементора? — Мисс Фигг рассмеялась, — ты шутишь?

— Нет. — Отрицательно покачала я головой, — я нашла это рядом с одним из них.

— Хм, — на какое-то время задумалась она, — ты знаешь, кто такие дементоры? — Спросила Мисс Фигг секунду погодя, внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Думаю да, все же я выросла на острове, рядом с Азкабаном.

— Нет, ты неправильно меня поняла, — покачала она головой, — я хочу понять, знаешь ли ты, кто такие дементоры на самом деле?

В этот момент я осознала, что ничего не знаю о том, кто такие дементоры, не более чем то, что они странные существа, поглощающие радость и служащие охранниками Азкабана, но это знают все.

— Магглы ошибочно полагают, что нашу память хранит разум, или, если изволишь, мозг, — с этими словами мисс Фигг хлопнула, и смеющийся чайник странными кособокими движениями на паучьих ногах направился к моей чашке.

— На самом деле это не так, — продолжала она, — память хранит сердце.

Я хотела было возразить, что это невозможно, но осеклась, вновь посмотрев в глаза преподавателя.

— Когда ты думаешь о чем-то грустном или болезненном, что у тебя болит? Ведь не голова, а сердце! — мисс Фигг поймала мой взгляд и улыбнулась, — сердце отвечает за очень многое... И за радость, и за боль, а также за память о них. Разум же хранит только опыт. А вот теперь представь, что станет с человеком без сердца?

— Он умрет, — не задумываясь, ответила я.

— Маггл возможно, но не волшебник. Есть миллионы заклинаний и зелий, чтобы остановить его биение и только пара, чтобы избавиться от него навсегда.

Мысль добровольно отказаться от своего сердца невольно шокировала мое воображение, казалась бы, какая мелочь, оно ведь просто бьется внутри, но что будет, если это прекратится?!

— Что может заставить человека добровольно отказаться от своего сердца?

— Ты еще очень юна, и не знаешь, как много причин бывает для этого, — улыбнулась она, подталкивая ко мне чашку. — Но я не поверю, что ты никогда не испытывала желания избавиться от боли, душевной боли.

Я лишь кивнула.

— А теперь подумай, кем станет человек, лишившись всего, что делает его человеком? Ни памяти, ни сердца, ни чувств, ничего.

— Это ужасно, — от этой мысли я невольно поежилась. — Вы хотите сказать, что именно так появились дементоры?

— Что? — переспорила Мисс Фигг, взяв бисквит. — Нет, это всего лишь легенда, старая и не очень правдивая, ее придумали, чтобы пугать детей и тем самым уберечь их от неразумных поступков.

— А., — я не скрывала своё разочарование.

— Но я все равно хотела поговорить с тобой не об этом, — вновь заговорила профессор. — Ты знаешь, что стала одной из лучших учениц на курсе, а это невероятно, учитывая твою историю, но меня беспокоит вовсе не это. Последнее время с тобой происходит что-то странное, и последствия этого становятся заметней день ото дня.

— Знаю, — кивнула я, отводя взгляд в сторону, я и сама чувствовала, что изменяюсь, во мне просыпалось что-то доселе незнакомое и странное. — Я надеялась, вы знаете, что со мной.

— Нет, боюсь на этот вопрос, моя дорогая, ответить сможешь только ты, иначе бы все было бы слишком просто.

Неожиданно что-то горячее разлилось у меня по руке, похоже, неугомонный сосуд опять попытался долить мне чаю, но, не рассчитав, забрызгал всю мою мантию.

— Не обожглась? — обеспокоено поинтересовалась Мисс Фигг, к которой, взвизгнув, побежал расстроенный чайник.

— Ничего страшного, — успокоила ее я, — а где у вас ванна?

— Наверху, поднимись по лестнице, а дальше прямо по коридору.

— Спасибо, — кивнула я, идя по направлению к лестнице.

Все двери второго этажа были заперты, а окна наглухо прикрыты занавесами, единственным источником света были закрепленные по стенам бра со свечами. Побродив несколько минут,

я неуверенно потянула одну из дверных ручек, хотя ей это явно не понравилась, о чем она не преминула мне сообщить, но дверь все же поддалась. В комнате было темнее, чем в коридоре, и потребовалось какое-то время, что бы привыкнуть к этому. Это была не ванна, скорее спальня, хотя и последнее нельзя было утверждать с полной уверенностью. По полкам, заполняющим всю комнату, теснились книги, а маленькая кушетка с краю была застелена наподобие кровати, вся же остальная обстановка комнаты казалась и вовсе вырванной из контекста. Я уже собиралась закрыть дверь, когда где-то в глубине комнаты что-то ухнуло, а затем еще раз и еще. Страдая хроническим любопытством, я не смогла удержаться, чтобы не подойти к огромному гардеробу, откуда исходил звук. Старинный шкаф из ореха, казалось, и сам не прочь ухнуть, столь измотанным и потрепанным он казался. Чтобы открыть одну из его дверей, пришлось навалиться на нее со всей силы, и только тогда она поддалась. Правда, внутри не оказалось ничего достойного внимания, кроме вороха старых мантий пахнувших нафталином. Они просто были свалены в кучу, да так неаккуратно, что одна даже упала на меня. Запихнуть ее назад оказалось непростым делом, а запах сырости нафталина и затхлости был настолько силен...

Сырость... Затхлость... Нафталин... все эти слова рождали у меня две ассоциации — Архив... Чердак...

На секунду оторопев, от внезапно пронзившей меня мысли, я схватила мантию, что лежала на самом верху. Искать долго не потребовалось: дыра по вороту была достаточно заметной, порывшись в кармане, я извлекла оттуда кошачий трофей. На мгновение мне показалось, что я, наконец, начала собирать эту головоломку.

— Все в порядке? — раздался голос Мисс Фигг с лестницы.

— Да, — крикнула в ответ я, выбегая из комнаты и наспех запирая за собой гардероб.

— Может, мне подняться к тебе?

— Не надо, — почти кубарем слетая с лестницы, запротестовала я. — Все равно мне уже пора. Мы договорились с Пини, что погуляем вместе по Хогсмиду.

— Ну что же, если ты спешишь, — профессор лишь удивленно развела руками, наблюдая за тем, как я вылетаю в дверь.

Отдышаться мне удалось только на подступах к Хогвартсу. Конечно, я понимала, как глупо выглядело мое поведение и теперь, когда она поднимется вверх, то поймет, что я нашла мантию, но оставаться наедине с человеком, который пытается меня убить с самого моего приезда сюда, было выше моих сил. Остановившись у небольшого холма, я повалилась на траву, пытаюсь навести порядок в мыслях. Зачем Мисс Фигг нападать на меня? Что, черт побери, здесь происходит?!

Все, тянуть больше нельзя, надо идти в архив, там все началось, и, возможно, там я найду и ответы.

* * *

Дорога к архиву показалась намного короче, нежели раньше. Правда, неприятное ощущение все еще не покидало меня, и, хотя я не переставала себя убеждать, что все это глупые страхи, все же путь по подземелью до заветной двери стоил мне немалых усилий. Не доходя до заветной двери, я остановилась за углом. Достав колбу с дурно пахнувшей жидкостью из кармана, я залпом осушила ее. Действие было практически мгновенным. Все вокруг закружилось, и я с трудом удержалась на ногах, которые неожиданно поблекли, но самое странное было то, что я могла рассмотреть каменный пол сквозь свои ступни. Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к новому состоянию, сложнее всего было сделать первый шаг, очень трудно ходить и не проваливаться сквозь пол, когда вас так и тянет сдиффузироваться с ним. Но вскоре я освоилась и уже была готова проделать первый эксперимент и пройти сквозь дверь, как услышала чьи-то оживленные голоса прямо за углом у архива. В мои планы не входила встреча с кем либо из преподавательского состава, поэтому я решила переждать, скрывшись за стенкой, но вдруг прямо из под моей руки стало появляться нечто белоснежно прозрачное.

— Что ты тут делаешь? — удивленно поинтересовался Весепи, проходя сквозь мою руку.

— А ты? — Не менее удивленно пожала плечами я.

— Я... ну... я, — в нерешительности замялся он.

— Черт! — вскричал кто-то, и сразу за этим послышался какой-то ужасающий гул и шум чего-то падающего.

— Нет времени объяснять, — виновато улыбнулся Весепи, — лучше идем за мной, пока тебе не влетело.

С этими словами он схватил меня за ворот одежды и протащил вслед за собой сквозь стену. Проходить сквозь твердые предметы оказалось невероятным аттракционом. Казалось, что за мгновения сквозь тебя пронесется вся вселенная. Но у меня не было времени насладиться этим. Гораздо интересней было оглядеться в помещении, куда я попала. Казалось невероятным, что такая большая комната, как архив, может соседствовать с не менее большой залой, наподобие этой. Наверняка в замке действует множество увеличивающих площадь заклинаний. Холодные стены каменного помещения стыдливо перекрывали некогда роскошные гобелены и парчовые занавески, над камином же в углу висел старый выцветший герб, и маленькие потрепанные нелегкой жизнью пуфики, как последние драгоценные камни некогда роскошной комнаты, были разбросаны по полу.

— Где я? — вырвалось у меня.

— В потерянной гостиной.

— И как же такую громадину можно потерять? — Переспросила я, у крокодилей головы, чувствуя себя заочно знакомой по рассказам медвежий морды.

— Не знаю, — вздохнуло чучело.

— Весепи, может, ты мне объяснишь, что случилось, и почему ты протолкнул меня сюда, — складывая на груди руки, поинтересовалась я.

— А надо? — опуская глаза, поинтересовалось приведение.

— Это его несчастная любовь, — не дожидаясь возможности принять участие в диалоге, затараторила крокодилей голова.

— Знаешь, эти чучела такие болтливые, — все так же виновато улыбаясь, сказал Весепи, накрывая обрывком шторы протестующую пасть.

— Может, ты сам расскажешь, в чем дело? — предложила я, присаживаясь на один из пуфиков.

— Эта зала когда-то была гостиной Гриффиндора, — размышляло в слух приведение, опускаясь рядом. — А я был влюблен в нее.

— В кого?

— Ты видела ее на празднике, я никогда бы не осмелился признаться ей в любви в жизни, но надеялся, что смерть нас уравнивает.

— Почему?

— Она была моим учителем, — смотря куда-то в даль, объяснил Весепи.

— И ты...

Повисла неловкая пауза. Мне было неудобно и грустно ее прерывать, поэтому первым заговорил Весепи.

— Она отказывает мне каждый год, в течение целой вечности, но теперь это не важно, я больше не хочу быть приведением.

— Знаешь, мне неловко тебе говорить, но разве есть альтернатива?

— Да, — заговорчески кивнул он.

— Вот, — порывшись в углу, Весепи достал какую-то брошюру и протянул ее мне.

Я взяла это страшно-помятое издание, на первой странице которого красовался яркий заголовок «Как стать полтергейстом за шесть занятий».

— Это что? — не смогла сдержать смехок я.

— Мое будущее! — гордо заявил Весепи, садясь рядом.

— Значит, то, что я слышала в коридоре, были результаты твоих первых экспериментов?

— Ага, — довольно хмыкнул, призрак.

— Весепи, ты не можешь быть полтергейстом, в тебе нет вредности, у тебя же даже имя доброе.

— Я уже над этим подумал и придумал псевдоним, — уверенно возразило приведение, — как тебе этот — Пивз.

— Анаграмма?

— Да.

— Что же, это твоя... — на слове жизнь я осеклась. — Это твой выбор и поступай как знаешь. Только запомни, ты будешь самым симпатичным полтергейстом за всю историю, сказала я, слегка касаясь его щеки.

— Жаль, что ты слишком поздно родилась, может, встретить я тебя в жизни, не стал бы привидением.

Внезапно, его ледяные губы обожгли меня, оставляя влажный след на щеке, и странное ощущение. Удивленная этим порывом я застыла, наблюдая, как Весепи исчезает сквозь стену.

— Кхе, снимите это мешок! — писклявый и требовательный голос крокодилей морды заставил меня очнуться.

— Сейчас, — я подошла и аккуратно, чтобы случайно не попасть рукой в его пасть, стянула гардину.

— Вот так-то лучше, — довольно скалясь, заявил он, — а то...

— Не подскажите, как пройти в архив? — перебила его я.

— Да он прямо за стенкой камина! — недовольный подобным неуважением к себе, рявкнуло чучело.

— Спасибо, — кивнула я, в очередной раз шагая сквозь камень.

— Ходят тут всякие, а потом глаза пропадают, — слышала я недовольное ворчание за своей спиной.

В архиве было также темно и сыро, как и в мое последнее посещение. Приятно знать, что есть вещи, которые не меняются...

Теперь в роли приведения мне даже не нужен был свет. К тому же осознание того, что в таком состоянии вред мне причинить практически не возможно, придавало уверенности, когда я зашагала по направлению к стеллажам. Все коробки стояли также, как и тогда, но меня волновала лишь одна из них, которую я успела запихнуть под нижнюю полку, прежде чем покинула архив. Когда же я наклонилась, чтобы достать ее, под моими ногами раздался хруст, еще один шаг и снова треск. Сев на корточки, я ощупала пол вокруг. Какие-то мелкие осколки больно кольнули пальцы. Зачерпнув в руку странные предметы, половина которых вывалилась через ладонь, я поднесла их к глазам. Это были глиняные черепки, весь пол архива был усеян глиняными черепками, покрытыми синей лазурью.

Глава 11. «Ведьмина печать»

Женщина слаба и в этом ее сила

Книга лежала на коленях, а я как мартышка пыталась примериться к ней. Сбоку от камина валялась коробка, полная старых бумаг, но я понятия не имела, что в ней искать. Я вообще смутно представляла причину всего происходящего. И чем дольше размышляла об этом, тем более мне казались странными все обстоятельства. Теперь, когда я отыскивала все части головоломки, передо мной встала проблема, как сложить их в единое целое. Забравшись с ногами на постель, я скрестила руки, так мне лучше думалось, но единственное здоровое решение, которое приходило в голову, требовало помощи. Это значит, что до завтра все равно придется ждать — ничего не поделаешь. Слегка разочарованная этим, я плюхнулась на подушки и закрыла глаза. Тем временем ручка двери в мою комнату медленно повернулась, как бы проверяя, есть ли кто дома. Хорошо, что жизнь в Хогвартсе научила меня одному железному правилу: «Лучшая дверь — это закрытая на твой собственный ключ».

Утро было туманным и промозглым. В такие дни и вовсе не хотелось вылезать из кровати, но на сегодня у меня были обширные планы. Поэтому, чем раньше я проснусь, тем будет лучше. Кувшин с холодной водой, стоявший рядом с умывальником, весьма помог мне в этом. За дверью слышался шум. В эти часы в учительской гостиной было гораздо многолюдней, чем вечером, а привлекать внимание со стороны преподавателей, да еще до начала занятий, было последним, что хотелось любому ученику. «Чем тише — тем лучше» — мой утренний девиз, благо, что, увлеченные какой либо беседой учителя, редко обращали на меня внимание. Самым худшим были моменты, когда в гостиной, по какой-то ужасающей случайности, находился профессор Коркус. Этот садист, главным удовольствием которого была апробация новых заклинаний на учениках, стал настоящим наказанием всех детей и подростков Хогвартса. Но сегодня в гостиной была светлая и веселая атмосфера, что означало его полное отсутствие на горизонте. Стараясь не мешать ни принужденной беседе, я заспешила к лестнице, ведущий в библиотеку, спотыкаясь о что-то, лежащее у самых моих ног. Секунду спустя в моих руках был маленький изящный букетик полевых цветов, лежащий у соседней двери, и так безжалостно растоптанный мною.

— Простите, — пролепетала я, стараясь не смотреть на вышедшего из двери преподавателя преобразования.

— Не стоит, — успокоил меня Дамблдор, подбирая остатки букета из моих рук.

— Честное слова, я не заметила их. Я чувствую себя безумно виноватой. — Продолжала оправдываться я.

— Не волнуйся милая, — весело подмигнула мне Миссис Пибод, преподающая маггловеденье, такие здесь лежат каждое утро.

— Таисия, не при ученице же. — нахмурился профессор Биннс, — Она может не так понять.

— Прости Бини, но в ее возрасте это понять гораздо легче, чем в твоём. Для неё это намного естественней. — Рассмеялась Миссис Пибод. — Альбус, кто бы ни была твоя поклонница, она весьма настойчива.

— Таисия, права не стоит, ты совсем смутила девушку. Титучи, вы, кажется, направлялись в библиотеку? — Внимательно посмотрел на меня профессор Дамблдор.

— Да-да, облегчено вздохнула я, почти опрометью кинувшись по коридору.

Но, так и не достигнув лестницы, я остановилась, пригвожденная к полу одной мыслью, внезапно родившейся в голове. Откуда преподаватель преобразования знал, куда я шла?

* * *

— И что за таинственность? — Поинтересовался Зонк, плюхаясь в кресло рядом со мной.

— Никакой таинственности, просто мне понадобилась ваша помощь.

— В чем? Сразу перешла к делу Пин, не любившая тратить время на преамбулы.

— Я хочу воспользоваться древней и сложной магией, но не могу сделать это одна, мне нужно пять ингредиентов, которые достать можете только вы.

— Мы? — Тилис удивлено захлопала ресницами, — Титучи а ты уверена? Я никогда не была сильна в подобном. — Возбуждено зашептала она, чтобы не беспокоить остальных посетителей библиотеки.

— Да, я уверена, и от вас не потребуются никаких магических усилий, мне всего лишь нужен символ лучшего в вас.

— Это как? — Нахмурился Бродерик.

— Просто, — улыбнулась я, приподнимаясь, — например ты никогда не унываешь и способен всегда поддержать другого, это твоя сильная сторона, с этими словами я выдернула рыжий волос из его не огненной гривы. Не против?

— Уже поздно быть против. — проворчал Броди потирая затылок.

Я повернулась к Цециль, но та замахала руками, протестуя.

— Даже не надейся, что я позволю сделать такое со своими волосами!

— И не надо, — возразила я, — мне будет достаточно твоей закладки для книг как символ обязательности и упорства, истинных качеств исследователя.

— Ладно, — пожала плечами Пини, и протянула мне закладку, стараясь не показывать, как польстили ей эти слова.

— А я? — Отводя глаза, спросила Тилис, в чем моя сила?

— Не знаю, — повисла неловкая пауза, — разве только я не встречала более отзывчивого человека чем ты.

Лицо Помфри осветила улыбка, а в руке появился маленький деревянный браслет.

— Спасибо, подхватила его я.

— Теперь у тебя есть все ингредиенты? — Поинтересовалась Пини, когда остальные спешно стали собираться на занятия.

— Нет, мне еще нужно два компонента, плюс трава из запретного леса.

— Из запретного леса? Только не говори, что собираешься отправиться туда одна.

— Угу, — кивнула я, — сегодня около одиннадцати.

— Ночью?!?! — Цециль покраснела, услышав, как на ее чересчур громкую реплику зашикали. — Титучи, не ужели тебя ничто не научит? В запретном лесу опасно для всех, но для тебя особенно. Даже если твой таинственный враг и не последует за тобой туда, где гарантия, что тот же самый Эван не сочтет это лучшей возможностью избавиться от тебя, на одном дыхании произнесла Пини.

— Спасибо, что так искренне переживаешь за меня, но, поверь, сегодня мне ничего не грозит. Такой надежной защиты, какая этим вечером будет у меня, может позавидовать даже Эван. — Загадочно улыбнулась я.

Цециль лишь расстроено покачала головой.

— Надеюсь, ты не переоцениваешь свои силы, порой их лучше недооценить.

— Не волнуйся за меня, все будет хорошо. — Заверила я подругу.

* * *

На часах было чуть больше десяти, когда жизнь Хогвартса стала затихать, по крайней мере, видимая часть его жизни. Я выскользнула в коридор и замерла, прислушавшись. Казалось, что вокруг царит полная тишина и покой, но, зная, какими обманчивыми порой здесь бывают ощущения, я, на всякий случай, стянула туфли. В теплых шерстяных носках я не замерзну, а опасность быть услышанной сокращу. Но мои страхи были напрасны. Я достигла наружной

двери, так и не будучи замеченной, и, наконец, замедлила шаг, когда холодный ветер повеял мне в лицо. Снова обувшись, я заспешила к маленькому оврагу поблизости от первых деревьев. Там, накануне, я спрятала все не обходимое для ночной прогулки. Убедившись, что то, что мне нужно, на месте, я медленно поднялась в воздух, сделала неуклюжий круг над деревьями, и пождав ноги, чтобы успокоиться, понеслась к темному полному шорохов лесу.

На первый взгляд обитатели запретного леса спали, также как и жители Хогвартса. Но, конечно же, на самом деле, это было не так. Стараясь лететь как можно дальше от ветвей деревьев, ведь в такой темноте можно было нарваться и на хищные растения, я искала два недостающих для зелья ингредиента. Живую траву и мертвую землю.

— Кажется я тебя знаю, уверено заявила я, рассматривая безлапое растение под собой.

Судя по тому, как заверещали листике на кусте, и оно меня узнало.

— Вот мы и встретились, — мстительно улыбнулась я.

Испугано вздрогнув, безлапое чудо подтянуло корни и с быстротой, которой позавидовали бы многие совы, припустил по извилистой лесной тропке. Ну нет, так легко ты не уйдешь, — подумала я, взлетая выше. Куст оказался на редкость прытким созданием, и угнаться за ним было дело не простое. Пролетая над очередным кустом, я заметила отдаленное движение. Говорят, в лесу можно встретить любое существо, начиная от единорога и заканчивая кентавром. Главное, не с оборотнем. — Мысленно загадала я, несясь за очумелым растением. Я уже начала терять терпение, продираться сквозь ветки становилась все труднее и труднее, когда мы вылетели на пустошь поросшую мхом. Не долго думая, я спикировала на беглеца.

— Говорила же, что мы еще встретимся. — Довольно ухмыльнулась я, осматривая задиристо шипящий трофей.

Упаковав первый компонент, мне удалось оглядеться по сторонам. В погоне я и не заметила, как потеряла из виду тропинку. Маленькая же поляна, на которой я оказалась, напомнила мне слова Тома:

«В запретном лесу есть такое место, где их никто никогда не найдет». Маленькие, слегка заметные холмики лишь подтвердили их.

— Жаль, что я больше не могу плакать, слезы, наверное, более уместны на могиле, прошептала я.

— Не думаю, что кто-либо из лежащих здесь затаит на вас злобу, — раздался тихий и вкрадчивый голос у меня за спиной, — посетители на этом кладбище бывают редко.

— Кто здесь? — Готовая взлететь в любой момент спросила я.

— Не оборачивайтесь, просто идите за мной. — Произнес незнакомец, — Я провожу вас до кромки леса.

Борясь с невероятно сильным соблазном повернуть голову, я размышляла над ответом.

— Спасибо, но я постараюсь найти дорогу сама, — недоверчиво фыркнула я.

— Вы определено плохо знаете местность, не лучше ли довериться тому, кто знаком с ней больше?

— Меня с детства учили не доверять незнакомцам.

— Я и не прошу вас доверять мне, — просто довертись моему голосу.

Еще раз оглядевшись и убедившись, что совсем не знаю дороги, я поняла, что и впрямь выбор у меня не велик.

— Хорошо. — С неохотой согласилась я, расправляя крылья.

— Вы весьма разумная летучая мышь, — ласковым тоном, подобным тому, которым уговаривают детей, заметил мой проводник откуда-то снизу.

Казалось, что голос исходит из самой земли, настойчиво приглашая следовать за ним. И так как все, что мне было нужно для зелья, было заботливо уложено в кулек, привязанный к лапке, я послушно последовала за ним. По дороге мы почти не разговаривали, лишь изредка перекидываясь парой фраз, но чем дальше, тем больше знакомым казался мне этот голос,

не столько на слух, так как в образе летучий мыши все звуки воспринимаются относительно, сколько по его манере говорить.

Лес кончился и неожиданно яркий свет луны ударил с глаза. Я с любопытством стала оглядываться в поисках таинственного голоса выведшего меня из чащи. Но в зеленой траве подо мной, казалась, никого не было.

— Эй, ты где? — Осторожно опускаясь на землю, спросила я.

Перевоплощение никогда не занимала у меня много времени. Я обнаружила свой талант достаточно рано и уже к восьми годам с легкостью могла обратиться в летучую мышь и обратно, без надзора со стороны взрослых.

— Где же ты? — Повторила свой вопрос я, откидывая назад растрепанные волосы.

— Я здесь, — голос доносился прямо из-под моих ног.

Аккуратно присев на корточки, стараясь не сойти с места и ненароком не раздавить существо, оказавшие мне услугу, я вгляделась в зеленую траву. И не мудрено, что я сразу не заметила своего проводника, ведь маленькая древесная лягушка совсем сливалась с цветом газона под ногами.

— Привет, Титучи. — Вежливо склонив головку, поздоровалась она, начиная увеличиваться у меня на глазах.

— Однажды я забуду, как превращаться назад и навек останусь лягушкой, неуклюже пошатываясь, пожаловался Лонгботтом.

— Лукас? А мне-то казалась, что я уже разучилась удивляться.

— Что, не похож на анимага? — Улыбаясь, поинтересовался он.

— Да нет, если честно, понятия не имею, как выглядят анимаги, разве что когда утром смотрюсь в зеркало. — Пожала плечами я. — А ребята знают?

— Нет, как-то не принято это афишировать. Ведь еще недавно подобные превращения были и вовсе запрещены до совершеннолетия. Ты ведь тоже не спешишь всем сообщать, что гуляешь в образе летучей мыши.

— Ты прав, не спешу, — кивнула я, — когда все решили, что у меня нет волшебного дара, это было единственной моей связью с миром магов. Даже стыдно признаться, что какое то время мои лучшие друзья жили на чердаке и летали по ночам.

Лукас кивнул, в его глазах светилось понимание.

— Интересно, сколько в Хогвартсе анимагов, — моя улыбка выдавала попытку сменить тему разговора.

— Не так много, — ответил Лукас, — я знаю только двух.

— Двух?

— Да, есть еще одна девочка из Гриффиндора, ее учит Мисс Фигг. Они обе анимаги-кошки.

— Мисс Фигг тоже анимаг? — Мысли в голове стали выстраиваться неожиданно странно.

— Да, она превращается в черную кошку, — кивнул, с любопытством рассматривающий меня, Лонгботтом.

— В черную... — Эхом повторила я.

— Что-то не так? — Взволновано спросил Лукас, — Ты так побледнела...

— Нет, все хорошо, просто каждый день преподносит мне сюрпризы, — задумчиво ответила я.

— Тебя проводить до замка? Или, может, тебе нужна еще какая-то помощь?

— Нет, спасибо, — поблагодарила я, — хотя, знаешь в кое-чем ты мне можешь помочь. Я собирала ингредиенты для зелья и мне не хватает еще одного элемента сильной стороны.

— А я думал, ты уже не попросишь — застенчиво улыбнулся Лукас, — но только во мне вряд ли есть такая сторона.

— От чего же, ты надежный друг, на твое плечо всегда можно опереться и ты никогда не откажешься помочь в трудную минуту, — смущено возразила я. — Как же я не подумала о нем раньше.

— Тогда держи, — краснея как рак, промямли Лонгботтом, протягивая мне маленький оловянный свисток, — я с детства ношу его собой.

— Постараюсь вернуть его, когда действия зелья иссякнет, — пообещала я, беря изящный предмет.

— Не стоит, мне почему-то кажется что то, что ты делаешь стоит куда больших жертв.

Я удивлено посмотрела на Лукаса. «Интересно, что он имеет ввиду?» — думала я, разворачиваясь в сторону замка, но переспросить не решилась. Уже двенадцать и мне еще многое надо успеть.

* * *

Мерцающее пламя огня придавало таинственности каменным стенам кабинета зельеварения, а потрескивание поленьев в жаровне разносилась гулким эхом по полупустому помещению. Медвежья голова весело подмигнула мне, наблюдая за тем, как согласно старинному обычаю, я распускаю волосы.

— Не волнуйся, я прослежу за тем, чтобы тебя не кто не беспокоил. — Довольно рыкнул он.

— Спасибо, Паскаль.

От удовольствия медвежьей ушки аж задержались. Его редко кто-то называл по этому имени, хотя он и утверждал, что оно семейное и принадлежала еще его бабушке, работавшему в цирке.

Установив котел, я высыпала перед собой все ингредиенты. По рецепту требовалось кидать их по одному, цитируя древнее заклинание, которое, опасаясь забыть, я выучила наизусть. Он был в виде стихотворения, как и многие старинные заклятья. Раньше считалось, что так волшебство будет действенной, конечно, на проверку это оказалось глупостью, но спорить с канонами, особенно в таких вопросах было небезопасно для жизни.

Немного дрожащим голосом я начала:

Сила пяти в сосуде одном.
 Огонь и вода сойдутся в нем.
 Земля, что мертва, скрепит их союз
 Трава же живая залог тех уз.
 Доброе сердце первый дар
 Упорство и ум пусть будет в след дан.
 Назло всем невздам, а это не мало.
 Третья часть для сего отвара.
 Надежность, важна в этом мире она
 Четвертую частью будет дана,
 Но, что же приносишь в сей круг ты один.
 Ингредиент неизвестный един.

Из котла пошел загадочный сиреневый дым, начавший заполнять всю комнату. Я же, не смея отвести руку от его поверхности, на мгновение запнулась. Правильно ли я поняла суть заклинания и не ошибаюсь ли насчет своей сильной стороны? Иногда лучше недооценить себя, чем переоценить, сказала утром мне Пини и, кажется, она была права.

С собой несу я, что вижу в себе.

И силу свою нахожу в тишине.
 Коль мне уготовано ведьмою стать,
 Я слабость, как силу буду искать.

«Моя сила в моей слабости». — Произнесла я, как можно более отчетливо. После этих слов вода в котле забурлила, брызги больно обжигали мне руку, но я знала, что ее нельзя отводить. В волосах гулял ветер, исходивший прямо из глубины зелья, что я сотворила, а странные сиреневые клубы вокруг превратились в молочный туман. Но все это продолжалось не больше пары секунд, затем вола в котле успокоилась, образовав посредине воронку, втянувшую в свою темную глубину и ветер и дым. Я уже подумала, что сделала что-то не так, когда внутри ускользящего колдовства что-то всколыхнулось, и коснулась моей по-прежнему вытянутой руки. Инстинктивно я сомкнула ладонь и, лишь разжав пальцы, увидела нечто темное и гладкое, похожее на плоский морской камушек.

— Что же, теперь, наверно, следует испытать тебя, — недоверчиво смотря на плод своих трудов, пробормотала я.

В том же мешке, где хранились все ингредиенты, лежал большой холщовый пакет, бережно хранящий покой книги. Потертая кожа давно утратила буквы, а, может, их никогда и не было, дабы не разглашать содержания данного тома непосвященным. Так или иначе, теперь у меня был ключ от этого замка и возможно, от самой тайны. Рука дрожала, когда я брала то, что называли ведьминой печатью. А вдруг я сделала что-то не так, и волшебство не удалось? Но все мои опасения были напрасны. Стоило лишь камню коснуться поверхности книги, как она ожила начала вибрировать, а затем и вовсе взмыла в воздух. Распахнувшись, старинный переплет сам по себе стал перебирать страницы, из глубин коих зазвучал старческий голос:

Все было так, как быть должно,
 Ведь зло быть злом обречено,
 Но не потомкам нас судить,
 Ведь правду некому винить.
 И пусть понять нас не легко,
 Мы ошибались, время шло,
 А опыт наш послужит вам:
 Не повторите этих драм.

Затем книга также внезапно, как взлетела, приземлилась в мои руки. Все еще под впечатлением от действия ведьминой печати, я робко глянула на ее первый лист, где большими буквами было выведено заглавие «История запретного волшебства». Седрик Гриффиндор. Все внутри меня невольно содрогнулась после прочтения этой строчки. Я уже видела, что это такое в действии и если все тайны, что подстерегали меня в Хогвартсе, так или иначе вели к этой книге, то страшно и представить, во что я вляпалась. От этой мысли подземелье стало казаться еще более холодным и зловещим.

— С тобой все в порядке? — Послышалось над моим ухом.

Вскрикнув от неожиданности, я обернулась на бас медвежьей головы.

— Прости, не хотела тебя пугать.

— Ничего, сейчас напугать меня не составит большого труда.

— Хм... почему?

— Что: почему? — Не поняла я, изнеможенно опускаясь на стул.

— Почему ты боишься? — Глаза чучела любопытно завращались.

— Потому что, кажется, я влезла во что-то, во что мне вовсе не следовало влезать, и кому-то это очень не понравилось.

Но мое объяснение явно не удовлетворило голову. Выслушав меня, медвежья морда лишь презрительно фыркнула.

— Ты еще юна, и мало чего смыслишь в магии. Если бы ты помешала кому-то настолько беспринципному, что человеческая жизнь давно утратила для него значения, было бы масса способов убрать тебя с пути. Однако, не смотря на все это, ты еще жива и здорова. А ведь люди исчезали здесь, куда за меньшие оплошности.

— О чем ты?

— Хогвартс — это странное место. В равной степени притягательное и отталкивающие. Благо, многим посчастливилось увидеть лишь первую его сторону, ведь он как привередливая дама сам выбирает, кому показать свое неприкрытое макияжем лицо.

Такое сравнение меня позабавило, интересно, что медведи понимают в женском макияже. Это мысль показалась такой забавной, что я невольно хмыкнула, но голова, казалось, даже не обратила на это внимания и продолжала свой рассказ.

— Чтобы управлять им, нужна сильная рука, поверь, это далеко не просто школа. Дипет же не особенно силен. Мы, те, кто знаем почти столько, сколько эти стены, знали с самого начала, что он не справится. Так оно и вышло. Дипет закрыл глаза и позволил всему жить так, как ему это заблагорассудится, понадеявшись, что управляет всего лишь старой школой.

— А разве это не так? — Все это уже перестало походить на забавную беседу с живым чучелом.

— Старые вещи имеют обыкновение нести на себе груз прошлого и даже оживать, возьми хотя бы меня. — Медвежий оскал был еще боле зловецим в неровном свете свечи. — Одно точно знаю, кто бы ни охотился за тобой, бояться его стоит не больше, чем любого хорошего противника, так как это он боится тебя.

Глава 12. «Тот, кто живет во мне...»

Мы ничего не стыдимся так, как наших собственных мыслей.

Наступили каникулы и многие ученики собрались уезжать на рождество домой. За некоторыми в Хогвартс приезжали родственники. Так что, не смотря на то, что сегодня был первый день без занятий, в замке было оживленнее, чем во время сдачи С.О.В. Все куда-то спешили наперевес с чемоданами или тащили за руку старших братьев и мам, чтобы познакомиться их с друзьями. От всего этого становилась грустно... Хотя отец и предложил забрать меня на каникулы домой, я отказалась. До весны мне было нужно наверстать гораздо больше, чем любому ученику и все время праздников я собиралась посветить бдению над учебниками, максимум, позволив себе маленькую прогулку в Хогсмит. К тому же, рождество в доме без мамы казалось еще более тоскливым, чем одинокая и тихая, покинутая учениками библиотека.

— Вот ты где! — Радостно воскликнул Зонк, влетая в кладовую знаний. — А мы все тебя ищем. Пинни рыщет по кабинетам, Тилис пошла в учительское крыло, а Лука во дворе.

— Похоже, тебе повезло больше, — улыбнулась я, откладывая в сторону книгу.

— Только не говори, что не собиралась проститься, нас же не будет две недели.

Я отвела глаза, на самом деле я и вправду не собиралась прощаться, просто хотела сделать вид, что все как всегда.

— Ну нет, так не пойдет, — хватая меня за руку, возразил Бродерик, к тому же за мной приехал старший брат, пойдём, я вас познакомлю. Он жутко серьезный, но свойский, в общем, тебе понравится, он всем нравится...

— Ладно, — обречено согласилась я, позволяя вытянуть себя в коридор.

— Аластор, иди сюда, — усилено замахал рукой высокому русоволосому парню Броди. — Это мой друг Титучи, я тебе писал о том, как она играет в квиддич. А это Аластор, мой сводный брат.

— Очень приятно, — немного шепелявя, произнес молодой человек, застенчиво пожимая мою руку.

— Мне тоже, — кивнула я.

— Аластор в этом году начал работать в министерстве магии, он занимается запрещенным волшебством. Если когда-нибудь создадут отдел, который будет ловить магов занимающихся этим, то он наверняка его возглавит, — с гордостью заверил меня Зонк, уводя в сторону от вконец засмущавшегося брата.

— Так вот вы где! — Лукас и Пини чуть не сбили нас с ног, когда мы вышли во двор.

— Я и сам весь Замок обегал в поисках вас, — шутливо насупился Зонк.

— Перестань, Броди! — Рассмеялась Цециль, я уверена, что такой лентяй, как ты и до второго этажа не добрался.

— Да, я искал в зоне природного обитания мышей — в подземелье.

— Ах ты! — Выхватив книгу, что все еще находилась у меня в руках и придав ей вид грозного оружия, Цециль кинулась за успевшим отскочить на безопасное расстояние Бродериком.

— Чем бы дитя не тешилось, — подмигнула я Лукасу, наблюдающему эту сцену рядом.

— И не говори, еле сдерживая смех, подержал он.

— Ты тоже уезжаешь?

— Да, — кивнул Лукас, указывая на чемодан с огромной биркой, золоченые буквы на коей гласили «Лукас-Тревор Лангботом III»

— Третий? Даже так...

— Ага, — обречено вздыхая, подтвердил он. Знаешь, а ведь теперь в Хогвартсе станет тихо и народу будет куда меньше...

— К чему это ты?

— Мое жабье чутье подсказывает, что тебе стоит быть особенно осторожной в эти дни.

— Передай своему жабьему чутью, что я ему очень благодарна за совет, — хихикнула я, чмокнув Лукса в щеку.

— Передам, — заикаясь и краснея, подтвердил он.

Для начала зимы погода стояла чудная, и лишь легкий утренний иней был свидетельством скорых холодов. Поэтому я легко поддавалась на уговоры друзей проводить их до станции. Мы легко влились в веселую толпу студентов, идущих в Хогсмит, и, хотя я старалась поддерживать беседу и принимать участия в бурной радости товарищей, мои глаза то и дело пытались выхватить в толпе знакомое лицо.

— Ищешь его? — Шепнула мне на ухо Пини.

— Кого? — Сделав непроницаемое лицо, поинтересовалась я.

— Тома, — фыркнула Цециль, я, конечно, ношу очки, но еще не совсем ослепла.

— Не знал, что он тоже уезжает. — Все с таким же отстраненным выражением лица возразила я.

— То-то ты минут двадцать стояла у списка остающихся на каникулы ребят.

— Не понимаю, о чем ты!

— Перестань, — раздражено отмахнулась Пини, все ты понимаешь, а вот я и впрямь не могу понять, что за отношения у вас с Томам.

— Мне бы тоже не мешало это знать, — развела руками я. Когда мы рядом, мне кажется, что между нами есть что-то, о чем мы не говорим, но потом он пропадает или проходит мимо с таким видом, как будто мы и вовсе незнакомы.

— Чудная ты.

— Это я то чудная?! По крайней мере, мне не надо колотить симпатичного парня учебником по голове, чтобы он обратил на меня внимание. — Ехидно вырвалось у меня.

— А ты попробуй, может, именно в этом и заключается твоя ошибка. — Хмыкнула Цециль.

* * *

«Что-то не так...» — Я остановилась на пол пути к своей комнате. Все заперто, а коридор пуст, но все равно что-то было не так. Как подтверждение моим опасениям, дверь в спальню приоткрылась. Я, не сомневалась, что знаю, кого увижу выходящим из нее. Мысленно похвалив себя за прозорливое решение отнести книгу и коробку из архива на чердак, под охрану летучих мышей, я наблюдала за удаляющейся по коридору фигурой. Как всегда, бесшумное создание, сотканное из самой тьмы, двигалось по направлению к заброшенному крылу замка. То ли знания того, кто скрываться под этой мистической личиной, то ли моя усталость от постоянного страха, а может все вместе заставило принять решение последовать за ней. Проходя мимо распахнутой двери в комнату, я с ужасом содрогнулась, при виде того, что там учинил мой визитер.

— Ну, это уже слишком, — зло подумала я, ускоряя шаг.

Преследовать оказалась намного легче, чем убежать, на секунду мне даже показалась, что в этом отнюдь не моя заслуга. Но я прогнала мысль о ловушке.

А даже если и так... Рано или поздно мне придется встретиться с Мисс Фигг лицом к лицу и чем быстрее это произойдет, тем быстрее я смогу спросить ее: «почему?». Длинный коридор казался бесконечным, я застыла за доспехами в ожидании удобного для продолжения погони момента, но когда выглянула вновь, то никого не увидела. Мне стало не по себе, при всем желании, это создание не могло достигнуть конца туннеля так быстро. Темнота, еще минуту назад казавшаяся мне уютным плащом, на сей раз заставила поежиться. То преимущество, что так

успокаивало меня, теперь было потеряно. Главная не стоять, здесь я слишком уязвима, звучало в моей голове, пока рука пыталась нащупать волшебную палочку.

— Не стоит, глухим скрежетом разнеслось по коридору.

От неожиданности я вжалась в стену. Впервые мой ночной кошмар заговорил. И его голос как насмешка был подстать образу — странный, глухой, без половой принадлежности.

— Сегодня ты неходишь в мои планы, и лучше не иди за мной, а то ведь я могу их изменить.

— Правда? — Шок прошел быстрее, чем смолкло эхо. — Если хотите меня напугать, потребуется что-то большое. — Внутри меня все оборвалось, неужели, это говорю я?

— Как это?

Пол под моими ногами задрожал. Из другого конца коридора потянулась полоса камней, разлетающихся вслед за невидимой волной, приближающейся ко мне.

— Хотя бы и так, — напрягаясь всем телом, крикнула я. Мой расчет оказался верным и, подпрыгнув, я пропустила волну под собой, не дав ей задеть и края своей одежды.

Надменный смех, казалось, звучал из всех стен и даже потолка.

— Значит, смешно?! — Рассержено выкрикнула я, — а так? «Воир!»

Моя палочка описала крутую дугу в воздухе, яркой вспышкой, наподобие взрыва, осветив все вокруг дневным светом. Хотя я была готова и напрягла глаза, чтобы за пару секунд, которые длится волшебство разглядеть убежище собеседника, я так ничего и не заметила. Зато услышала сдавленный стон, а затем тишина...

Ко мне явно потеряли интерес. Но тот стон... мое заклинание не могло причинить вред, что же заставило ретироваться моего противника? Ответ больно поранил мою ногу. Нагнувшись, я обнаружила раздавленную металлическую оправу всего в паре шагов от меня... Мое заклинание просто ослепило и заставило потерять очки моего оппонента. Что же, кем бы он ни был, это был человек...

* * *

Неделя пролетела быстрее, чем обычно. Каждое утро я завтракала в почти пустой столовой и, забирая яблоко, уходила в библиотеку, где сидела, пока не давали гонг к ужину.

Но сегодня мне не хотелось никуда идти. Всю ночь за окном бушевала буря, и в комнате царил ужасный холод, так что я решила пролежать в постели до тех пор, пока не подготовлю себя психологически к тому, что бы достать волшебную палочку и разжечь камин.

Кто-то постучался в окно... хм, Стаф так рано обычно не возвращался. Мысленно кляня тот день, когда полюбила летучих мышей, я с трудом отодвинула массивную раму, выпуская ледяной зимний воздух в комнату.

— А, ты никогда не спрашиваешь: «кто там?», когда стучатся в окно? — Блестящие глаза Тома, смеясь, смотрели на меня.

— Ты? Но как? — Только и смогла выдать из себя я.

— Просто сегодня утром я осознал, что если еще один день буду вдали от тебя, то превращу кого-то во что-то очень нехорошее. Кстати, ты прелестно выглядишь в этом полупрозрачном шелке...

«Ой. Совсем забыла, что еще в ночной рубашке», — подумала я, отскакивая от окна и прячась за занавеску,

— Мог бы отвернуться. — Обижено буркнула в ответ моя гордость.

— И лишиться себя такого удовольствия? Чертики забежали по его лицу, прячась в улыбке и бесстыжих глазах.

— Как ты нашел мое окно? Считал что ли?

— Нет, просто заглядывал во все подряд... ты бы знала, что можно в них увидеть.

— Ты... ты... в поиске сравнения запнулась я.

— Пока ты ищешь достойный меня синоним, может, сменишь это, во всех отношениях, великолепное белье на что-то потеплей? Я бы хотел пригласить тебя на прогулку.

— Сейчас? — Удивлено переспросила я.

— Именно сейчас, — кивнул Том, еще раз окидывая меня любопытным взглядом, заставляющим снова вспыхнуть мои щеки, — я подожду тебя внизу.

* * *

Выйдя во двор, я с удовольствием огляделась по сторонам. Весь Хогвартс утопал в снеге, на памяти которого не было еще ни одного отпечатка ног. Даже запретный лес стал напоминать идеалистическую рождественскую картинку под этим толстым слоем белоснежного макияжа. Ключья тумана еще не рассеялись и обволакивали старый замок, пока морозный рассвет освещал поляну вокруг него всеми известными глазу цветами. «Ни один волшебник при всем желании не мог создать подобную красоту!» — подумала я, плотнее заворачиваясь в теплую накидку.

— Ну как, ты готова к прогулке? — Поинтересовался Том, подходя сзади.

— Да, — неуверенно сказала я, оглядываясь по сторонам. Почему-то мне показалось святотатством сделать первый шаг по девственно чистому снегу.

— Могу поспорить, что знаю, о чем ты думаешь. — Голосом, полным сарказма заметил он. Ты еще такой ребенок.

— Не будь так самоуверен. — Фыркнула я, пытаюсь унять смущение.

— Ну, могу быть еще и нахальным, — предложил Том, подходя ближе, — или заносчивым, — еще одно движение вперед. — А временами я просто не выносив, — закончил он фразу, стоя в полушаге от меня. — Можно? — Все тем же ненасмешливым тоном спросил Том, касаясь моих волос.

Не совсем понимая, о чем именно мне задали вопрос, я растеряно кивнула. Еще секунда и теплый вздох на моих губах в ожидании того, что последует, заставило непроизвольно закрыть глаза.

— Предвидев, что ты не захочешь первой расписаться в зимней книге, я захватил это с собой, — смех Тома отрезвлял лучше, чем холодный душ. Самодовольно улыбаясь, он достал из-за моей спины две школьные метлы, одну из которых протянул мне.

— Ну как, вперед?

Лететь над всем этим великолепием было еще лучше, чем созерцать со стороны. И даже холодный ветер, то и дело забирающейся под одежду, не мог помешать мне наслаждаться полетом. А покрасневшие от него щеки скрывали под собой остатки стыда за то, что произошло на лестнице перед замком.

— Ну как? — Поинтересовался Том, подхватывая на лету комок снега и целясь в меня.

— Если бы ты не был мазилой, то играл бы в квиддич. — хмыкнула я, кидая в него наскоро слепленный снежок.

— Да нет, вопрос не в том. — Увернувшись, крикнул он. — Ты еще хочешь мстить Эвану?

— Не мстить, а наказать, — возразила я, стараясь догнать стремительно вырвавшегося вперед Тома.

— Это глупо, — развернувшись, он едва успел подхватить меня.

— Это необходимо, — пытаюсь отдышаться, возразила я.

— Ты уверена?

— Более чем...

— Хорошо, я больше не буду тебя спрашивать об этом, вот, — с этими словами он протянул мне маленький конверт, который я сразу узнала. — Открой.

— Нет, отрицательно покачала головой я, засовывая письмо в карман мантии, только не сегодня.

— Тогда у нас есть еще одно место, которое стоит посетить.

Благодаря волшебству озеро никогда не замерзало, лишь покрывалось тонкой корочкой льда, отчего его поверхность напоминала огромный леденец, а тонкие трещинки паутины причудливый узор на нем.

— Итак, ты готова? — Махнул рукой Том, останавливаясь у самой кромки льда.

— Да.

— Ну, тогда наперегонки.

Легкий треск и миллионы разлетающихся кусочков за спиной, Каждое касание льда и ощущение перемен было непередаваемым. Впереди белоснежная гладь, а сзади холодная тьма воды. Метла неслась на предельной скорости, в то время как ноги то и дело касались твердой поверхности, оставляя темные мутные проруби за собой. От ветра закладывала уши, а необъятный простор вдали манил. Это пьянящее чувство так увлекло меня, что я даже не заметила, как на одно мгновение потеряла контроль над метлой. К сожалению, этого было достаточно... Том был слишком далеко и вряд ли услышал бы меня, а вернуть управление я уже не могла. Я медленно соскальзывала вниз. Холодная вода коснулась щиколоток, а край одежды и намокшие ботинки тянули за собой под лед. Уже барахтаясь в озере с безумной надеждой выжать, я слышала свой шепот как будто застывшей в воздухе криком о помощи, пока вода и вовсе не заставила его стихнуть.

— Как тебе угораздило? — Сильные руки Тома обхватили меня в попытке заставить сесть.

Я неуверенно открыла глаза, смутно догадываясь, что на время потеряла сознание.

— Где мы? — Охрипшим и неестественно надломанным голосом спросила я.

— На берегу. — Нахмурился, оглядывая меня, он. — Как же ты меня напугала. Когда я обернулся, то увидел лишь круги на воде, а тебя нигде не было.

— Разве не ты меня вытащил?

— Нет, тебя спас спрут, нам повезло, что он не впал в зимнюю спячку.

От холода тело онемело, и отказывалась меня слушаться, с трудом, но мне удалось подняться на отекавшие ноги. Голова еще кружилась, но все и впрямь обстояло не так уж плохо. Судя по словам Тома, под водой я пробыла не долго, а заклинания, что он произнес почти сразу, вернули мне сознания, единственное, что теперь мне грозило, так это пневмония.

— В таком виде нельзя возвращаться в учительское крыло, — закашлялась я.

— Но тебе просто необходимо обсохнуть, — заботливо обнимая меня за плечо, заметил Том. — Не волнуйся, я знаю, где это можно сделать.

* * *

Забытая гостиная была и впрямь идеальным местом, если ее не нашли за столько лет вряд ли кто-то решит заняться этим сейчас.

— Как ты сюда забрела? — Спросил Том, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Это длинная история, — пытаюсь согреть заледеневшие руки, пробормотала я.

— Пойду, разожгу камин, — спешно сказал он, наблюдая за моими жалкими попытками.

— Спасибо, — благодарная улыбка скользнула по моему лицу, пока рука нащупывала пуфик, на который я и уселась поближе к сразу задавшемуся пламени.

— Тебе стоит снять одежду, — тоном, не терпящим возражений, заявил мой спутник.

— Да нет, она и так высохнет.

Произнести это, не краснея, стояло мне больших усилий. Конечно, я понимала, что Том прав, но мысль раздеться да еще в его присутствии пробуждала во мне все пуританское и ханжеское, что с детства считается нормой в хороших домах.

— Как же мило ты смущаешься, — почти рассмеялся он. А что если так?

Том подошел к одной из гардин и дернул за нижний край. С неохотой и громким треском ткань разорвалась надвое.

— Ты будешь под надежной охраной этого пыльного куска материи.

Я протянула руку к занавесе.

— Поверь, я на тебя бы и так не взглянул, — остановил мою ладонь Том.

— Это еще почему? — Вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить свой не в меру болтливый язык.

— Потому что интересней обезоруживать девушку, а не пользоваться ее беззащитностью, — все также весело ответил он, опуская мне на плечи тяжелую ткань гардины.

Лишь на мгновение я почувствовала его дыхание на своей шее. И это взволновало меня куда больше, чем я хотела бы показать. Но он наклонился так близко лишь для того, чтобы попрощаться.

— Пойду, поищу сухую одежду, — кинул он через плечо, направляясь к дверям.

Я кивнула в знак согласия и с облегчением заперла за ним. Надо признать, что каждый раз наедине с Томом я все больше теряю контроль над собой, и это меня пугает куда больше, чем все демоны, гонящиеся за мной по замку.

С детства природа наделила меня сильным инстинктом самосохранения. Отец шутил, что взамен волшебного дара мне подарили девять жизней кошки. И каждый раз в присутствие Тома я чувствовала, что все семейство кошачьих во мне начинает щетиниться и выгибать спину.

Разложив одежду на уже начавших теплеть камнях у камина, я устроилась рядом, наблюдая за пламенем, приятно потрескивающим и кружащим в очаге.

Разбудил меня холод, камин, горевший в углу зала, потух. Попытка сильнее закутаться в занавес не помогла вернуть утраченное тепло. Неуверенно поднявшись, я огляделась. Полная тишина в полумраке свечей... похоже, даже здесь они зажигались с наступлением сумерек... «Надо подождать, когда высохнет одежда, это недолго.» — Подбадривала себя я, ощупывая мантию.

— Интересно, сколько длился мой сон, старалась вспомнить я еще раз, внимательно осматривая помещение. У стены стояло большое зеркало в позолоченной, барочной раме. Мне никогда не приходилось видеть таких зеркал. В высоту оно почти доставало до потолка и прямо-таки манило своим холодным металлическим блеском.

Я подошла и не уверенно коснулась его глади. Мне казалось, что я делаю что-то плохое и запретное. Рука скользнула по холодной поверхности... Кто это? Еще раз всмотревшись в отраженный образ я в замешательстве отошла дальше. Было странно видеть себя такой, занавес соскользнул с плеч. Любопытно и давно я выгляжу так? Неловким движением я попыталась прикрыть то, что считала постыдным даже для отражения. Но руки застыли, так и не коснувшись цели. А кто сказал, что это стыдно, видеть себя? От этой мысли мне стало еще более не по себе. Со мной что-то происходило, и я не знала, что. Холод вновь окутал меня, и я попыталась нащупать волшебную палочку, чтобы все же разжечь камин. Но так и не найдя ее на полу я вновь выпрямилась перед зеркалом встречаясь со смущенным взглядом своего отражения. Внезапно мои плечи накрыла мягкая и теплая волна ткани.

— Так лучше? Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кому принадлежит этот голос.

— И давно ты здесь?

— Достаточно, чтобы оценить себя на роль змея.

— Почему ты не отразился в зеркале, — тоном, полным обвинений, спросила я.

— Просто не посмел, картина была прекрасна и без меня...

— Перестань! — Обижено отстранилась я, — это отвратительно.

Том молча посмотрел на меня и решительно шагнул вперед.

— Ты стесняешься самой себя?

— Это не правильно, — уверенно заявила я.

— Это твои мысли не правильны, — мягко возразил он, — я никогда не видел более странного создания... В тебе столько силы и столько страха. Ты боишься буквально всего, даже самой себя... Подойди сюда, в его голосе звучала настойчивая просьба, и я, все это время любопытно вслушивающаяся в его слова, покорно дала подвести себя к зеркалу.

В нем отразилось мое бледное лицо контрастом с черной тканью мантии, которая накрывала мои плечи. Том стоял чуть по даль, и смотрел в зеркало так, будто там было вовсе не мое отражение, а какая та интересная иллюстрация, которая стоила пристального изучения.

— Ты ведь хочешь победить в игре? — Спросил он, приближаясь.

— Если бы не хотела, не начала играть, — согласно кивнула я.

— Тогда ты должна перестать бояться себя, — его рука коснулась края мантии, — ты уже не ребенок, — пальцы медленно заскользили по черной кайме. Не в силах двинуться, я лишь заморожено наблюдала, как его рука продвигается вдоль моего тела, практически не касаясь кожи. У него были взрослые руки, знающие мысли своего хозяина. Нежные ладони, сочетающиеся с шершавыми мозолями на пальцах и белоснежным цветом, подобному лучу света играющему с темной тканью. Около шеи рука на мгновение задержалась, любопытно изучая ямочку чуть ниже плеча.

— Ты ведь не боишься моих прикосновений?

Отвечать не было смысла... возможно, завтра я буду готова убить себе при каждом воспоминание о его ласках, но сейчас это было не важно.

Освобождая тело от ткани, кусочек за кусочком, его руки коснулись более интимных частей моего тела.

— Ты не против?

Что я могла сказать... Порой мне начинала казаться, что он знает мои порывы и мысли лучше, чем я сама. Я же никак не могла понять, о чем думает он.

— Разве есть что-то страшное в этом?

— В чем? — Я с трудом вспоминала, о чем идет речь.

— Быть самой собой.

— Наверное, я просто никогда не знала себя...

Хочешь, я покажу тебе? Не дожидаясь моего ответа, легким движением пальцев он дотронулся до моих век.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Чтобы уровнять нас. Я уже пол года смотрю на мир через них, ответил Том, касаясь губами моих век. Это был совершенно братский поцелуй, который обжог меня сильнее, чем смогли бы все свечи мира.

Браслет на руке с силой впился в кожу. Впервые за все мое пребывания в Хогвартсе он ожил. Даже во время нападения в архиве он не давал о себе знать. Вздрогнув, я попыталась отступить.

— Что-то не так? Руки Тома по-прежнему лежали на моих плечах.

— Не знаю, кажется, моя мама этого бы не одобрила, — нервно улыбнулась я.

— Уверен, что нет, согласился он, проводя пальцами по моим губам. — Но ведь ты ей об этом не расскажешь?

— Да, потому что рассказывать будет не о чем, разомкнув веки, ответила я. Передо мной все также было зеркало и в нем по-прежнему отражалось мое бледное лицо, с абсолютно чужими глазами. Волна отрицания и ненависти к этим пустым глазницам поднялась во мне и со сдавленным криком разбилась о поверхность стекла.

— Что с тобой? — Том крепко прижал меня к себе, что ты там увидела?

— Себя, — пересохшими губами ответила я, смотря на глубокую трещину пересекающую теперь всю поверхность зеркала.

Глава 13. «Слеза, которой нет»

Мы никогда не боимся переплатить за правду, не задумываясь, стоит ли она того.

Оказывается, страх может быть нормой жизни. Вы просто перестаете его замечать. Для меня страха уже не существовало, так как я сама стала своим страхом. Казалось, все шло как обычно, каникулы закончились, и в Хогвартсе вновь забурлила нормальная жизнь. А мне очень хотелось снова стать ее частью. Отныне я буду спать по ночам и не позволю никаким тайнам тревожить мой покой, решила я в то утро, когда вновь осмелилась взглянуть на себя в зеркало. Но что бы я ни обещала себе, сидя на кровати в спальне, я знала, что не смогу сдержать этих клятв. Просто тогда, в тот вечер, что мы провели в потерянной гостиной, во мне что-то сломалось...

На занятии Коркуса было еще невыносимей, чем обычно. Профессор, ласково именуемый учениками не иначе как «кара небесная», свирепствовал, грозно возвышаясь над нашей аудиторией. Первым пострадавшим в этой неравной борьбе был Лукас, на котором он продемонстрировал, для большей наглядности, заклинание невесомости. Несчастный парень ударялся головой о потолок столько раз, сколько Коркурису вдумалось размахивать своей волшебной палочкой. Следующей на очереди была Кардель — маленькая юркая студентка Хаффлапафа. Воистину для своих экспериментов он выбирал самых беззащитных. Несчастливая девушка попыталась объяснить, что боится высоты. И в этом была ее ошибка, так как профессору Коркурису сразу захотелось показать, насколько высоко можно подняться во время действия этого заклинания. Кардель пришлось порхать, как мотыльку, под самым потолком, пока изверг не решил, что с нее хватит и пора отыскать новую беззащитную жертву.

— Ну как, есть добровольцы на следующие заклинания? — Взглядом инквизитора обвел комнату профессор.

— Да. — Интересно, это сказала я или у меня просто слуховые галлюцинации?

— Похвальное рвение, мисс Маргус, — растягиваясь в садистской улыбке, заметил он.

— Всегда готова, — непринужденно, как будто обсуждая цвет новой мантии, поддержала беседу я, медленно спускаясь на свою гильотину. Меня же провожали взгляды сострадающих мне революционеров, которые так и не смогли свершить переворот. Нет, я определенно слишком часто перечитываю «Отверженных» — подумала я, встречаясь с взглядом мистера Коркуса.

— Итак, мисс, вы готовы?

Я согласно кивнула.

— Тогда приступим. Возьмите свою волшебную палочку и постарайтесь как можно внятней повторить за мной это заклинание — Верс Ле Сиель.

Вновь кивнув, дабы подтвердить, что поняла. Я вытащила волшебную палочку, но вместо того, чтобы взмахнуть ей и повторить слова заклинания, я положила ее на подоконник рядом с которым стояла.

— Что вы делаете, мисс Маргус? — Взбешенно вращая глазами, спросил профессор. Или ваших мозгов не достаточно даже для такого простенького приказа, как взять в руки волшебную палочку?

В аудитории послышалось пару смешков и недовольное шиканье.

— Ну, так как? Вы собираетесь выполнить задание? — с покрасневшим от гнева лицом продолжал профессор, — или мне стоит посадить вас на место и обратиться за разъяснениями к вашему декану?

— Если кого здесь и надо посадить на место, так это не меня, — почти шепотом ответила я, чувствуя, как во мне просыпается то, над чьими поступками я уже не властна.

— Ну что ж, ваша семья никогда не отличалась умственным здоровьем, но вы хоть не исчезаете на год не весть куда, как в свое время ваша сумасшедшая мать, хотя и не далеко от нее ушли.

— Замолчите, — внятно и тихо приказала я, осознавая всю обреченность профессора после этих слов.

— Говорите громче, мисс Маргус, класс вас не слышит, — почти что орал Коркус.

— Как прикажете, — моя рука скользнула вверх на уровень глаз, которыми я впилась в образ ненавистного преподавателя, а голос повторил с какой-то совсем чужой интонацией. — Клаур Сур Ла Терра.

Не знаю, что я ожидала увидеть, после того, как произнесла это, доселе незнакомое мне заклинание, но никак не то, что произошло в следующий миг. Под гогот и полное недоумение класса, профессор Коркус распластался по полу аудитории. Казалось, что его придавило каким-то невидимым грузом, настолько тяжелым, что он был даже не в силах пошевелиться. «А так оно и есть» — в следующий момент поняла я. Мое заклинание изменило гравитацию в том месте, где еще секунду назад стоял профессор, и теперь он испытывал нагрузку покруче, чем в центрифуге. Но что самое странное, я не чувствовала угрызений совести, глядя на его перекошенное болью лицо.

— Сейчас же прекратите это мисс Маргус! — задыхаясь в попытке выдать из себя слова, прошипел мистер Коркус.

— Прошу прощения, профессор, — по моему лицу блуждала улыбка, хотя внутри я сама содрогалась от ужаса тому, что говорю, — но этого мы еще не проходили.

С этими словами я развернулась и спокойной уверенной походкой направилась к выходу из кабинета.

* * *

Что со мной? Это вопрос должен был получить ответ и немедленно. Никогда мне не было так страшно, как сейчас. Влетев в свою спальню, я бессильно прижалась к двери, пытаюсь отдышаться. Первая моя мысль была о книге, надо сказать, несмотря на то, что теперь она была открыта, прочитать ее от этого не стало легче. Написанный на древнем и давно мертвом языке текст, давался тяжело. Даже говорящий словарь из библиотеки не облегчал этой проблемы, ведь он не умел читать самостоятельно. Поэтому каждую фразу ему приходилось проговаривать вслух. А учитывая, что я понятия не имела, как правильно произносится и половина слов в книге, дела шли не быстро. Но сегодня это меня не в коей мере не останавливало. Наверняка я просто не там искала. Пришлось пару раз встряхнуть руками, чтобы ладони перестали дрожать. Пальцы нервно забегали по старым пергаментным листам. Многие из того, что находилось в книге, было интересным и поучительным, хотя написано слишком образно и метафорически, наподобие алхимических текстов. Все же, что попадалась пока мне на глаза, не имело никакого отношения к «демону» или чему-либо близкому. Возможно, дело в том, что я читала с начала, а эта информация может быть и в середине и даже в конце.

Прошел час, но нужного мне символа я так и не нашла. С раздражением захлопнув книгу, я подошла к окну.

— Возможно, эта книга и стоила того, чтобы создавать ведьмину печать, но спасти ее из рук похитителей смысла не было. В этой трухе нет ни одного упоминания о «демоне»! — В сердцах крикнула я. Но стоило мне произнести слово «демон» в слух, как за моей спиной раздался шелест. Кто бы ни создавал эту книгу, он определено любил летать. Фолиант вновь взлетел и начал переворачивать страницы прямо перед моим носом. Пестрая исписанная поверхность листов мелькала, пока не остановилась на одном из текстов.

— Это то, что нужно? — Вопрос был риторическим, но кто знает, если эта книга обладает такой маневренностью, что может играть в квиддич, возможно, она может и отвечать?

Я осторожно прикоснулась к поверхности листа и, прищурившись, попыталась прочесть его содержимое, к моему удивлению, этот раздел был написан на превосходном, хоть и устаревшем,

английском языке. «Обряд, способный отделить семя от плевры в душах наших, был признан способом достичь высот в искусстве отцов ваших...»

— Что за белиберда? — Поинтересовалась я, глядя на книгу, — Мне не нужен путанный рассказ о каком-то древнем заклятье, мне нужно упоминание о «демонах».

Книга никак не реагировала на мое заявление, продолжая парить в воздухе передо мной.

— Ну ладно, — я решительно протянула руку, чтобы перевернуть страницу, но она будто прилипла, и чем больше я прикладывала усилий, чтобы пролистать книгу вперед, тем сильнее та сопротивлялась этому.

— Хорошо, — сдалась я, плюхаясь в кресла. — Хочешь, чтобы я прочитала, я прочту.

Будто только этого и ожидая, книга устремилась ко мне с грохотом, падая на колени.

— Ай, — поморщилась я, — готова поспорить, ты это специально! И так из чего весь сыр бор?

«Лишь тот, кто не предвзят и не дает своим эмоциям взять верх, способен магом стать в сей сложный век. Нас четверо, сойдемся в круг, а пятый встанет в середине, и груз эмоции, как недуг, излечен будет тогда ими. Сердце камнем, как слеза, скользнет в последний миг проклятья, а чувства, память как река, уйдут, чтоб разум был прохладен. Холодный ум в пустой груди не будет ничего смущать, и сила демона пред ним поможет магом лучшим стать. Но берегись, в добре есть зло, безумьем полнится земля. И каждый, кто пройдет его, потерян будет для себя. Безумья — лучшее, что есть из двух дорог ведущих к краю. Другие потеряют честь, безмолвно души пожирая. Лишившись сердца теплоты и бремя сладостных эмоций, не ожидая доброты в искусственной попытке вспомнить. Но сколь не много смеха в тех, что рядом, все им будет мало. Да, их удел отныне грех, чужие чувства, ум, как жало. Они безмолвны, мы немые, то были лучшие сыны».

— И что это должно означать? — Перечитывая вновь и вновь эти строчки, я чувствовала, что содержание текста таило в себе куда больше, чем философско-поэтическое описание некоей метаморфозы. — Итак, разложим все по полочкам, — пробубнила себе под нос я. — Это описание некоего обряда, который существовал для того, чтобы, лишив человека эмоции, дать ему возможность стать лучшим магом, нежели если бы он пытался достичь этого иным путем. Что за глупость...

Хотя я помнила, что когда в старину считалось, что магам не нужны эмоции и они только мешают в достижение мастерства, подобное заклятье, если оно когда-то и существовало, казалась мне варварством в чистом виде. Но не эти строчки взволновали меня... В один миг головоломка, которую я старалась собрать в течение года, стала складываться в единое целое. Теперь я знала, кто такие дементоры и понимала, насколько важна та книга, что лежала в моих руках, даже не столько важна, сколько просто опасна. Следующая страница отсутствовала, это говорило о том, что, ради чего бы этот фолиант ни похищали, злоумышленник свое получил. Обрывки станицы не ровно выпирали из переплета, сохранив лишь последнюю фразу раздела. «С тех пор на магглов вещи — чар запрет и колдовства в том мире нет». Несколько минут я размышляла над этой фразой, что общего у обряда и заперта заколдовывать маггловские вещи? Но этот вопрос волновал меня не слишком долго, слишком уж много было информации, неожиданно обрушившейся на меня.

Я вновь и вновь листала зловещее свидетельство прошлого, не в силах оторваться от простых слов, скрывающих темную сторону жизни, существовавшей так близко все это время. Теперь мне была понятна каждая буква в книге. Все, что в ней было написано, так или иначе касалась «Слезы дементора». Так в последствие окрестили тот страшный обряд, за каплю падающую из глаза воплощающегося, в последние секунды и застывающую, наподобие камня. На страницах в моих руках были изложены все заклинания и зелья, создававшееся для лишения человека эмоций, мешающих чистоте колдовства. Считалось, что после перевоплощения, маг лишался ненужной человеческой мишуры, место которой в его теле занимала некая сила, дающая своему обладателю огромные возможности, но рано или поздно лишаящая его разума или превращающая в существо, живущее за счет чувств, воспоминаний и эмоций других. Как кривая насмешка над всем трудом тех магов, эти существа возвращали себе то, что отняла у них «Слеза дементора». В последствие их так и окрестили, вернув им то, чего лишили своим пактом молчания — признания того, что привело к таким последствиям. И тем не менее, зная о всех

побочных явлениях, которые рано или поздно проявлялись у проходящих через воплощения, все хранилось в тайне. Сотни лет лучшие колдуны и ведьмы, сами не ведая того, добровольно лишали себя будущего. Пока один из, хранящих тайну и сам некогда прошедший обряд, влиятельных в те времена волшебников, не пригрозил раскрытием секрета, если подобная практика не будет прекращена. Подробные описания самого обряда в течение многих поколений селившего безумие и ужас в тела тех, кого затронул, соседствовали с признаниями ошибочности суждений, приведших к катастрофе. Но во всех этих признаниях не было и капли раскаянья, казалось, они, скорее, были написаны в виду необходимости. Будто кто-то застал их за чем-то нехорошим и всем этим великим магам пришлось сознаться в содеянном, но никак не осознать свою неправоту. Обряд был запрещен, но было слишком поздно. Все эти годы страшные перемены, происходившие с прошедшими через «Слезу дементора», так или иначе передавались их детям, приводя в итоге к страшной мутации, дающей почти такой же эффект, как и сам обряд. Потомки воплощенных практически не обладали силой, дарованной «демоном», так как, в отличие от своих предков, не лишились человеческой части себя. Но все остальные последствия обряда они разделили наравне со своими отцами и матерями. Когда в министерстве магии, тогда еще только зарождающейся, на месте священного совета, организации узнали об этом, то и как их предшественники, приняли решение погрузить в омут молчания и забвения данный факт. Тайна, которую знали все, но о которой не говорил никто. Книга в моих руках была ни чем иным, как исповедью и оправданием того, кто принял это решение и того, чья угроза в свое время остановила «Слезу дементора» — Годрика Гриффиндора. Нарушение тайны, так или иначе, должно было караться тремя наказаниями, в зависимости от формы предательства. Осуществляли их при помощи трех заклинаний, составленных тремя из четырех предводителей совета. Именно тогда и произошел раскол, уведший из рядов священного круга Салазара Слизерина. В чем имена была суть дела, приведшего к этому, в книге не говорилось, но три заклинания были мне до боли знакомы. Первое от Пенни Хаффлапаф могло заставить человека испытывать сильнейшую боль, второе было создано Ровеной Рейвенкло и способно было сломить чужую волю, а третье, самое страшное, стало подарком Годрика, хотя он и утверждал, что его никогда не применяли, и оно служило исключительно в целях устрашения...

Я и не заметила, как за окном сгустились сумерки. Только теперь, с приближением ночи, глядя в окно, я подумала о завтрашнем дне. Всю эту неделю я старалась не вспоминать об игре и о том, что мне предстоит сделать. Нет, я не боялась. Все, что происходило вокруг, давно потеряло для меня четкость реальности. Возможно, мой мозг это делал специально, дабы не дать мне последовать в пучину наследственного безумия. Скорее я жалела. Жалела обо всем и обо всех. То, что недавно казалось мне долгожданной справедливостью — моя поездка в Хогвартс, возвращение в лоно волшебников, друзья, обретенные здесь, стало утрачивать смысл и теперь вызвало только тоскливое сожаление, как сказка, которой так и не суждено было сбыться. Я узнала за это время такие вещи, которые навсегда отбили у меня охоту грезить о волшебном мире. На моих глазах творилось зло, которому удавалось остаться безнаказанным. Я видела, как рушатся чужие мечты, и поняла, что моя жизнь не настолько незыблема, насколько казалось в детстве. А самое ужасное было в том, что я и сама могу творить зло, более того, мне это даже нравится. Конечно, все это должно было рано или поздно случиться, являя собой элемент взросления и не ужасало бы меня настолько, будь это всего лишь теорией, а не испытанной практикой. Но эта книга, та, что спокойно покоилась в моих инстинктивно сжатых объятиях, в корне меняла все. Теперь я понимала, почему ее исчезновение или уничтожение так ждали. То, что было написано в ней, подрывало все основы мира, в котором я выросла, и все ценности, которые знала. Я и сама не прочь была зашвырнуть ее в огонь, если бы заранее знала, что она таит в себе. Но теперь для этого слишком поздно. То, что хранилось в моей памяти, а строчки, прочитанные на папирусных листах, будто впитались в мой разум, не уничтожишь огнем. Но как жить с этим, я еще не знала. Позвать кого-то и рассказать все. Но кого? Преподаватели вполне возможно и сами знали все это. Не даром же все записи о книге исчезли из библиотеки, стоило лишь кому-то из учеников подобраться к ней слишком близко. Похоже, заговор молчания и впрямь существовал не один год и устраивал всех его участников. Но об этом нельзя молчать, — волна гнева поднялась из тех потаенных уголков сознания, о существовании коих я доселе и не догадывалась. Интересно, каких действий ожидал от меня тот, кто подкинул эту книгу, и что на самом деле я могу сделать... Может, все же стоит попробовать забыть? Я в себе-то не могу разобраться, куда же мне до заговора, сотни лет хранящегося в обществе магов! От ощущения собственной беспомощности мне стало не по себе. А стены моей комнаты, будто нарочно, стали

расти и давить на меня всей своей массой. Почувствовав, что не в силах оставаться здесь больше ни секунды, я соскочила с кровати и выбежала в коридор. Оказавшись на свежем воздухе, я поняла, что поступила правильно. Мои мысли были все такими же путанными, но голова больше не гудела. Мягкая озерная гладь успокаивала меня, а легкая рябь от теплого весеннего ветра на ее поверхности отгоняла все тяжелые моменты затянувшегося дня куда-то в даль. «Кажется, я могу сидеть здесь бесконечно», — подумала я, подтягивая ноги поближе к груди.

— Я почему-то, знал, что ты здесь.

Слабая улыбка коснулась моих губ. Признаться, сейчас мне не хотелось никого видеть, но и прогонять его я была не намерена.

— Что ты здесь делаешь, Том?

— Ты не поверишь, — тихо ответил он, садясь около меня.

— Сегодня меня уже не удивить.

— Просто я вспомнил, какое сегодня число и что завтра полнолуние... мне стало страшно...

— За меня? — Это откровение искренне поразило меня.

— А есть еще за кого? Даже сейчас он не смог удержаться от сарказма. — Это почти животный страх, в один момент я даже подумал, что могу силой заставить тебя не пойти... Меня даже не остановило бы то, что ты это никогда не простишь... Но потом... в общем я и сам себе этого не прощу. Что в тебе такого, что заставляет идти даже против себя?

— Не знаю, но это звучит как обвинение...

— Прости, я не хотел... Знаешь, мы ведь так и не говорили о третьем заклинании.

— В этом нет смысла, — пожала плечами я. — Палочка в моих руках никогда не будет орудием смерти, а если его направят против меня, то и способов защититься я не найду.

Выражение глаз Тома менялось с невероятной скоростью. Казалось, что мои слова вызвали в нем целый шторм, но не один мускул на его лице не дрогнул, скрывая эту бурю. Молча, он приподнялся, подвигаясь ближе.

— Я знаю лишь одно — что не намерен тебя терять, что бы ни случилось.

Он говорил это так, как будто слова предназначались не мне, а ему. А потом замолчал, подобно мне, смотря в сторону, откуда дул ветер, играя в водной глади. Его рука нежно и, как мне показалось, неосознанно перебирала мои волосы, а я тихо замерла, опираясь на его плечо.

— Скажи, ведь Титучи — это не имя? — нарушил молчание Том, когда закат уступил место луне.

— Нет, это прозвище, которое дал мне отец, — удобней кутаясь в его объятиях, ответила я, — Правда на самом деле оно звучит как Литучи, но в детстве я не выговаривала букву «л».

— Так как тебя зовут?

— Хм, ты всегда спрашиваешь об этом у девушек, с которыми проводишь ночь? — ехидно фыркнула я, наслаждаясь своей неуязвимостью в его близости.

— В зависимости от того, как мы проводим эту ночь, — покачал головой Том, поднося мою руку к губам. — Но ты особенная.

— Литисия, меня зовут Литисия.

Больше мы не говорили. Долго и быстро... Все это время мы украдкой подслушивали мысли друг друга и вовсе старались не думать. Как приятно иметь близкого человека, с которым не обязательно говорить, чтобы понимать, и как страшно иметь близкого человека, который понимает все в тебе, даже если ты не рассказываешь ему ничего...

* * *

Возвращаясь в свою комнату, усталая, я была готова жизнь отдать за чашку горячего чая и пару часов сна. Безумно хотелось есть. «Зря все же пропустила ужин» — с жалостью думала я,

входя в учительские апартаменты. Около окна маленькой гостиной, заменявшей и холл перед комнатами учителей, стояла высокая и слегка нескладная темноволосая девушка в гриффиндорской мантии. Казалось, она о чем-то задумалась, но нервная игра пальцев по подоконнику невольно выдавала ее. Я остановилась и оглядела комнату, она как всегда была полна уютным песочным светом, а мягкий отблеск камина оживлял причудливый восточный узор гобеленов, но гостиная была пуста, а девушка определенно кого-то ждала. «Ладно, в конце концов, это не мое дело», — подумала я и дернула за ручку своей двери, как внезапно за моей спиной раздалось горькое всхлипывание, а затем еще одно и еще. Я развернулась на каблуках и стой же решительностью, с коей минуту назад пыталась попасть в комнату, проследовала к окну.

— Что-то не так? — Вопрос был нелогичным, конечно если она плакала, то что-то случилось или пошло не так, но других у меня не было.

— Простите, я не видела, что тут кто-то есть, — девушка глянула на меня затравленными зелеными глазами.

— Здесь моя спальня, — пожав плечами, объяснила я, указывая на дверь с краю, — может, если ты не хочешь афишировать своих слез, есть смысл зайти ко мне? Я-то все равно их уже видела.

— А можно? — На ее лице отразилась едва уловимая благодарная улыбка.

— Думаю, что нужно, — улыбнулась в ответ я, протягивая свой носовой платок. — Как тебя зовут?

— Друзья называют Гани.

— Ну что же, Гани, как ты смотришь на чашку чая в девичьей кампании?

Мою комнату нельзя было назвать образцом уюта, да, в общем-то, ее не нельзя было и вовсе брать за какой либо образец. Но раньше мне не было за это стыдно, так как тут никто, кроме меня самой, не бывал достаточно долго, чтобы это заметить. Сейчас же я оглядела ее столь же критично, сколько бы, если бы она была чужой. Самое лучшее, что было в моих апартаментах, — это нежно-синий палантин над кроватью, и тяжелые в тон шторы над огромным окном в кованом переплете. Небольшой камин вспыхнул, стоило закрыть дверь. Это был подарок Пини на новый год — несгораемое полено, зажигающееся при порыве ветра. Огонь осветил два небольших кресла, со слегка поеденной молью обивкой (надеюсь, это была волшебная моль, потому что обычная не переварила бы всех тех зелий, что я пролила на их обивку, набираясь опыта). Ничего, помимо этого и книжных полок с сундуком, подчас заменявшим мне стол, перед кроватью, в комнате не было. Хотя для такой маленькой комнаты и этой мебели казалось много, меня давно мучило смутное чувство, которое подсказывало, что это бывший чулан.

— Присаживайся, а я чегонибудь соображу, — предложила я Гани, указывая на кресло перед камином.

— Спасибо, — кивнула она, — у тебя здесь очень мило...

— Правда? — промычала я, пытаюсь сотворить более-менее пригодный для жидкости чайник из маленькой литой вазы.

— Да, тебе повезло. Порой так хочется уединиться, убежать от всех, и просто не знаешь куда, — я услышала, как Гани тяжело вздохнула.

— Ты поэтому пришла в учительское крыло? Не лучший выбор для уединения, когда твои интимные слезы видит кто-то из профессоров, легче не становится... — Наконец, мои попытки увенчались успехом, и из маленького литого носика повалил пар.

— Нет, я пришла не поэтому, — отрицательно покачала головой Гани, помогая мне перетащить сундук к камину. — Я надеялась здесь кое-кого встретить.

Под ложечкой неприятно засосало, кажется, это будет очередная история не разделенной любви. Ладно, человеку тяжело, и кто я такая, чтобы не выслушать ее.

— И кто он? — Спросила я передовая чашку Гани.

На секунду повисла неловкая пауза, похоже данный секрет не доверялся никому, кроме подушки.

— А ты никому не скажешь? — я понимала, что вопрос риторический, видно ей действительно было просто необходимо кому-то все рассказать.

— Нет, — я поймала взгляд Гани, — но ты можешь не говорить, если не хочешь.

Девушка неуверенно отвела глаза, казалось, внутри нее боролось желание наконец-то выплакаться и страх быть осмеянной.

— Хм, кажется, я поняла, — мысль, вертевшаяся в голове, была произнесена во имя победы над тишиной, — это учитель?

— Я этого не говорила, — снова это затравленное выражение глаз...

— Нет, но догадаться несложно, — пожала плечами я, — кого еще можно ждать в профессорском крыле?

— Угу, — Гани тяжело вздохнула, ставя чашку на сундук и подбирая под себя ноги, — он преподает преобразование.

— Что? — я пожалела, что не последовала ее примеру и не убрала чашку подальше от ошалелых рук.

— У него такие глаза... — продолжала она, мечтательно смотря в камин.

«Глаза, стало быть, что же нас вечно на них ведет?» — улыбнулась про себя я, теперь понятно, от кого Дамблдор получает букетики!

— И по какому случаю были твои слезы? — попыталась вырвать я Гани из мира грез.

— А?!? Да, вот ты о чем... — даже в свете камина было видно, как она покраснела, — я написала ему письмо, конечно анонимное, но у меня так и не хватило сил подсунуть его под дверь. — С этими словами она протянула измятый конверт, что сжимала в кулачке.

— И почему нет? — поинтересовалась я, вертя его в руках.

— Испугалась, что он узнает мой почерк, — еле слышно прошептала она.

— Ну, эта проблема легко разрешима, — я вернула Гани конверт.

— Как?

— Попроси кого-нибудь из подруг переписать его, ты ведь не называешь его по имени в письме и не намекаешь на то, кто он?

— Нет.

— Ну, так скажешь, что он парень из другого колледжа и ты боишься, что он узнает твои почерк.

С секунду девушка сидела в некотором оцепенении:

— Это гениально!

Да все же счастье — лучшее наше украшение, ее лицо так и лучилось.

— Апчи! — внезапный чих моментально изменил это, и вот уже второй раз за сегодняшний вечер я пожалела, что чашка по-прежнему у меня в руках.

При чихе лицо девушки приобрело сероватый оттенок, и я была готова поклясться, что увидела кошачьи усы и ушки, хотя и всего на пару секунд.

— Ой, прости, — прочитав удивление в моих глазах, покраснела Гани. — Я анимаг, но еще не научилась управлять своей трансформацией.

— Ничего, я все понимаю, — ободряюще кивнула я. Внезапно, в моей голове родилась идея. — Хей, подожди... ты ведь та самая девочка из Гриффиндора, ученица Мисс Фигг. Это она учит тебя трансформации?

— Да.

— Прости, понимаю мой вопрос прозвучит глупо, но ты не в курсе, не потеряла ли профессор в последнее время очков?

— Она не носит очков, — уверено заявила Гани. — Если ты не против, я побегу, мне не терпится воспользоваться твоей идеей.

— Да, конечно, — понажал плечами я.

В то время как Гани уже соскочила с места и кинулась к двери, чуть не перевернув за собой кресло на пороге, видно вспомнив обо мне, и, остановившись, Гани обернулась.

— Прости, я так и не узнала твоего имени.

— Титучи Маргус.

— Очень приятно, а я Минерва МакГоналл, надеюсь, мы еще встретимся, Титучи. И еще раз спасибо!

— Не за что, — ответила я, оставаясь наедине с новой загадкой.

Если в том коридоре была не мисс Фигг, то кто?

Глава 14. «Отражение в бездне...»

Люди разрушают лучше, чем создают, и лучше всего создают разрушения.

Найти поляну во второй раз не составило труда, даже не смотря на то, что блуждающие огоньки больше не указывали дорогу. Мои ноги сами вынесли меня к темной пустоши в окружении молчаливой стражи деревьев. В центре поляны, как и тогда, горел костер, но людей в черных балахонах видно не было. Я удивленно огляделась по сторонам. Казалось, что лес погрузился в сон. Покой и тишина царили вокруг, а потом это молчание наполнилось звуками. Шепот, вздохи, шелест были повсюду. Из-под сени деревьев один за другим появлялись Хранители, старшие члены братства, как мне объяснил Том, их облачение было черным, в то время как все остальные носили темно-серое. Постепенно вокруг меня образовался круг безразличных фигур, отраженных в свете огня.

— Ты бросила вызов! — выдержав театральную паузу, заговорил Мэт, стоящий ближе всех ко мне. — Его приняли.

Отходя в сторону, он пропустил вперед одну из облаченных в серое фигур. Встав напротив меня, противник откинул капюшон. Лицо девушки было бледным, но излучало уверенность и признание. Похоже, Агат заранее была убеждена в своей победе и превосходстве надо мной.

— Готова? — с надменным безразличием спросила она.

Я не доставила ей удовольствия своим ответом, лишь вытащила лежащую под подкладкой волшебную палочку.

— Тогда приступим, — самодовольно улыбаясь, последовала моему примеру она.

Не дожидаясь ответной реакции, девушка сделала пас в воздухе, на одном духу произнося знакомые мне слова.

Боль, пронзительная боль разлилась по всему сознанию, обдавая жаром и холодом одновременно. Мозг отказывался думать, а части тела отвергали приказы, посылаемые мной. Упав на колени, я изо всех сил пыталась сосредоточиться, тем временем как Агата не без удовольствия созерцала плоды своего труда. Затем она вновь подняла палочку, тихо шепча второе заклятье. Боль утихла, порождая на своем месте апатию и почти фаталистичное смирение.

— Палочка тебе больше не нужна, — звучал голос моего соперника, повелителя, а, возможно, и мой собственный. Руки же послушно выполняли приказ.

— Ну вот, даже с Майлзом, и то было сложнее! — раздался смех Агаты.

Подчинения? Сквозь прикрытые ресницы я видела глаза Тома, взгляд, проникающий насквозь. «У каждого заклинания две стороны» — напутствовал он, выводя меня из стаза. «Покорность? Это не про тебя!».

— Ко мне! — как в тот теплый сентябрьский день, я поманила палочку, будто метлу на поле для квиддича, и она послушно выполняла мою волю.

Как никогда хорошо я понимала все слова, сказанные на уроке мисс Фигг, ловя удивленный и растерянный взгляд Агаты.

— Хочешь познакомиться с демоном? — склонив на бок голову, спросила ее я.

Вопрос был риторическим, ведь стекло уже треснуло. И теперь демон рвался наружу.

В моей крови циркулировала такая мощь, что я получала почти чувственное наслаждение от нее. Палочка в руке была бесполезным придатком, сила исходила вовсе не из нее. Ее источником было то существо, которое я увидела в зеркале, Демон, сидящий во мне, творил насилие не только над несчастной жертвой, но и надо мной. Каждое мое движение и порыв были подчинены его воле, но взамен он предлагал куда большее — прекрасное и опьяняющее ощущение власти. В этот момент я стала почти богом — мне были подвластны жизнь и смерть. Чужая судьба лежала в моей ладони, и я без всякой жалости или сострадания сжимала руку.

На земле в судорогах корчилась Агата, я же наблюдала за ее болью, как бы со стороны из такого места, где она не могла меня потревожить. Из глаз капали слезы, но они не принадлежали мне, как и мой язык. Еще секунда, и с губ слетели бы те слова, которые способны оборвать мучения каждого в этом мире. «Кто я?» — «Кто ты?». Эти два вопроса, слившись воедино, сбили меня с ног. Сила, не менее могущественная, нежели моя, вступила в единоборство с демоном. Эта последняя преграда привела в чувство все то, человеческое, что еще осталось во мне. Надо мной возвышался мужской силуэт и протягивал руку. Весь его образ источал беспокойство, граничащее с унижительным сочувствием. Я схватила предложенную ладонь, с какой-то дьявольской жесточенностью, пытаясь, если не встать, то утянуть за собой в грязь. Но облаченный в балахон хранитель в одном порыве поднял меня на ноги. Сближение и успокаивающая власть, струившиеся от моего оппонента, на время подавили злобу. Как пристыженной девчонке, мне было безумно стыдно смотреть в его глаза, а тихий голос острее ножа резал изнутри:

— С этим пора заканчивать, — без всяких вступлений произнес Том.

Отшатнувшись от этих слов, как от чего-то мерзкого, я шагнула по направлению к Агате. В испуге девушка постаралась подняться, но, не сумев, отчаянно забилась руками и ногами, будто рыба, пытающаяся передвигаться по суше.

— Не бойся, я не убью тебя! — моя рука прошла по ее волосам, а лицо придвинулось так близко, что губы почти касались уха. — Ты сама выберешь кару, достойную убийц.

Выпрямившись, я развернулась и почти бегом кинулась в сторону Хогвартса, стараясь не оборачиваться, а главное не думать. Демон больше не был властен надо мной, но я понимала, что пробудила то, чем никогда не смогу управлять. И сегодня я была всего лишь в шаге от грани, перейдя которую никогда бы не вернулась назад. Легким не хватало воздуха, задыхаясь, я облокотилась всем телом о ближайший ствол, а за моей спиной были слышны шаги.

— Не надо, — выставив вперед руку, я опередила его движение.

— Ты должна это все забыть! — невозмутимо начал Том.

— Не трать слов, я знаю, что ты скажешь: это была не я, я не могла себя контролировать. Но это не так. Демон не делал ничего, чего бы ни захотела я. И мне придется с этим жить. В конечном счете, на кого мне сетовать? Я понимала, на что иду.

— Думаю, тогда тебя не нужно успокаивать? Ты сильная, ты справишься.

Слушая его слова, я поймала себя на мысли, что Том говорит об этом так, будто речь идет о его личном опыте.

* * *

Волосатая лапа потянулась к моей мантии из котла, за что получила по пальцам огромным литым половником, которым я ловко орудовала, еще раз перечитывая рецепт.

— Если это зелье, то тебе еще понадобится его укрощать! — хмыкнула медвежья голова, как всегда неожиданно оказавшаяся сзади.

— Нет, это не зелье! — отрицательно помотала головой я.

— Позволь угадать. Ты выводишь Цербера в пробирке?

— Еще чего! Хотя, в одном ты прав: с шерстью я перестаралась. Думала, что если положу больше, то он будет мягче относиться к шерстяным изделиям.

Рука опять потянулась к моей мантии, но на этот раз, почувствовав приближение половника, сама, обиженно ворча, скрылась в котле.

— На твоём месте я бы купил все моющие средства, включая порошок в Хогсмиде, что-что, а отбеливатель варить ты не умеешь.

— Знаю, но у меня абсолютно нет времени на походы в деревню! — пожалала плечами я, пытаясь закрыть сопротивляющееся варево огромной чугунной крышкой. — Надо закончить до того, как начнут тушить свечи, а я понятия не имею, в чем ошиблась!

— Возможно в том, что использовала для этих целей кабинет зельеварения? — раздался за спиной знакомый голос мадам Истель.

Ну вот, застукана на месте преступления! В какой раз за этот год я порадовалась, что не отношусь ни к одному из колледжей, с которых можно снять баллы.

— Простите. — Виновато уставившись в пол, попросила я.

— Ну что я могу сказать, делать что-то лучше, чем ничего. Практика — это всегда практика, — больше не в силах сдерживать смех, фыркнула профессор. — Правда, я смотрю, у вас не особо получается. И вам и впрямь понадобится хлыст дрессировщика, чтобы украшать ваш стиральный порошок во время стирки.

— Значит, вы не сердитесь? — с надеждой задала я наивный вопрос.

— И да и нет. С одной стороны я не сержусь за то, что вы использовали школьное оборудование для своих целей, но с другой стороны я в бешенстве от того, что вам не удалось такое простое заклинание! Вам должно быть стыдно!

Я уже было хотела признаться, что мне действительно очень стыдно, как крышка котла слетела с петель, на которых крепилась, и с гулким грохотом покатила по полу. Я же почувствовала, как мои ноги отрываются от земли, а мантия становится заложницей вконец взбесившегося зелья. Искать волшебную палочку не было времени и возможности, оставалось надеяться, что я все же верно рассчитала пропорции и в намерения варева входит лишь стирка, а не пожирание людей заживо.

— Ла Чаудиэре! — услышала я властный голос мадам Истель, как раз перед тем, как меня окунули в котел.

— С тобой все в порядке? — обеспокоено поинтересовалась преподавательница, помогая мне выбраться наружу.

— Все хорошо! — кивнула я, пытаюсь выжать свою позеленевшую мантию.

— Там в подсобке есть сухая одежда, иди и переоденься, пока не простыла. И на будущее лучше покупай, а не готовь моющие средства к весенней уборке.

Раздался громкий, похожий на рык, утробный медвежий смех. Я же, краснея до кончиков своих, теперь таких же зеленых, как мантия, волос, поспешила закрыть за собой дверь в подсобку.

Переодеваясь, я слышала отдаленный шум уборки за дверью и то, как жалостливо бурчит мой отбеливатель в попытках убежать от палочки мадам Истель, но когда я вышла, кабинет оказался пуст.

— А где профессор? — спросила я, поворачиваясь к задремавшему в углу чучелу.

— Кажется, ушла. — Пробубнила сквозь сон медвежья голова.

Стараясь не мешать его сну, я тихо собрала учебники и уже собиралась закрыть за собой дверь, когда заметила матовый блеск на столе. Толстый учебник и пергаменты вылетели из моих рук, словно по волшебству.

— Ну что еще? — недовольно поинтересовалась половина животного, зычно зевая.

— Паскаль, это очень важно, поэтому несколько раз подумай, прежде чем ответить! Мадам Истель носит очки?

— А чего тут думать? Тоже мне важность, да она носит очки!

— В какую сторону, ты сказал, она пошла?

— Я лично ничего не говорил, но, если тебе интересно, она ушла по нижнему коридору в сторону библиотеки. — Рыкнуло чучело. — А теперь дай мне поспать, если я буду не выспавшимся, то запросто могу загрызть кого-нибудь из первого...

Окончание фразы я не расслышала, так как спешила по петляющему нижнему коридору. Надежды на то, что я догоню учительницу зельеварения, практически не было, но уже за первым поворотом я увидела ее силуэт на фоне витражного окна. Первым моим порывом было окликнуть ее. Но потом я остановилась. Не могу же я прямо так спросить: не прячет ли она в их фамильном

доме мантию — плащ, в которой уже почти год преследует меня по замку? Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как, обдумывая более тактичный вариант вопроса, продолжать следовать за ней.

Мантия развивалась, тихо шелестя, в то время, как ее хозяйка ускоряла шаг, а я изо всех сил старалась не отставать от нее. Впереди забрезжил свет, коридор же раздвоился, уходя одним своим концом в сторону библиотеки, а другим к лестнице на чердачные этажи. Замерив перед развилкой, фигура раздумывала, куда ей двинуться дальше, а уже в следующий момент раздвоилась. От неожиданности я протерла глаза, но это был не обман зрения. Одна часть мисс Фигг заспешила в сторону темного подвала другая к лестнице наверх.

— Что за черт? — удивленно прикусила язык я. — И куда же теперь?

Беспомощно моргая, я наблюдала за двумя удаляющимися учительницами. «Ладно, понадеемся на удачу», — решила я, кидаясь вдогонку профессорше, ускользящей по лестнице наверх. Серпантин ступенек — все, что я видела следующие пять минут, медленно начинающих превращаться в бесконечность. Я уже почти запыхалась, когда наконец таки заметила, что стою не перед очередным возвышением, а в дверном проеме какого-то этажа. Дальше ступенек не было, как, в общем, и всего остального. Куда бы ни следовала одна половинка Истель Фигг, ей определенно удалось пройти туда сквозь стену, так как этот проход был давно замурован. Ощупав поверхность, я не нашла признаков, указывающих на тайный проход. Теперь мне ничего не осталось, кроме как вернуться назад, раздумывая, — «как могла раздвоиться мадам Истель, а главное, куда делась ее вторая часть?»

* * *

Все уже ели, когда я осторожно, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, заняла свободное место за столом Хлаффлапафа. Кушать особенно не хотелось, что со мной бывало не так часто. Рука бездумно водила ложкой в весьма аппетитном на вид супе, пока мое внимание не привлекло волнение, царившее за преподавательским столом. Лица учителей казались бледными и измученными, а профессор Диппет был и вовсе похож на восковую маску, безмолвно взирая на все со стороны. Учителя продолжали оживленно переговариваться, когда у мисс Пибод началась истерика, и все кинулись ее успокаивать, а взгляды учеников моментально переключилась с еды на то, что происходит за столом в центре зала.

— Я должен сделать объявление! — прокашлявшись, встал со своего места директор. — Скрывать все равно бесполезно, вы и так узнаете это из завтрашних газет. Альбус, проводите мисс Пибод в учительское крыло, пока положение не ухудшилось, — многозначительно подчеркивая последние слова, распорядился профессор Диппет.

Согласно кивнув, преподаватель преобразования, ласково уговаривая, помог подняться горько всхлипывающей женщине. Когда они достигли двери, директор продолжил:

— Сегодня произошло нечто ужасное. При не выясненных обстоятельствах погибла одна из наших учениц, ее друг, бывший с ней, находится без сознания. Мы пока точно не знаем, что с ними случилось, наш лесничий нашел их на берегу. Похоже, Эван пытался спасти Агату, но не смог, и она утонула, его же состояние сейчас не вызывает опасений. Он лежит в лазарете, и мы надеемся, что скоро очнется. Если кто-либо из вас знает причину или был свидетелем обстоятельств, при которых ребята оказались в воде, прошу, сообщите мне, или кому-то из учителей. Обещаю, что никто не будет наказан, даже если находился у озера в то время, когда должен был быть на занятиях.

С видом человека выполнившего долг директор направился к выходу из зала, в котором царил гробовая тишина. Такое впечатление, что ребята боялись даже вдохнуть во всепоглощающем непонимании того, что произошло. Единственный шорох, оглушительно звонко пронзающий немой воздух, был звук моей ложки, которую я была не способна удержать в дрожащих руках.

* * *

Сердце, оно постоянно болело, не переставая напоминать мне о том, что я натворила. Я не могла больше спать. По ночам мне виделась Агата, и я просыпалась в холодном поту так и не в силах посмотреть ей в глаза. А самое страшное, что все это мне приходилось держать в себе. Даже Тому, единственному человеку, с которым я могла бы поговорить, мне не удалось заставить себя раскрыть тайну тех нескольких слов, прошепанных на ухо Агате тогда. Чем дольше это продолжалось, тем большее отчаяние охватывало меня. Я начинала медленно сходить с ума. Сердце... это глупое сердце, не давало мне покоя... как бы было легче без него...

Каждое утро я встречала, смотря в сторону озера. Теперь собственное отражение вызвало во мне не просто страх, а панический ужас. Казалось, замок только и повторял: Агата, Эван. Во всех взглядах, мимолетно касающихся меня, я видела упрек. Безмолвный, горестный упрек обвинения. Это стало наваждением. Садясь за стол, я знала, что не имею права есть, пить, порой мне казалось, что и дышать я тоже не имею права. Прошло три дня, а по моим подсчетам прошла вечность. Это тяжело, ненавидеть себя каждую минуту существования. Если бы я сказала, что у меня больше нет сил, то обманула бы, просто я больше не хотела... Ничего не хотела... это ужасно, заставлять себя жить! Не знаю, почему она сделала это, толи из страха передо мной, толи демон во мне мог принудить сделать и нечто подобное. Меня стала посещать мысль — что, если я потеряю контроль и выпущу все это наружу? Чувство вины, осознание собственной опасности для окружающих творили со мной загадочные вещи.

Однажды я просто очнулась на крыше, не помня, как сюда пришла, но отчетливо осознавая, что собираюсь сделать. Это было величайшее облегчение, и даже некий акт доброй воли. Апатия перед будущим, как теплое одеяло окутала меня.

— Я знал, что ты попытаешься это сделать! — голос Тома больно ударил в спину.

— Ты следил за мной! — констатировала я

— В этом не было необходимости.

— Не думала, что настолько близка тебе!

— Ты даже не представляешь, насколько! — он по-прежнему стоял в отдалении, даже не делая попыток приблизиться. — Но этим ничего не добиться.

— Откуда тебе знать, чего я хочу добиться? — выцветшим голосом поинтересовалась я.

— Забвения. Однажды я пытался, а потом понял что это бессмысленно. Ты станешь приведением, и это будет терзать тебя весь остаток существования.

— Трещины... знаю, — в голове всплыл рассказ Весепи о витражах. — Но это ничего не меняет. Отняв жизнь у человека, я перестала быть достойной ее. — Прошептала я отходя от края.

— Но ты не отнимала, они сами...

— Откуда ты знаешь? Ведь ты не слышал тех слов, которые решили судьбу Агаты, а их произнес именно мой язык! — бросив это, как обвинение, я повернулась и заспешила к другой стороне крыши.

— Куда ты? — обеспокоено спросил он, смотря мне в след.

— Искать иной путь! — выкрикнула я, закрывая люк.

— Не сходи с ума! — слышалось за моей спиной, а потом протяжный звук скрипящего металла — Том пытался открыть крышку.

— Я просто не могу жить! — покачала головой я, закрывая уши.

Чтобы найти книгу дементоров, не потребовалось много времени, она, как всегда подпирала книжные полки. Нет тайника надежней, чем тот, что у всех на виду. Мне нужно было лишь одно заклинание, самое последнее... Литиус Бритс... Обряд был предельно прост, для него требовалась пара свечей и нож. Рука на мгновение дрогнула, проведя по рукоятки папиного подарка — маленького перочинного лезвия.

«Я готова!», — убеждая сама себя, повторила я. И раскрыла книгу. Латынь, на которой было написано заклятье, давалась тяжело, почему-то постоянно хотелось плакать. Но постепенно слова стали выстраиваться в правильные цепочки, а язык перестал дрожать, напротив, появилось какое-то чувство покоя и уверенности. После третьей строчки надо было зажечь свечи, их свет потерялся в блеске лучей утреннего солнца. Нож уже был в руке, далее надо было надрезать палец «и лишь язык закончит стих, сургуч и каплю крови слив, ты распрощаешься на век с биением сердца, человек» — гласила книга. Я же послушно следовала ее стихам, стараясь не думать о том, что будет потом. Одно я знала точно — среди дементоров не бывает приведений. Только у тех, у кого есть сердца, есть и дух. Последние слова... как трудно их произносить...

Тишина... и ничего... да и нечему было быть... я еще раз смотрела на каплю перед собой... все оказалось так просто...

Окно разлетелась на тысячи кусочков, руки Тома успели подхватить меня как раз вовремя, прежде чем я осела на пол.

— Что ты наделала?! — кричал он, трясая меня за плечи, у меня же не было сил ему отвечать...

Я ничего не сделала, потому как мне не с чем было что-то делать...

Книга в его руках и его глаза, бегающие по странице...

— Зачем? — прошептал он, и выбежал из комнаты.

Я не помню, сколько лежала там, пока дверь в спальню не распахнулась и вслед за Томом в комнату влетел Дамблдор.

— Где та страница? — спросил он, смотря на меня, но я все еще не могла говорить, язык отказывался подчиняться мне.

— Вот, — Том сунул ему книгу, и вновь сел рядом, пытаясь приподнять мое совсем безвольное тело.

Спустя секунду Дамблдор в гневе отшвырнул книгу.

— Ее еще можно спасти?! — я почти отчетливо слышала в голосе Тома отчаяние.

— Она не умрет, если ты об этом. — Ответил он, садясь на корточки передо мной. — Я бы назвал ее состоянием сильнейшим шоком, но это пройдет... Не знаю, каким образом в руки Титучи попала злосчастная книга, но это не должно было произойти.

— Помогите мне перенести ее, — попросил Том, который, судя по всему, услышал из всего монолога только первую часть.

— Конечно, — кивнул профессор, перенося меня вместе на кровать. — Ты вовремя меня позвал!

* * *

Том и преподаватель преобразования просидели у моей постели всю ночь. Я все слышала и видела, но не могла ни двигаться, ни думать. Меня будто парализовало. Лишь к следующему утру в тело стало возвращаться сознание. Пробуждение к реальности было болезненным и напоминало выход из простудного состояния, все суставы ныли, а язык все так же с трудом поворачивался.

— Ты проснулась! — радостно отметил Дамблдор, садясь на край постели, тем временем как Том мирно сопел, уснув в кресле.

— Да. — Произнесла я чужим, охрипшим голосом.

— Я решил не вести тебя к медсестре, к тому же ты и сама вряд ли захочешь, чтобы кто-нибудь узнал об этом.

— Вы правы, я не хочу, но думаю, вы не хотите этого гораздо больше. Ведь вы были в курсе?

— В курсе чего? — его глаза излучали доброту и жалость.

— Того, что у меня нет сердца.

— Я не был уверен в этом до конца, — покачал головой он. — Хотя я и подозревал, что такое может быть. Ты ведь уже успела прочитать эту книгу? — Поинтересовался профессор, смотря в сторону все также лежащего на полу фолианта.

— Да.

— Тогда ты знаешь, кто такие дементоры и как они появились на свет.

— Вы об обряде? «Слезе дементора»?

— Именно. Как болезнь он давал, одно из двух осложнений — люди сходили с ума, а если они были достаточно сильны, чтобы не поддаться безумию, но все же слабы, чтобы начинать жизнь каждый день с нуля, то превращались в странных существ, питающихся чужими эмоциями и памятью. Этот обряд был запрещен, но последний раз его провели здесь в Хогвартсе.

— Седрик Гриффиндор. — кивнула я.

— Нет, — покачал головой Дамблдор. — Это было гораздо позже. В 1918 году.

— Год на коробке из архива... Тогда мои родители еще учились в Хогвартсе?

— Да, мы были молоды и не понимали, что творим. С нами учился еще один молодой человек, выдающийся и многообещающий волшебник. Он все схватывал на лету, и ему показалось мало тех способностей, что у него были от природы. Как-то его сестра нашла книгу. Ту самую, что читала ты и он загорелся идеей добиться большего, чем может.

— Он прошел обряд?

— Да, и мы помогли ему в этом.

— Вы?

— Я, Джи — твой отец, Хана — твоя мать и сестра Герольда, так звали того юношу.

— Но зачем?

— Я и твой отец, потому что были его друзьями, Арабелла, так как не могла ни в чем отказать брату, а твоя мать...

— Потому что любила его, закончила я фразу.

— Да.

— Что с ним случилась потом? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Сначала все было хорошо, а потом... Думаю, ты встречалась с ним, у тебя на шее последняя слеза Герольда, — нахмутив брови, продолжил Дамблдор. — Твой отец и мать не хотели, чтобы ты знала, но уже поздно что-либо сделать... Ты дочь Герольда и Ханы... Дочь дементора, именно поэтому у тебя нет сердца.

Глава 15. «Три имени страха...»

Прощать не сложно, сложнее забывать, за что ты прощаешь.

Амблдор сдержал свое слово и в замке никто не узнал о том, что произошло со мной. Для всех я заболела тяжелой формой гриппа и поэтому была освобождена от занятий на несколько ближайших дней. Но после суток в своей комнате я решила, — «Такого рода затворничество куда хуже любопытных взглядов». И хотя Тому неведомым образом удавалось незамеченным проникать ко мне по вечерам, я попросила его больше не делать этого. Было больно читать обиду в безразличных тебе глазах. Он не мог понять, почему я не желаю с ним больше видеться, а я даже не утруждала себя объяснениями.

Скажите, я жестока? Возможно...

Мне пришлось мобилизовать все силы и энергию, что остались у меня, на то, чтобы избегать Тома. Лишь осознание правильности данного выбора спасало меня. Теперь я знаю, что ничего не могу ему дать, даже обещания отныне не в моей власти. Могу ли я верить в то, что люблю его? Ведь у меня нет сердца.

С каждым днем воспоминания о Томе тускнели наподобие сна, хотя кого я обманываю? Их тушили мои руки медленно и планомерно. Но у меня не было времени на пустые страдания, новое знание породило больше вопросов, чем дало ответов. Головоломка о живущих сегодняшним днем, пересекшая загадочным образом прошлое жителей замка, беспокоила меня куда больше, чем вопрос о нас с Томом. Из памяти никак не уходили строчки о механизме: «построенном и забытом». Судя по всему, эта машина послужила причиной запрета на маггловские вещи и технологии. Найти вырванную страницу, вот что было единственным верным решением этой задачки, так как именно этот аппарат связывал то, что живет внутри меня, со стенами замка.

Завтрак давно закончился, а я все сидела в столовой и продолжала размышлять над словами книги, пока домашние эльфы, слегка возмущенные моим непривычным для них поведением, заикаясь и не переставая извиняться, не попросили меня выйти и не мешать их уборке. Немного сконфуженно, я заторопилась к выходу из просторного зала. Поиски уединения привели меня во двор.

Поле для квиддича пустовало, тренировки сегодня не намечалось, а стало быть, тут сейчас было самое тихое место в Хогвартсе. Устроившись на трибуне, я вновь впала в раздумья. Мои мысли блуждали, то и дело возвращаясь к отцу, которого я никогда не знала, и тени, охотившейся за мной.

Во мне зрело дурное предчувствие, будто она и эта древняя машина ждала меня долгие годы, чтобы начать притягивать к себе. Может то, что моих родителей так пугала моя поездка в Хогвартс не лишено смысла? Возможно, я была бы намного счастливее не зная всей правды. «Нет», — взъерошив волосы руками, я отогнала эту мысль.

Если бы не школа я никогда бы не обрела таких друзей... Не узнала бы Тома... Да, Том, — машинально стискивая зубы, я вновь трянула непокорной гривой, силясь не расплакаться. В надежде нащупать носовой платок, я залезла в карман, но, ткань, которой коснулись мой пальцы, была подозрительно мала. Мне не стоило больших усилий узнать темный кусок материи, оторванной в неравной борьбе моим проводником из семейства кошачьих на чердаке. По правде сказать, я давно забыло о его существовании, как и о той мантии, от которой он был оторван. Комната в доме на окраине Хогсмита всплыла в голове яркой картинкой и я аж подскочила на деревянной скамейке, обуреваемая догадками. Ну конечно, вот где могла быть недостающая страница книги. Возможно, она находилась в руках моего преследователя, прежде чем я смогла добраться до нее. Что же это значит, что мне нужно побывать там вновь и желательно в то время, когда никто не сможет помешать.

Я, конечно, понимала, что все звучит просто лишь на словах, на самом же деле проникнуть в дом волшебника, даже если там и нет никакой особой охраны, да к тому же вдоволь порыться

в его вещах и уйти незамеченной не только для хозяев дома, но и для всех в замке и деревушке почти невыполнимо. Разве что... вряд ли кто обратит особое внимание на маленькую летучую мышь...

Довольная собой, я поднялась с отсыревшей трибуны, собираясь подробней обдумать план в своей комнате, когда заметила, что являюсь объектом наблюдения внимательных глаза, скрытых под сенью деревьев, плотным кольцом окружающих квиддичное поле.

— Это не лучший выход, Том, — не оборачиваясь, кинула я.

— Ты стала телепатом? Просто читаешь мои мысли, — холодным тоном осведомился он, выходя на свет.

— Ты следил за мной?

— А что мне остается делать? Ты же запретила приближаться к тебе, — делая шаг в мою сторону, продолжал рассуждать он.

— Поверь, так лучше.

— Я не умею верить словам, — беззвучно прошептали его губы.

— Тогда верь мне, — в страхе отстранилась я, чувствуя, как за всегда спокойными глазами, собираются грозы.

— Почему? — будто лезвием ударил меня его дрогнувший голос.

— У меня нет сердца... Благодаря тому, что моя мать не прошла обряд, я не испытываю жажду извлекать чужие эмоции, но это отнюдь не означает, что я человек.

— Это глупость.

— Нет, не глупость. Ты когда-нибудь слышал, чтобы существо без сердца было способно любить? — я отвернулась, прячась от бури в его душе, так тяжело навалившейся на меня шквалом эмоций.

— Мне плевать кто ты: человек или дементор. Если надо, я готов умереть от твоего поцелуя — грустно пошутил Том касаясь моих пальцев.

От его слов меня передернуло, ожесточенно кусая губу, я развернулась к замку.

— А я не готова... Я не готова быть тем, кто есть. Я не хочу быть собой. Кем угодно, но только не собой.

— Тогда благодари создателя, что не дал тебе сердце, ты и не представляешь, как ужасно, когда его разбивают.

Сгибаясь под тяжестью его и своей боли, я шла по прямой, в погоне за единственным порядком точной линии, успокаивающий хаос царивший внутри. Мои глаза были пусты, как и грудь, я шла, не видя и не слыша ничего вокруг. Если Том и окликнул меня, то стена, возведенная вокруг, не дала проникнуть этому звуку.

* * *

«Тридцать три метлы на голову и богарта в матери тому, кто это придумал!», — чертыхалась, я облетала зачарованные свистки, невидимыми гирляндами развешенные по всему дому.

— Хорошо, что у летучих мышей развита эхолокация и нам не обязательно видеть предмет, чтобы его чувствовать, — радостно взвизгнула я, чуть было не врезавшись от счастья в запертую дверь.

В прошлый раз комната с шкафом, где хранилось облачение моего преследователя, не была заперта, но на это раз на двери красовался отчетливый отпечаток чужой магии. Зависнув в воздухе, мне пришлось решить для себя дилемму — «Быть или не быть». Если проникнуть внутрь, то хозяева дома узнают о моем пребывании. А если нет, то придется навечно остаться в неведение...

В комнате ничего не изменилось со времени моего последнего пребывания, и она по-прежнему казалась нежилой. Найти в таком беспорядке что-то, да еще в короткие сроки было,

конечно, не возможно, но я почему-то точно знала, где следует искать. Не секунды не сомневаясь, я распахнула старый шкаф и, придерживая грудку вывалившихся оттуда мантий, стала ощупывать пальцами доски верхней полки пока не почувствовала шершавую поверхность сложенного вдвое пергамента. Отступив назад и позволив вороху одежды упасть на пол (какая теперь уже разница?), я прошла к маленькому бюро и развернула на его крышке вырванную из книги «дементоров» страницу.

Линии и пересечения чертежа заставили меня невольно содрогнуться. Пугал не столько схематичный вид рисунка, сколь масштабы механизма передо мной. Устройство размером соизмеримое лишь с самим замком. Да, Хогвартс и есть этот самый механизм. Вся школа и была тем пресловутым устройством, описанным в книге. Каждая из четырех башен являлась опорой, а фундамент — сердцем машины, соединившей в себе все знания магглов и магов на момент своего создания. Что бы это ни было, в этом устройстве хранилась воистину страшная сила. Не зря создатели настолько испугались своего творения, что сделали все, дабы он не заработал и наложили запрет на маггловские устройства и, магию накладываемую на вещи из их мира. Но главное, что было на чертеже, это четыре хода ведущие внутрь безумной машины.

* * *

«Как меня только так угораздило?» — думала я, бредя в замок с очередной тренировки по квиддичу.

— Ну, не так уж все и плохо, — пыталась поддержать меня Пини, идущая рядом.

— Для капитана команды мне слишком часто заезжают квафлом по носу.

— Зато, Морисон больше не падает с метлы, а Китч сумел отбить бладжер целых два раза.

— Пока третий не утащил его в кусты, — вздохнула я. — Это безнадежно. Такое впечатление, что я капитан тонущего корабля.

— Да нет же. Команда Гриффиндора никогда не блистала, это приходится признать. К тому же, никто не ждет от тебя чуда.

— Потому что я девушка?

— Ну да, — краснея, подтвердила Цециль. — Зато ты первая девушка ставшая официальным игроком и даже капитаном команды.

— Потому как никто другой не хотел браться за это безнадежное дело, — подвела итог я.

— Ладно, сменим тему. Ты знаешь, что после болезни ведешь себя несколько странно?

— Правда?

Не думала, что это кто-то заметил.

— И Том к слову тоже, — кивнула Пини, садясь на ступеньки перед парадным входом.

— Да?

«Признаться, я почти не видела его за последнюю неделю» — размышляла я. Наверно, я весьма эгоистична. Я полностью ушла в прошлое, то, что я не могу жить, как раньше не означает, что и все остальные больше не живут.

— Циль, ты это к чему?

— К тому, что он как раз идет к нам и на его лице будто отразилась громовая туча.

Убегать было уже поздно. Тому все же удалось застать меня врасплох. Собрав все силы, я сосредоточилась на одной точке, стараясь не выдать эмоций, вызванных его присутствием.

— Идем, это надо сделать быстро, — процедил сквозь зубы он, больно сжимая мое запястье.

— Что? — пытаюсь высвободить руку, спросила я.

— Потом, все объяснения потом, — лишь отмахнулся он, еще крепче сжимая пальцы.

— А повежливее нельзя? — воспротивилась я.

— На это нет времени, — не обращая внимания на протесты, почти поволок меня за собой Том.

Я старалась поспевать за его быстрым шагом, покорно петляя по коридорам подземелья следом за Томом. Наш путь увенчала разверзнутая пасть змеи, высеченной в камне. Тихо что-то прошептав над ней, Том открыл проход, темные ступени коего вели вниз и оканчивались в небольшой пустой комнате. Помещение было холодным и сырым, наверно, оно находилась на территории Слизерина, так как раньше я его не видела.

— Что мы тут делаем?

— Даем нам последний шанс, — все также избегая моих взглядов, ответил Том, зажигая свечи по краям начерченной на полу пентаграммы.

С секунду я наблюдала за его действиями, прибывая в пологом недоумении, пока мой взор не упал на раскрытую книгу лежащую у его ног.

— Когда ты взял ее? — опускаясь перед знакомым трудом Седрика Гриффиндора, спросила я.

— Я не брал ее, — она всегда была у меня.

— Что?

— Это копия с той книги которую ты хранишь у себя в комнате, ее создали 19 лет назад, — продолжая производить манипуляции над магическим кругом, как бы между прочим отвечал Том.

— Получается ты все это время знал о «Слезе дементора».

— А как ты думаешь, мы получили знания о трех непрощаемых заклятьях? — оборачивая ко мне побледневшее лицо, спросил Том. — Я нашел эту книгу на первом году обучения, тогда я, как теперь Пинс помогал в библиотеке.

— Ты не мог ее найти просто так, кто-то подкинул ее тебе, как и мне, — возразила я.

— Это уже не важно, сейчас важен только один вопрос, который я уже не раз задавал тебе. Ты готова довериться мне?

— В чем?

— Ты веришь, что я никогда не причиню тебе сознательного вреда? — встав на колени, чтобы сравняться со мной, спросил он.

Не думайте, я не безумна. Просто я люблю:

— Да прошептала я.

— Тогда сожми мою руку и, чтобы ни произошло, не отпускай ее.

Только сейчас я обратила внимания, что нахожусь вместе с Томом в центре пентаграммы, вокруг которой полыхали девять фиолетовых свечей. В едином ритме, повторяя слова, знакомые мне по книге, Том коснулся моей груди, а другой ладонью сжал пальцы.

— «Мне не надобно прощенья, именами трех взываю. Там где не было биенья, я часть сердца возвращаю. Пусть единой цепью станет, то, что создана порознь. Именами трех вызываю, страх пусть там не станет рознью. Безвозмездно и надежно на какие-либо блага, отрекаюсь от частицы, пусть забьется в новом маге».

— Том нет, — хотела было вырвать руку я, но он не позволил, продолжая повторять заклинания. — Это того не стоит, прекрати сейчас же! — Все также стараясь высвободиться, умоляла я.

Но заклинание было уже произнесено трижды и свечи вокруг стали кружиться, подчиняясь древней силе, нарастающей вокруг нас. Волшебство начало действовать и оставшиеся четыре круга уже нельзя было разорвать.

* * *

— И куда ты улетела? — на лице Тилис застыла провокационная мина.

— Никуда, — отвернувшись от рассерженной моим невниманием подруги, ответила я.

Учебный год подходили к концу, а предстоящие экзамены С.О.В. загнали всех учеников за учебники в доселе пустовавшую библиотеку. Поэтому мы сменили наше обычное место встреч, переместившись на ступени перед парадным входом замка.

Весна уже полностью вступила в свои права, и лишь легкий холодный ветерок напоминал, что сейчас первый месяц, как земля распрощалась с зимой. Зонк и Пини оживлено беседовали, кажется, все-таки Цециль не такой уж стойкий оловянный солдатик как хотела всем казаться. Лукас неловко пытался ухаживать за Помфри, а она также неловко пыталась намекнуть ему, что это ни к чему, и при том не обидеть его чувств, а я... Я теперь очень хорошо понимала что, значит иметь сердце. Впрочем, теперь оно у меня было. Уже две недели я учусь жить с ним внутри и это отнюдь не просто. Оказывается, ощущать его биение и знать, что оно просто существует это то, чему нельзя научиться сразу. К тому же, я еще к нему не притерлась. Восемнадцать лет кусочек плоти, так яростно обживающей мое тело, принадлежал другому человеку, и теперь с ним надо свыкнуться. Самое первое, что я почувствовала, когда оно забилося — это боль. Я никогда не испытывала такой сильной боли. Она была намного сильнее, чем физическая и страшнее любого знакомого мне доселе страха. Я даже не подозревала, сколько страданий живет в душе Тома пока он не наградил меня частью себя ...

Тем днем он так ничего и не объяснил, просто исчез и я не могла его разыскать, как не старалась все эти четырнадцать дней. Толи он хотел наказать меня, толи действительно сделал самый большой подарок на который способен, но раскрыть мотивы своего поступка Том явно не собирался. День за днем его отсутствие начинала беспокоить меня все сильнее. Том не посещал занятий, не выходил в столовую, не навещался ни в библиотеку, ни во двор Хогвартса. Создавалось впечатление, что он и вовсе покинул школу. Как назло, мое новое сердце прибывало в постоянном волнении, раздирая душу и внося в него смутную тревогу — происходит нечто ужасное и я уже навряд ли смогу это остановить.

— Титучи где ты? — легонько встряхнул мое плечо Лукас.

— Да, — кивнула я, приходя в себя. — Мне нужно отлучиться, кое с кем поговорить.

Резко поднявшись, я заспешила назад в замок.

В моей комнате все еще хранился кусочек корня безлапого куста, а извлечь из него сок, как учил нас мистер Креммбери, не составило большого труда — «Растение поможет увидеть вам то, что не видимо для обычного глаза».

В выборе территории я почти не сомневалась. Не зря Том оказался в подzemельях вечером того дня, когда я убегала из архива. Осталась теперь только пройти по тому отрезку пути, чтобы найти тайный ход в гостиную Слизерина.

Заклинание мне не потребовалось, со мной была ведьмина печать, для которой не существовало замков и преград. Стоило коснуться ей тонкой, почти не различимой полоски на стене, как она отъехала в сторону, пропуская меня внутрь.

Гостиная, оформленная зелеными и лиловыми набивными тканями, была уютной и нарочито торжественной. Несколько девушек, лет шестнадцати, сидящие за учебниками в глубине комнаты, настолько оживлено обсуждали какую-то невероятно интересную новость, что даже не заметили моего присутствия. Я же, воспользовавшись моментом, проскользнула к лестнице, ведущий в спальни. На комнате мальчиков красовалась маленькая табличка с выбитой золотом змеей, свившейся в клубок, и дверной молоточек, нагло проигнорированный мной. Когда я заглянула внутрь то ожидала увидеть что угодно: начиная от истерзанного страшным проклятьем тела и заканчивая обезображенным трупом, скрытым по какой-то причине ученикам Слизерина, но моему взору предстал лишь яркий силуэт на фоне окна склонившейся над книгой. Первое ощущения облегчения сменилось злостью. Я так волновалась за него, а он жив, здоров и читает книжки!

— Том, — реакции не последовало.

— Том, — повторила попытку я, делая шаг навстречу.

— Тебе не стоило приходить, — тщательно проговаривая слова, ответила темная тень, откинувшись назад.

— Я волновалась и хотела тебя видеть.

— Ты увидела, а теперь уходи, — слова явно довались ему с большим трудом.

— Что с тобой? — в одном порыве я пересекла часть комнаты.

— Я больше не властен над тем, что творю.

Его плечи сотрясались в безмолвной судороге. Вся моя печаль, гнев и ненависть, все эти чувства исчезли при виде его. Он плакал. Я подошла к Тому почти вплотную,

— Уходи, — голос Тома вновь был холоден и сдержан.

— Это слезы? — спросила я, касаясь его руки.

— Уходи!

— Я не уйду, — мои пальцы сжали сотрясающиеся в судороге плечи, а глаза силились заглянуть ему в лицо. В его бледности всегда был отпечаток некой грусти, но то, что я увидела сейчас, заставило сжаться мое новое сердце. Глаза Тома были закрыты, а по щекам шли тонкие прямые серые разводы, теряясь в глубоких и свежих ранах. Почти все лицо было изуродовано порезами, будто кто-то очень старался превратить его в месиво. Я села на колени перед Томом, пытаюсь стереть кровавые капли. Он не сопротивлялся, но его глаза все также были закрыты, а выражение стало совсем отстроенным.

— Зачем Том? — каждый сантиметр моей кожи сводило от боли при прикосновениях к этим ссадинам. — Посмотри на меня, — я уже не была в силах говорить ровно, мне самой хотелось всхлипнуть, но это было бы не честно в данный момент помощь нужна ему, а не мне.

— Не могу видеть тебя, — его голос был тихим и подавленным, а по щеке вновь заструилась серая слеза.

— Почему? — я подхватила губами соленую каплю.

— Я уничтожу тебя, я уничтожу все, что мне мешает, — безмолвный крик отчаянья вырвался из его груди.

По моим щекам тоже струились слезы. В панике я искала его глаза, все еще опущенные веки отделяли меня от них. Казалось, Том вновь обрел себя и просто сидел, позволяя моим рукам касаться его лица.

— Боже не молчи, — мое отчаянье была на грани рассудка и безумия. Я все также пыталась добраться до его глаз, мне было необходимо увидеть его взглядом, понять его мысли.

— Зачем ты приехала? — это звучало как обвинение. — Я не знаю, чего я хочу, когда рядом с тобой.

— Том, о чем ты? — ресницы под моими руками дрогнули.

— До тебя мне ничего не было нужно от окружающих, это всегда была игра... я просто вертел ими как мне вздумается. Но ты, — я почувствовала его дыхание на своем лице, а глаза еще минуту назад закрытые теперь уверенно смотрели внутрь меня. — Ты... не буду скрывать, я хотел власть над тобой. Ты была лучшим моим соперником... Такая невинная, и такая любопытная.

Я почувствовала волну боли внутри, теперь мне самой хотелось скрыться от этого взгляда, такой холод сквозил в нем.

— И я получил то, чего хотел, — его лицо покраснелась, а серые борозды снова стали влажными. — Но только я ошибался, это ты получила власть надо мной. Мне больно каждый раз, когда я смотрю на тебя. Мне хочется убить самого себя из-за каждой твоей слезы... я даже не знал, что у меня что-то есть в груди пока не встретился с тобой... и я еще пытался научить тебя боли, а ведь это мне пришлось взять у тебя урок. Я уничтожу тебя... или ты уничтожишь меня, третьего не дано, — почти прошептал он.

— Не верю, — отрицательно покачала головой я.

— Да? — Ты даже и не подозреваешь, насколько была близка к смерти.

— О чем ты? — было в тот момент в лице Тома что-то настолько отталкивающие и решительное, что я уже через секунду пожалела о заданном вопросе.

Но он молчал, не спеша с ответом, когда же вновь заговорил, то старался смотреть сквозь меня.

— Тогда на крыше тебя пытался столкнуть не Эван, это был я.

— Что? — мой голос предательски задрожал.

— Эван был слишком далеко от тебя, — продолжал Том. — Он при всем желании не мог этого сделать, а для меня все было проще простого.

— Я не хочу тебя слушать! — побелевшими от напряжения пальцами пыталась заткнуть уши я.

— Ну, ты же хотела знать! Тогда на озере, Эвана и вовсе не было, зато был я. Мне почти удалось убить тебя, так близок я еще никогда не был. Но ты каким-то образом карабкалась и барахталась в ледяной воде еще минут пять, улети я достаточно далеко, чтобы не слышать твоих криков ты бы утонула. Два демона не могут сосуществовать, разве ты не знала?

— Том...

— Теперь я не смогу причинить тебе вреда, мы связаны единым сердцем. Если умрешь ты, я тоже могу умереть, а демон не допустит смерти носителя. Прости, но у меня не было другого способа обезопасить тебя иначе рано или поздно мои попытки увенчались бы успехом.

— Нет... ты наговариваешь на себя. Тебе просто страшно, — я сжала его запястье, пытаюсь привлечь внимания. — Скажи мне, ты ведь просто испугался.

— Страх не имеет ничего общего с этим, — внезапно Том вывернул мою руку. — Это скорее боль. Каждый раз, когда ты рядом, мне невыносимо больно, до безумия, но когда тебя нету становиться еще хуже. Я наверно действительно схожу с ума, — громкий, почти кричащий голос снова перешел в шепот. — Но я ищу тебя повсюду, в каждом осколке, что остался от моего сердца.

— Отпусти. Отпусти мне больно, — вскрикнула я.

— Я же говорил — «лишние чувства ведут к боли», — будто впадая в забытья, отвернулся он.

* * *

Иногда очень трудно думать, вот и мне сейчас было сложно это делать. Я просто брела по дорожке вокруг замка и надеялась, что все само собой уложится в моей голове. За последние месяцы меня постоянно преследовали, я была свидетельницей убийства, сама убила человека и чуть было не стала поводом гибели еще одного, выяснила, что мой отец дементор наделил меня вместо сердца демоном, который рано или поздно приведет к моему уничтожению, а в довершении всего меня трижды пытался убить человек которого... которого... я почти упала, плашмя хватаясь за стену замка. Нет! Так не должно быть! Вся эта мерзость, весь этот замок построенный на механизме способном повернуть вспять все живое. Этого всего не произошло если бы его не было. И я, и Том были бы обычными людьми, мама не сошла бы с ума, мой первый настоящий отец не погиб бы такой ужасной смертью...

Где бы не находилась эта адская машина, я ее найду! — С глухой решительностью произнес мой голос. К тому же, чертеж, что я нашла в комнате мисс Фигг, весьма в этом поможет.

— Титучи? — это был голос Пини, мне стоило больших трудов, чтобы сфокусировать свой взгляд на ее расплывавшемся лице.

— Родная, с тобой все в порядке? — в ее тоне звучала искренняя забота и волнение.

— Да, — с трудом приподнялась ей на встречу я. — Что-то случилось?

— Нет, — ответила, опускаясь рядом со мной на землю Цециль. — Просто мы все разволновались, когда ты не явилась на тренировку перед матчем. Ведь после отъезда Майлза некому возглавить команду.

— Боюсь, из меня сейчас плохой капитан, — возразила я.

— Ну, другого у Гриффиндора нет.

— Ладно, я сейчас, мне только надо найти профессора Зельеваренья и я сразу приду на тренировку, — согласилась я, поднимаясь с травы.

— Мистер Бальбети сейчас должно быть в учительской, — протягивая руку, согласилась Пини.

— Кто такой мистер Бальбети? — схватив ее руку, переспросила я.

— Ну, ты же сама сказала, что хочешь найти учителя Зельеваренья.

— Да, только я имела в виду мадам Истель, сестру Арбеллы Фигг.

— Правда? Знаешь, я учусь здесь седьмой год и единственный профессор Зелеваренья, преподающий в Хогвартсе это Гримкус Бальбета, к тому же я точно знаю, что у мисс Фигг нет никакой сестры.

Глава 16. «И стены заговорят...»

Не судите, но будьте готовы к тому, что будут судить вас.

Последняя игра сезона была самым главным событием школьного года. И все ждали ее так, будто весь год являлся лишь прелюдией к этому дню. Гриффиндор не вышел в финал, но впервые за семь лет перебрался с четвертого места на третье. Друзья хором убеждали меня, что это случилось лишь благодаря тому, что я взяла лидерство в команде на себя. Но я-то точно знала, все решило то, что ребята из Слизерина хоть и были наслышаны обо мне, недооценивали способность девушки играть в квиддич. Счет с большим перевесом в пользу Гриффидора скорее обескуражил, нежели расстроил их.

Все разговоры в замке, так или иначе, сводились к предстоящим событиям, причем эта тенденция наблюдалась не только у учеников, но и у учителей. За неделю до матча все, они не обращая внимания на строжайший запрет, сменили простые черные мантии на яркие, выкрашенные в цвета факультетов и команд. Теперь таких колледжей как Гриффиндор и Слестерин больше не существовало, по коридорам разгуливали лишь ученики Рейвенкло и Хаффлапафа. А выше всего голову держали довольные Пини и Помфри, вставшие во главе групп поддержки команд. Я тоже ждала игры, назначенной на пятницу, но вовсе не потому, что хотела поболеть на поле. Во время соревнований Хогвартс будет пуст, даже директор уйдет на матч, а, следовательно, никто не помешает моим поискам.

Придя на трибуны пораньше, я заняла место с краю в первом ряду из расчета незаметно улизнуть, когда все будут захвачен игрой. Так и получилось. Табло яркими искрами показывало ничейный счет, и болельщики, не смея даже дышать, наблюдали за ловкими финтами Кайла Вуда и не менее удачной игрой Метью Квири. Я же уже открывала тяжелую входную дверь, погруженного в нарочито торжественную и мрачную тишину замка.

* * *

Я не знала куда идти, но догадывалась, что мне нужно на лестничный проем на котором, раздвоившись, пропала мисс Фигг. В моей вспотевшей руке была зажата единственная вещь, помимо волшебной палочки, которую я взяла с собой. Ведьмина печать. А дальше все произошло почти мгновенно, мне даже не пришлось искать уступ, куда следовало бы ее приложить. Стена сама провалилась в черноту, открывая проход где за тьмой таилось что-то живое и воистину устрашающее. По всему телу бегали мурашки, когда я сделала шаг вперед. В ушах зазвенел крик, и я с ужасом поняла, что он принадлежит мне. Перед глазами проносились лестницы и коридоры пока мои ноги не утонули в клубящемся паре, а стены вокруг не засветились так, будто их соткали из огня. Место, где я оказалась, вряд ли можно было назвать залом, таких больших залов просто не бывает. Это было само основание Хогвартса, фундамент, твердыня, называйте как хотите, и посреди всего этого находились самая огромная стрелка, меряющая не минуты и секунда, а вечность, пробегая по краю вихря из первобытного хауса. По краям воронки высились четыре колонны, увенчанные символами школы и каждый зверь смотрел в противоположную сторону, будто боялся встретиться взглядом со своим собратом.

— Правда странно, что они никогда не смотрят друг на друга?

Змейка нещадно впилась в мое запястье, оставляя глубокий, заполняющийся кровью след.

— Наверно, в этом есть смысл, — удивляясь, что все еще в силах говорить, ответила я.

— Наверно... Ты пришла, чтобы разгадать загадку?

— Да, — я опустилась на колени, так как ноги больше не держали меня

Она появилась в наряде, в котором я привыкла ее видеть последние пол года, но маска мисс Фигг больше не скрывала ее истинных черт.

— Этот замок и есть самая страшная тайна, которая только может быть в волшебном мире. И когда придет время последней битвы, ее будут вести именно за это место. Не только за умы и души учеников, но и за страшную машину, которой на самом деле является Хогвартс. Тебе никогда не казалось странным, что мир магглов и волшебников так тщательно разделен? Почему так строг запрет на маггловские вещи и почему их нельзя заколдовывать? Всею виной она, — рука матери коснулась одной из колон. — Первый и единственный механизм, созданный на основе знаний двух миров. Седрик Гриффиндор и все остальные понимали, какую адскую вещь создают, но они были ослеплены величию замысла. Самое идеальное волшебство... Всею виной тщеславие! Даже тот обряд был создан из-за него. Быть лучшим, добиться таких высот, когда колдовство будет идеально чистым. Знаешь, что им не давало покоя? Волшебные палочки, они не хотели колдовать с помощью каких-то деревяшек и травяных супов. Но с возрастом Седрик и сам уверовал в свое великодушие и чистоту помыслов, которое ему приписывали все. И когда он сказал, что собирается рассказать, к чему приводит обряд, их компания распалась. Салазар решил, что тот просто струсил и пошел своей дорогой, а остальные поддержали Гриффиндора из страха, который все больше овладевал их душами, перед мощью механизма. Обряд запретили, а об истинном предназначении четырех башен Хогвартса забыли. Но существовала книга, так сказать предсмертные оправдания Седрика Гриффиндора. Он надеялся на отпущение грехов, — хихикнула она, прикрывая глаза. — К тому же существовал замок, каждый год наполняющийся тысячами невинных душ. За это время он стал более живым, нежели портреты, развешанные на его стенах. И камни заговорили. Им надоело спать...

— Мама, о чем ты?

— Такие как мы либо сходят с ума, либо превращаются в безмолвных тварей. Но не ты... Замок знал, что делал, когда подбросил эту книгу твоему отцу. Стены понимали, что только тот, кто будет сильнее крови, текущей в его жилах сможет дать им голос.

— Мама, — в моих глазах стояли слезы, — опомнись, это всего лишь строение.

— О нет, это настоящее чудовище. Ты не слышишь его голос. Все дети тех, кто прошел обряд и их дети и дети их детей, рано или поздно становятся жителями больницы Св. Мунго или Азкабана. Но об этом все молчат, все... Это настоящий заговор молчания и никто не хочет признаться даже самому себе в том, что происходит вокруг. Замок вновь ожил. А для него не существует понятия зла и добра, он холоден, как камни, из которых построен, и никто не знает, какова будет его воля. С черной магией надо бороться не там за его стенами, а здесь. Дети, вот в чем сила замка, он найдет способ направить их по пути удобному ему. А Хогвартсу нужны подобные нам... люди с демоном вместо сердца. Все мы живем по двойному закону. Одна наша часть это мы, а вторая это демон, живущий в нас. И есть только один способ положить конец всему этому.

Я не хотела спрашивать какой, клянусь небесами, я не хотела, но мои губы сами произносили слова:

— Какой?

— Запечатать жерло навсегда..., — ее глаза были полны слез. — Именно поэтому я и родила тебя, но когда ты появилась на свет, я поняла, что не смогу этого сделать. Каждый раз, в очередном приступе безумия, я боролась с собой. И благодарил Мерлина, когда выяснилось что ты не волшебница и никогда не ступишь в Хогвартс.

— Но он не оправдал твоих надежд, — закончила фразу я. — И ты последовала за мной в замок, чтобы не дать свершиться его воле, а обезвредить тем же оружием, которым хотел повелевать он.

— Мне жаль, — мама почти вплотную подошла ко мне ласково, как когда-то, проводя рукой по волосам. — Мне так жаль, моя дорогая.

— Неужели это единственный выход?

— Отдать тебя на откуп этому монстру было бы куда ужасней, — пожала плечами она, с неожиданной силой разворачивая меня к вращающейся центрифуге. — Поверь, так будет лучше.

— Нет, — вскрикнула я, пытаюсь, балансировать на крае.

— Поверь мне, ты не сможешь жить с ним, рано или поздно демон поглотит тебя, — спокойным голосом увещевала меня мать.

— Я хотя бы попытаюсь, — цепляясь за одну из колон, продолжала сопротивляться я.

Но я была слабее, и не только телом.

— Мама, как ты можешь? — я все еще отказывалась верить, что руки матери толкают меня, а она молчала, в то время когда я отдала бы все, чтобы просто сойти с ума и не понимать весь ужас происходящего. Мои пальцы все также инстинктивно сжимали камень, но я уже не хотела спастись. Мне просто было все равно, когда кто-то стал тянуть меня из вихря уже касающегося моих волос. Теперь меня уже разрывали на части две пары рук тянувших в разных направлениях, когда как во мне подымался гнев. Злость яростным потоком сметала все эмоции — «Почему я?».

— Нет! — внезапно я поняла, что теперь вешу в воздухе прямо над воронкой, а две фигуры так отчаянно пытавшиеся меня разорвать, скованы разлившейся по мне силой там внизу.

— Это сделала я? Так не бывает... — в моем сознании начиналась истерика, и это не улучшало ситуацию, пока все не отступило. Впервые я на самом деле увидела, что теперь находиться внутри меня и отпустила это.

Умирать наверно не больно? Мне не было страшно... Но он мне не дал этого сделать, сила, равная моей и сродни ей тянула меня из воронки наверх.

— Я никогда не позволю тебе умереть, — его мысли, как мои, звучали в ушах.

— Если только сам не захочешь, — грустно пошутила я, ощущая под ногами твердые камни.

— Должен же быть у меня достойный противник...

— Не дождешься...

— У нас теперь не только сердце, но и сила одна на двоих? — безуспешно пытаюсь подняться на ноги, спросила я.

— Если свихнусь раньше, ты знаешь что делать, — сарказм в его голосе отдавал болью.

Я не хотела брать его руку, но все же оперлась, подозревая, что ноги еще не готовы меня слушаться. В глазах было темно, но я слышала, как где-то рядом всхлипывает моя мать. Первым моим порывом было кинуться к ней, но Том меня остановил:

— Нам лучше отсюда уйти.

Я согласно кивнула, позволяя ему вести себя к двери. Мы уже пересекли грань перехода, на сей раз выведшего нас не на лестницу, а в потерянную гостиную гриффиндора, когда я услышала этот звук. Визжащий скрип, как будто кто-то проехался ногтями по стеклу. Еще шаг и мы стояли по ту сторону зеркала, которое на наших глазах разлетелось на кусочки под напором мощи идущей нам вслед. Том отлетел в сторону, в то время как я каким-то образом все же осталась на ногах. Я слышала гул и знала, что следует из глубин перехода — третье не прощаемое заклятье. Оно гналось не за мной или моим спутником, оно просто волнами расходилась от окончательно сошедшей с ума женщины, старающейся пройти через каждый осколок разлетевшегося стекла.

— Она безумна, останови ее, — неестественно кашляя, прохрипел почти не узнаваемый голос Тома.

Повернувшись к нему с гневным взглядом, полным презрения, и словами — «Она же моя мать», я осеклась. Из его горла сочилась кровь, а взор уже почти опустел.

Тошнота поднялась к горлу и я захлебнулась ей, мир вокруг рухнул и погреб меня за компанию под своим весом. Когда я выхватила волшебную палочку, то знала что делаю, но перед моими глазами было лишь лицо Тома и странный, мутный взгляд матери которым она смотрела на меня там у машины. Я лишала себя последнего шанса увидеть ее и лишала ее последнего шанса убить меня.

— Ле мури...

* * *

Я заканчивала собирать свои старенький саквояжик, с которым приехала сюда, страшно сказать, почти год назад, когда в дверь постучали.

— Можно? — Мисс Фигг застыла в дверях, ожидая моего ответа.

— Да, конечно, — не то что бы я хотела начинать этот разговор, просто давно смирилась с его неизбежностью.

— Твою мать так и не нашли, — сказала она, тихо присаживаясь на край кровати. — Но я думаю, ты уже знаешь об этом.

— Там где она сейчас ей будет лучше, — уверено кивнула я, не поворачивая головы. — Но вы ведь не за этим пришли.

— Я пришла покаяться...

— Это излишне, — щелкая замком, оборвала ее я. — Теперь все закончилось.

— Нет, все только начинается... Мне кажется, все произошло так, как он и планировал.

— То есть?

— Не знаю, но все было слишком просто. Так легко у дьявола не выиграть.

— Дьявола?

— Так называют воплощения зла магглы, — улыбнулась профессор, видя непонимания в моих глазах. — Ты в своем роде тоже дьявол, и это всегда будет преследовать тебя и твоих потомков. Просто надо научиться пользоваться своим преимуществом. Не стыдись, а гордись этим. Именно об этом хотела сказать тебе мать, когда дарила браслет змейку. Это символ кары, защитник и агрессор в одном лице.

— Вы все знали, — это мысль, словно молния, пронзила меня изнутри. — И вы не помешали этому? Все могло быть иначе...

— Нет, не могло, — мисс Фигг покачала головой, рванув ее на руки. — Я никогда не смогу извиниться перед тобой и не оправдываю себя за это. Но я не о чем и не жалею. Тогда, много лет назад, когда я также как и ты, плутала по коридорам замка не в силах спасти ни себя, ни своего брата, ни девушку, которую он любил, я поклялась себе, что больше никогда не буду слабой. Все, чего мы хотели, это, чтобы стены заговорили. Так что я дала безмолвное согласие, в надежде разрушить этот заговор молчания.

— И что же? Разве это оправдывает жестокость? Я не виню вас за себя, но остальные...

— Жестокость? — она горько усмехнулась. — Нет, я спасаю жизни. Воля единственный путь к выживанию.

— Даже если она злая? Три заклинания, не так ли? Они из книги «Дементоров», я нашла их там. Никто не открывал книгу Седрика Гриффиндора за последние 18 лет. Откуда появилась переписная от руки копия?

— Кому, как не нам шестерым знать, что выживает сильнейший...

— Значит все же вы.

— Это единственный способ спасти их... Я выбирала самых талантливых и давала им силу бороться со злом, пусть даже при помощи зла. Разве они, эти три заклинания, не спасали тебя? Признайся, разве ты смогла бы выстоять без знаний, что передал тебе Том?

— Вы, как и Седрик Гриффиндор считаете, что мы не в праве вас судить? Но так уже повелось, что поколение, живущее сегодня, судит тех, кто был вчера, причем по самой строгой мерке. Нет, я не буду этого делать. За меня это сделают другие. А пока просто объясните, почему прятали мою мать, в то время когда отец искал и пытался вернуть ее назад? Он мог бы все это остановить.

— Твой отец хороший человек, но он не был способен понять ее, а я понимала... она тоже потеряла моего брата... свою любовь... А об остальном я и не догадалась, когда же поняла, было уже поздно. То, что произошло много лет назад, изуродовало нас каждого по-своему. Твой отец

старался все забыть и стал заложникам молчания наподобие остальных. Он ведь даже не сообщил о пропаже твоей матери, не смотря на опасность, которая могла грозить ей. Мой брат превратился в дементора и погиб в попытке заговорить, будучи уже немым. Я же стала одной из заложниц замка, пытаюсь спасти тех немногих, кого могла. А твоя мать сломалась под тяжестью бремени. Она распалась на части, одна из которых пыталась спасти тебя, следуя материнскому инстинкту и воли замка, а вторая убить, дабы положить конец всему этому.

— А пятый?

— Что?

— Как это отразилось на пятом?

— Он принял замок...

— Тогда ответьте на последний вопрос, думаю я в праве знать: если это не вы, то кто же тогда подкинул мне книгу? Да и не способны вы скрывать все об обрядах в лесу одна... чего еще я не знаю?..

— Разве это имеет значения?

— Имеет. Вам хотелось, чтобы тайна стала достоянием общественности, и в тоже время скрыть страшную игру, что сами начали среди учеников. А чего хотел тот, кто помогал вам в вашем безумии?

— Так ты поняла.., — она согласно кивнула. — Да, я тоже ношу демона, но не настолько безумна, чтобы нажить себе еще одного врага...

— Ты готова? — спросил Албус Дамблдор, заходя в мою комнату.

— Да, — кивнула я, беря в руки свои чемодан. — Только вот попрощаюсь и...

— Буду ждать тебя у дверей замка, — ободряюще улыбнулся преподаватель.

Я обернулась, собираясь закончить разговор, но мисс Фигг больше не было в комнате. Единственное что я успела заметить это хвост черной кошки мелькнувший в окне.

«Возможно, это к лучшему», — подумала я, открывая дверь, «не смотря ни на то что, она моя тетя и вряд ли мы еще когда-либо сядем выпить чаю...»

* * *

Тилис, Цециль, Зонк и Лукас ждали меня внизу, у лестницы в холле. Я не знала, как подойти к ним и знала, что как только это сделаю начнется наша разлука. Так я и стояла на ступеньках, смотря на них, а они смотрели на меня. Каждый из нас знал, что это не на лето, не на год и даже не на пару лет, а на очень долгое время. Что мы не будем писать друг другу, и не будем летать к друг другу в гости. Между нами навсегда легли события, после которых нельзя просто сказать, — «привет».

— Ты в курсе, у Хогвартса теперь будет новый директор, — прервав неловкое молчание, пробормотала Пини.

— Да? И кто же? — сделав пару неловких шагов вниз по лестнице, спросила я.

— Один очень милый преподаватель преобразования, — ответила за нее Тилис.

— Наверно, так лучше, — пожал плечами Зонк, протягивая мне руку.

— Наверно, — ни к чему не обзывающие рукопожатие.

— Ты не должна уезжать, учебный год еще не окончен, — качая рыжей головой, упрямо повторил он.

— Сдам экзамены экстерном... в любом случае, я не смогу больше оставаться здесь...

— Я... — Лукас запнулся, не в силах выговорить, то, о чем думали мы все.

— Все в порядке, — в едином порыве обняла почти всхлипывающего парнишку я. — Мы попытаемся, честно мы попытаемся...

— Нам будет тебя недоставать, — Тилис кусала губу, силясь не расплакаться.

— Уже пора, — сжимаясь под тяжестью чувств, пискнула я, отстраняясь от Лукаса и почти бегом пересекая зал.

— Подожди, — крикнула мне в след Цециль.

— Меня попросили передать это, хотя я и не хотела, — в руках Циль была тетрадка, я узнала в ней дневник, который видела в руках Тома почти пол жизни назад.

— Как он? — мне было трудно побороть дрожь в руках, когда пальцы коснулись кожаной обложки.

— Какая разница? Он ведь хотел убить тебя.

— Знаю, а еще я никогда не буду уверена, спасал ли он меня, или не хотел, чтобы моя смерть разрушила механизм. Но это ничего не меняет, я не могу его ненавидеть, я никого из них не могу ненавидеть, — слезы стекали по щекам и с каждой слезинкой мне становилось легче. Они были моим отпущением.

Пини ничего не ответила, вместо этого она просто меня обняла. Не знаю, поняла ли она истинный смысл этих слов, но ее сочувствие было лучшим, на что я только могла рассчитывать.

* * *

На платформе было практически пусто, до конца учебного года оставалось еще два месяца. Из Хогсмита вечерним рейсом никто не отправлялся, так что поезд ждал только меня.

— Ты многому научилась за этот год?

Я знала, что это был вопрос, но не собиралась на него отвечать. Да за этот год я узнала намного больше, чем за всю свою жизнь. Осуждала ли я кого ли бы из них? Нет, за это время я усвоила, что мир это сложная штука и мне еще придется долго учиться жить в нем. Но я смогу, потому что умею прощать и я достаточно сильная, чтобы этого не делать. Албус пожал мне руку, как это делают взрослые люди, хотя почему как?

Мы с Томом так и не попрощались, когда утром я пришла в медпункт, его уже не было. Но там, стоя на платформе, я была уверена, что он где-то рядом и наблюдает за мной. Мне даже не нужно было оглядываться, чтобы понять, чью защиту он выбрал для этого. Просто, прежде чем подняться в вагон, я обернулась и послала воздушный поцелуй в сторону кустистых крон деревьев у самой кромки леса. Пусть знает, что я благодарна ему за самый дорогой подарок, который навсегда связал нас. Где бы мы ни были, в нашей груди будет биться сердце — одно на двоих.

В купе было пусто, колеса отбивали ритм, а я сидела у окна и думала о потерянной гостинной и зеркале, что в ней. Оно осталось, только больше не отражает людей... теперь в нем живет она... Такой, какой я ее любила и она отражает лишь самые заветные желания... это ее последнее грустное и прекрасное волшебство.

Расставанья — это к встречи.
 Пусть вся вечность между нами,
 В памяти храню я речи,
 Наши руки и дыханья.
 Верю — расставанья к встречи
 Я люблю, а не прощаю.
 Вопреки всему надеюсь,
 Против совести желаю.
 Знаю — расставанья к встречи.
 Я защитникам нам буду.
 Сохранить тепло сумею,
 А секреты позабуду.
 Помню — расставанья к встречи,
 Время только расстоянья.
 Ближе поцелуя в веки,
 Дальше чем в любви признанья.

Расставанья это к встречи,
Как закон провозглашу я.
Пусть порядок будет вечен,
В мире где тебя ищу я.

Послесловие. «Дочь Азкабана»

Дамблдор смотрел на меня сквозь кустистые брови, взглядом, который не сулили ничего хорошего...

— Где вы это нашли?

Не могу поверить, что вся шумиха из-за какого-то дневника и пары писем...

— В тайнике под кроватью.

Это был абсолютно честный ответ, вчера я попробовал ее передвинуть и камень выпал из стены... Но, похоже, никто в этой комнате мне не верил.

— Дневник и письма написаны от женского имени, как они попали в спальню мальчиков? — заговорила почти обжигающе ледяным голосом профессор МакГонгалл.

— Понятия не имею.

— Шэймус, на вашем месте я бы дважды подумала над ответом.

Почему это так всех взволновало? В кабинете директора стояла половина учителей Хогвартса. Я впервые видел так много разных эмоций, даже на матче по квиддичу вряд ли можно наблюдать нечто подобное. Никто, кроме Мисс МакГонгалл не говорил, но казалась, кабинет так и сотрясало от голосов.

— Мне нужен честный ответ, — неожиданно заговорил Дамблдор, — вы читали данный архив?

— Я... не то чтобы читал, скорее пролистал, но там ничего не понятно...

Казалось его удовлетворил мой ответ.

— Вы можете идти Шэймус, — кивнула директор.

* * *

— Значит, говоришь, они очень разнервничались, когда узнали про ту тетрадку? — с любопытством переспросил Джордж.

— Интересно, что в ней такого, — задумчиво потянул Фред, плюхаясь на кресло рядом с братом.

Гостиная Гриффиндора была почти пуста, лишь пара учеников сидели над недоделанными домашними заданиями.

— Понятия не имею из-за чего шум, — пожал плечами я.

— Ты хоть заглядывал внутрь? — вновь переспросил Джордж.

— Конечно, но я с разу понял, что это дневник какой-то девчонки, а читать слезливые бредни не особенно то хотелось, — надувшись, фыркнул я, хотя на самом деле уже не раз пожалел, что так и не вчитался в эти закорючки.

— Наверно, там было что-то поинтересней, — насмешливо возразил Дин, подсаживаясь ближе к остальным.

— А мне вот что интересно, как девчачий дневник мог оказаться в спальне мальчиков? — встряхнув своей рыжей головой, расплылся в улыбке Фред.

— Какая разница? Все равно Дамблдор конфисковал его и сейчас, небось, припрятал куда подальше, разочаровано протянул я.

На самом деле Альбус Дамблдор в тот день действительно похоронил в недрах замка одну старую тетрадку, думая, что это дневник. В то время как Миневра в своей комнате смотрела на небольшую книжку, в которой некогда были важна каждая строчка, уже давно не имевшая смысла в этом мире. Даже то, что произошло после того, как хрупкая, маленькая девочка с рыжими волосами и не вероятно большими серыми глазами покинула стены Хогвартса. Неважно и то, что она стала первым ауром стоящим в цепи сопротивления только

надвигающемся злу и то, что ее будущее, а ныне прошлое навсегда изменило ход событий в истории. А важен лишь тот день, когда они вновь встретились. Эти две последние страницы были действительно важными. Она знала, когда они были написаны. В тот день, когда Титучи последний раз посетила Хогвартс. Она окликнула ее как в школе.

— Ганни.

— Литисия?! Какими судьбами? — Минерва спешила на урок, но, увидев старую подругу у окна, остановилась. Та совсем не изменилась, разве что пара седых прядей в густых рыжих волосах говорили о трудной судьбе, что она избрала для себя.

— Я тут кое-что привезла, но не решилась отдать никому, кого знаю. Ты в меньшей степени, чем все остальные в курсе о тех событиях, что происходили здесь, — в бледном отблеске лучей, просачивающихся через оконную раму, было видно, что ее руки дрожали. — Я думаю, ты лучше всего распорядишься им, — с этими словами она протянула ей тетрадь в потрепанном кожаном переплете.

— Ты меня пугаешь, почему ты хочешь кому-то ее передать.

— Потому что знаю судьбу, уготованную мне, — Литисия тяжело вздохнула, опираясь на подоконник. — Не пугайся, я просто должна исчезнуть.

— Исчезнуть? Куда?

— Не знаю... Мне самой пока это сложно представить. Я сейчас как перед бездной, но выбора нет. В конце концов, я сама этого хочу.

Этот разговор встревожил Миневру не на шутку, решительность в глазах и голосе подруги граничили с безумием. Возможно, Титучи не хватило сил?.. Нет, должно быть другое логическое объяснение... — покачала она головой, чтобы отогнать дурные мысли. Ее взгляд скользнул по пыльному дорожному плащу подруги и ее тонким белым рукам, скрещенным на животе.

— Ты ждешь ребенка? Ну конечно, вот в чем дело.

— Да, — улыбка легла на едва розовые губы Титучи. — Это мальчик.

— Но это ведь прекрасно. Откуда же такой фатализм? От этого еще никто не умирал, да и исчезать зачем?

— Мы передаем силу демона лишь через поколение и мой мальчик всегда будет в зоне риска, я должна его уберечь. Разве мало для ребенка того, что я передаю ему по наследству чужое сердце? Так я еще призываю его в наш такой беспокойный сейчас мир, и мои враги не должны перейти к нему, поэтому я и должна исчезнуть. Ганни, мы никогда больше не встретимся, но ты и еще один близкий мне человек единственные, кто знают о моем сыне, прошу, сохрани это в секрете.

— Ты могла и не просить, никто и никогда не узнает этого от меня. Как ты решила его назвать?

— Как моего отца, новая улыбка, полная нежности, заиграла на губах Литисии. — я назову его Джи.

— А его отец... — она осеклась, сцепив пальцы. — Какая будет фамилия у ребенка?

Титучи не ответила, просто отвернулась к окну, а потом рассмеялась, звонко и весело.

«Хорошая попытка... Но он не будет носить фамилию своего отца, у него есть имя предков», — кивнула она, касаясь тонкой цепочки на шее с маленькой гончарной бусинкой вместо кулона. — «Его будут звать Джеймс... Джеймс Поттер».

КОНЕЦ

Содержание

Глава 00. Вступительное слово, предисловие, краткое содержания, оправдания или скорее все вместе.....	3
Глава 01. «Когда они смотрят».....	4
Глава 02. «И демон проснется ото сна...».....	7
Глава 03. «Лучшее место для знакомств».....	12
Глава 04. «Там, где хранятся секреты...».....	17
Глава 05. «Приглашение к игре...».....	25
Глава 06. «Все о первых поцелуях...».....	31
Глава 07. «Летучие мыши, Хеллоуин на чердаке и все что под крышей...».....	37
Глава 08. «Игра».....	43
Глава 09. «Пьеса для шепота...».....	48
Глава 10. «Чай с дементором...».....	54
Глава 11. «Ведьмина печать».....	59
Глава 12. «Тот, кто живет во мне...».....	66
Глава 13. «Слеза, которой нет».....	74
Глава 14. «Отражение в бездне...».....	82
Глава 15. «Три имени страха...».....	89
Глава 16. «И стены заговорят...».....	97
Послесловие. «Дочь Азкабана».....	104